

Н. Н. Платошкин

История Мексиканской революции

Истоки и победа 1810–1917 гг.

том I



Университет Дмитрия Пожарского

Николай Платошкин

**История Мексиканской
революции. Истоки и
победа. 1810–1917 гг. Том I**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2011

Платошкин Н. Н.

История Мексиканской революции. Истоки и победа.
1810–1917 гг. Том I / Н. Н. Платошкин — «Русский фонд
содействия образованию и науке», 2011

ISBN 978-5-91244-034-2

В книге дан анализ мексиканской истории с момента обретения страной независимости и до начала мексиканской революции в 1910 году – самой значимой социальной революции в Латинской Америке вплоть до 1959 года. Причиной революционных потрясений стала жесткая, проводившаяся за счет широких масс населения политика модернизации Мексики с опорой на иностранный (прежде всего, американский) капитал во время диктатуры Порфирио Диаса. Описаны движущие силы революции, ее успехи и неудачи, а также попытки США использовать стремление мексиканцев к социальному переустройству в своих целях. В книге даны панорамные, живые портреты выдающихся народных вождей мексиканской революции – Панчо Вильи и Эмилиано Сапаты – чьи имена известны далеко за пределами Мексики. Первый том мексиканской трилогии автора заканчивается 1917 годом, когда народ Мексики принял самую прогрессивную для того времени конституцию страны.

ISBN 978-5-91244-034-2

© Платошкин Н. Н., 2011
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2011

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Бедная богатая Мексика	8
Глава 2. Жестокая модернизация. Эра Порфирио Диаса	42
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Николай Платошкин
История Мексиканской революции.
Истоки и победа. 1810–1917 гг. Том I

© Платошкин Н. Н., 2011

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011

* * *

100-летию Мексиканской революции посвящается

Предисловие

Революции – локомотивы истории
Карл Маркс

XX век вошел в историю как век великих революций. Три русские революции начала столетия не только коренным образом изменили облик одной шестой части суши, но и до сих пор оказывают воздействие на общий ход истории человечества. Как бы ни спорили сегодня историки и политики, основные социальные завоевания – даже такие привычные для современного жителя планеты Земля, как оплачиваемый отпуск, восьмичасовой рабочий день и равноправие полов, – были бы невозможны без жарких споров и кровавых схваток на полях Гражданской войны в России.

Но мы знаем гораздо меньше (или не знаем совсем ничего) о колоссальных социальных потрясениях в других странах. Между тем они предшествовали нашим революциям и сильно повлияли на жизнь России и унастроения ее граждан. В 1911 году в Китае свергли трехсотлетнюю маньчжурскую монархию (по странному совпадению, российская династия Романовых тоже едва пережила свой трехсотлетний юбилей). На три десятилетия Китай, наш великий сосед, стал ареной кровопролитных войн, заговоров и переворотов. Эта революция закончилась только в 1949 году – чтобы продолжаться и по сей день, но уже на фронтах коренного переустройства многовекового жизненного уклада миллиардного населения и невиданного в мировой истории, за исключением СССР 30-х годов, экономического роста.

В 1910 году началась революция в Мексике. Как и в Китае, она закончилась только три десятилетия спустя, хотя последние крупные сражения мексиканской гражданской войны отгремели в 1915 году. Вплоть до кубинской революции 1959 года именно Мексика была примером социального переустройства для всей Латинской Америки. Именно в этой стране, известной сейчас больше своими курортами и сериалами, в результате революции были созданы передовые формы общественного и экономического устройства, многие из которых пристально изучали даже в Европе.

Партия, пришедшая в Мексике к власти после революции, правила страной до 2000 года. Да и сейчас все солидные мексиканские политики решительно настроены сохранять и приумножать завоевания революции. В Мексике сочли бы странным даже поднять вопрос о переименовании улиц и площадей, названных в честь деятелей той далекой эпохи. Здесь подчас соседствуют названия, запечатлевшие память о людях, которые десятки лет тому назад ненавидели друг друга и даже пытались убить. Только на миг представьте себе улицу Троцкого, которая вела бы к площади Сталина!

Мексиканская революция не укладывается в привычные для нас стереотипы. Подчас трудно понять, кто был там настоящим революционером, а кто использовал народную волю в своих личных целях. Реакционеры в мгновение ока превращались в радикалов, и наоборот. В этой книге сделана попытка показать не только борьбу классов и сословий мексиканского общества начала XX века, но и представить читателю галерею портретов выдающихся политиков и военных деятелей, многих из которых до сих пор знают миллионы людей во всем мире. Ни один из мексиканских сериалов по напряжению и динамике даже отдаленно не может сравниться с захватывающей панорамой борьбы, в которой причудливым образом переплетались смелость и безрассудство, расчет и подлость.

История, как принято считать, должна учить избегать былых ошибок. Но иногда стоит взглянуть в чужое прошлое, чтобы увидеть в подернутом пеленой времени зеркале собственную страну сегодня. Читатель сам сможет убедиться, насколько похожими были многие проблемы (например борьба с олигархией и иностранным диктатом) тогдашней Мек-

стики и сегодняшней России. Сейчас российские граждане, подобно мексиканцам в начале XX века, решают вопрос, каким путем пойдет их страна в ближайшие десятилетия. У нас, конечно, есть право на ошибку, но лучше бы его пока не использовать. Может быть, нам поможет в этом опыт далекой, но в чем-то очень близкой нам по менталитету страны.

В отечественной историографии фактически есть только две книги, специально посвященные Мексиканской революции. Это блестящие, фундаментальные работы Н. М. Лаврова «Мексиканская революция 1910–1917 гг.» (М., «Наука», 1972) и М. С. Альперовича и Б. Т. Руденко «Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США» (М., Издательство социально-экономической литературы, 1958).

Автор надеется, что сумеет с помощью этой книги оживить интерес отечественного читателя к великой революции мексиканского народа, к героической и захватывающей истории Мексики.

Глава 1. Бедная богатая Мексика

Разнообразием природных условий, флоры и фауны Мексика вполне может сравниться с целым континентом. В XVI веке, на момент прихода испанских конкистадоров, в северных степях и пустынях с континентальным климатом жили племена индейцев – апачей и команчей. Жили, как и тысячи лет назад, промышляя охотой и собирательством. В центре современной Мексики на высоком плато зародились еще за сотни лет до нашей эры очаги цивилизации. Примерно за 2,5 тысячи лет до нашей эры мексиканские индейцы стали оседлыми и освоили производство керамики.¹ Они, как и древние египтяне, поклонялись богу-Солнцу, а воздвигнутые ими ступенчатые пирамиды по своей площади превосходили египетские.

Жители нагорья достигли довольно больших успехов в сельском хозяйстве, но главной их стезей были бесконечные агрессивные войны. Поэтому названия царств и империй менялись с калейдоскопической быстротой. До завоевания европейцами нагорьем владели пришедшие с севера ацтеки, державшие в страхе соседние народы с помощью кровавых походов, после которых в жертву ацтекским богам приносились десятки тысяч пленников.

На крайнем юге Мексики, отделенном от нагорья труднопроходимыми горами и джунглями, расцвела другая цивилизация доколумбовой Америки – культура майя. Майя были миролюбивее ацтеков, хотя и их города-государства постоянно враждовали друг с другом. Но то ли им была чужда имперская идея подчинения соседей, то ли в условиях заросшей джунглями округи образование большого государства было просто невозможно.

Ацтеки – пожалуй, единственная цивилизация Америки, которая попыталась оказать испанцам организованное и ожесточенное сопротивление. Несмотря на превосходство завоевателей в огнестрельном оружии и страх индейцев перед лошадьми, ацтекам поначалу удалось в результате недельных ожесточенных боев выбить отряд испанского конкистадора Эрнана Кортеса из своей столицы – Теночтитлана.² Испанцы в панике бежали на побережье, и Кортес приказал сжечь корабли, чтобы заставить своих людей сражаться не на жизнь, а на смерть. Такого унижительного поражения испанские конкистадоры не испытывали больше нигде в Новом Свете.

Но ацтеков погубила, как ни странно, собственная воинственность. Соседние племена не забыли кровавых сражений и постоянных жертв жестоким ацтекским богам. Они с радостью пришли на помощь испанцам, и благодаря им завоеватели все же захватили мексиканское нагорье. Покорение полуострова Юкатан, где уже клонились к упадку города майя, произошло только десятилетия спустя. А северные районы страны фактически не были покорены вплоть до начала XIX века и числились среди владений испанской короны скорее номинально.

Свою новую и самую богатую колонию испанцы называли Новой Испанией, и в каком – то смысле это соответствовало истине. Среди населения будущей Мексики был очень высок (до одной трети) процент белых, в то время как в Южной Америке они всегда составляли лишь небольшую прослойку. Иммиграция из Испании не прекращалась вплоть до провозглашения Мексикой независимости, и на то имелась веская причина.

Новая Испания была самой ценной жемчужиной в испанской короне. Ведь там добывалось основное количество золота и серебра всего тогдашнего мира. Именно галеоны из Новой Испании подстерегались многочисленными пиратами Карибского моря. В 1801 году в Новой Испании было добыто золота и серебра на сумму в 16,5 миллиона песо. Правда, испанцы всячески тормозили развитие промышленности в своих колониях и искусственно

¹ Гонсальбо П. Э. и др. Новая краткая история Мексики. М., 2008. С. 13.

² Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 65.

ограничивали их торговлю с внешним миром. В обмен на золото и серебро Новая Испания была обязана ввозить из метрополии по искусственно завышенным ценам практически все необходимые для повседневной жизни товары. Да и сельское хозяйство, будучи крайне отсталым, не давало Новой Испании больше дохода, чем серебряные рудники. Кстати, и выручка от добычи серебра жителям колонии доставалась далеко не вся. Примерно половина ее шла в Мадрид.

Процесс обретения Мексикой независимости тоже резко отличался по сути от всего, что происходило в других испанских колониях.³ И причина тому лежала как раз в расовом составе населения. Составлявшие чуть менее половины всех «новых испанцев» индейцы были поголовно неграмотны и поэтому выключены из всех политических процессов. Они жили и трудились в начале XIX века точно так же, как и к моменту прихода Кортеса. Индейцы, как и до завоевателей, ели кукурузные лепешки и бобы – пшеничный хлеб и вино были им не по карману.⁴ Даже их католичество скорее напоминало видоизмененный племенной культ. Они почитали Иисуса Христа, как ранее почитали своих местных богов. На алтарях местных храмов новому богу приносили привычные жертвы, только на этот раз не человеческие.

В большинстве колоний Испании в Латинской Америке движущей силой движения за независимость были креолы – белые, родившиеся в колониях. По своему социальному статусу они сильно разнились с родившимися в Испании белыми (которых во всех колониях, кроме Мексики, было не так уж и много). Именно креолы, лишенные возможности занимать высшие должности в колониях, как светские, так и церковные, стали главной силой, выступавшей за независимость. Их поддерживали стоявшие еще ниже в социальном табеле о рангах метисы – потомки от смешанных браков индейцев и белых.

Как и везде в Латинской Америке, толчком к объявлению самостоятельности Мексики послужило занятие Испании наполеоновскими войсками в 1808 году. В 1810 году мексиканские креолы провозгласили независимость. Однако многочисленные белые активно воспротивились этому. Когда же к движению за независимость примкнули индейские массы, требовавшие проведения земельной реформы, испугались и сами креолы. 31 июля 1811 года был расстрелян мексиканский Боливар – индейский священник Идальго, возглавлявший повстанческие силы. Сторонники независимости перешли к партизанской борьбе.

Движение за независимость в Новой Испании было подавлено в 1814–1815 годах, когда в Испанию возвратился король Фердинанд, а Наполеон отправился в ссылку. Но в 1820 году мракобеса Фердинанда, вернувшего инквизицию, смела республиканская революция в Мадриде. И вот тогда-то блок креолов и белых Новой Испании решил провозгласить независимость от Испании старой, но революционной. Главной идейной силой такой «независимости» стала католическая церковь. Ей принадлежала половина всей недвижимости Мексики, включая самые плодородные земли. Поэтому святым отцам было не по пути с революционным мадридским правительством, которое как раз и стремилось лишить церковь ее экономической мощи.

Восстание поднял генерал-креол Августин Итурбиде. Вскоре испанский вице-король в Мексике подписал с ним соглашение о признании независимости.⁵

Возникшая в 1821 году Мексика была вторым по территории государством мира после России, занимая площадь более чем в 4,5 миллиона квадратных километров. Кстати, в Калифорнии Мексика и Россия даже граничили между собой до тех пор, пока русские сами не

³ Подробнее о возникновении независимой Мексики см. Альперович М. С. Рождение мексиканского государства. М., 1979.

⁴ Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 65.

⁵ Гонсальбо П. Э. и др. Новая краткая история Мексики. М., 2008. С. 138.

ушли из построенной ими крепости Форт-Росс. Однако, как уже упоминалось, северная часть страны была практически не заселена. Редкие поселения белых вели там непрерывные войны с команчами, причем преимущество было скорее на стороне последних. Характерно, что Российско-американская компания (РАК) в письме министру финансов России Д. А. Гурьеву от 6 августа 1822 года отмечала, что колония Росс «основана по высочайшему дозволению е. в-ва государя императора в 1812 г. на земле, не заселенной никакою европейскою нацией или гражданами Соединенных Штатов и купленной Компаниею у тамошних природных жителей».⁶

Новое государство стало по образцу США федерацией штатов. Благодаря пересеченной труднопроходимой местности (войска из столицы страны Мехико до отдаленного Техаса по бездорожью могли добраться только за несколько месяцев) власти отдельных штатов были практически независимы от центрального правительства, у которого к тому же не имелось боеспособной армии для наведения и поддержания порядка. Эту армию просто не на что было содержать. Системы внутреннего налогообложения не существовало, а церковь, самый крупный землевладелец, вообще не платила в казну ни одного песо, пользуясь к тому же многочисленными льготами и беззастенчиво эксплуатируя индейцев-арендаторов. Основным источником доходов правительства были таможенные сборы с единственного международного порта страны – Веракруса.

Экономическое положение молодой республики ухудшали и разрушительные последствия войны за независимость. С 1810-го по 1820 год сельскохозяйственное производство сократилось наполовину, а ремесленное – на две трети. Промышленности в Мексике и вовсе не существовало. Зато страна унаследовала с колониальных времен государственный долг в 70 миллионов песо. У правительства не хватало доходов даже для погашения процентов по нему, так как система внутреннего налогообложения в стране отсутствовала. Мексика была вынуждена брать в долг за границей, прежде всего у Англии. В начале 1824 года мексиканские власти заняли у английской фирмы «Голдшмит энд Компани» 16 миллионов песо, а уже через несколько месяцев – еще столько же у британского банка «Барклайс».⁷ На место политического господства Испании в Мексике приходила экономическая зависимость от Великобритании.

Возвращать долги туманному Альбиону было нечем. Приходилось предоставлять английским товарам право беспощадного ввоза, что мешало развитию отечественной промышленности и к тому же сокращало единственный твердый доход государства – таможенные сборы. Экономическая кабала Мексики была тем удивительнее, если учесть, что страна производила больше всего серебра в мире. Правда, за время войны за независимость добыча этого драгоценного металла упала в четыре раза.⁸

Сразу же после обретения независимости Мексика вступила в череду бесконечных внутренних и внешних войн, продолжавшихся с редкими паузами до 1867 года. После восстановления с помощью французской интервенции королевской власти в Испании в 1823 году последняя попыталась захватить Мексику и снова превратить ее в колонию. При этом интервенты рассчитывали, и не без оснований, на содействие белого населения страны. В 1829 году трехтысячный испанский отряд с Кубы высадился в порту Тампико, но после ожесточенных боев был разгромлен мексиканской армией под командованием генерала Санта-Анны. После изгнания испанских войск правительство Мексики выслало из страны всех испанцев. Это была мера хотя и популярная в народе, но крайне болезненная с экономиче-

⁶ Россия и Мексика в первой половине XIX века: Совместный советско-мексиканский сборник документов. М., 1989. С. 40.

⁷ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 7. В то время один мексиканский песо равнялся доллару США.

⁸ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 304.

ской точки зрения. Ведь именно испанцам принадлежали оснащенные самой передовой техникой мануфактуры и крупные сельскохозяйственные поместья.

Внутренняя политика Мексики представляла собой постоянный бурлящий котел с бесчисленными мятежами и переворотами. С 1824-го по 1848 год в республике произошло 250 военных мятежей и сменился 31 президент, причем 21 – с 1841-го по 1848-й. С течением времени внутри страны образовались две основные политические силы – либералы и консерваторы. Либералы в классических традициях тогдашней свободомыслящей масонской Европы выступали за отделение церкви от государства и введение системы разделения властей при одновременном жестком ограничении власти армии. Церковь и милитаризм были основными врагами либералов. Военные и священники предпочитали консерваторов, потому что вождями этой партии как раз и были генералы и епископы, не желавшие утраты своего влияния.

Бесконечные политические споры, мятежи, перевороты и контрперевороты, сотрясавшие страну, никак не касались ее неграмотного сельского населения, составлявшего 80 % мексиканцев.⁹ Ведь даже прогрессивные по своей политической сути либералы были реакционерами в социальной сфере. Как и сегодня, они считали, что экономическую жизнь страны должен регулировать чистый рынок. Ну а те, кто не может к нему приспособиться, просто лентяи и должны уступить свое место под солнцем более толковым соплеменникам. Такой социальный дарвинизм был очень модным и главенствующим течением общественной мысли в Европе в XIX веке (в этом смысле австриец Адольф Шикльгрубер-Гитлер выглядит скорее отражением эпохи, а отнюдь не каким-то провозвестником новой идеологии). Именно в ответ на «научный» либеральный дарвинизм возник марксизм, ему же он обязан и своей популярностью.

В то время как в Мексике хаотично сменяли друг друга у власти либеральные и консервативные президенты, половить рыбки в мутной воде решил ее северный сосед. Первоначально мексиканская политическая элита относилась к США с симпатией. Ведь эта демократическая республика поддерживала восставшие испанские колонии и провозгласила в 1822 году доктрину Монро – запрет европейским монархиям на проведение вооруженных интервенций в Западном полушарии. Поэтому первые мексиканские правительства поощряли заселение американскими колонистами малообжитых северных штатов страны, особенно Техаса. Американские поселенцы освобождались от налогов и могли беспоплатно ввозить товары для своих нужд. В Техас хлынул поток всяческого люда, в том числе множество авантюристов и просто преступников, хотя, конечно, большинство иммигрантов составляли фермеры, желавшие быстро разбогатеть. К середине 30-х годов XIX века в Техасе было в пять раз больше американцев, чем мексиканцев. Американцы платили за акр земли в Техасе мексиканскому правительству 10 центов, а в США земля стоила 1,25 доллара за акр.¹⁰

Как только американские поселенцы узнали об отмене мексиканским Конгрессом рабства и стремлении центральных властей заставить их платить налоги, они сразу же взяли за оружие – как водится, под самыми что ни на есть демократическими лозунгами. Но на самом деле защищали они только одну свободу – свободу рабовладения.

На счастье техасских мятежников, которых почти открыто поддерживали американские власти, Мексикой в тот момент правил человек, принесший стране неисчислимые несчастья. Генерал Антонио Лопес де Санта-Анна (1795–1876) боролся в период войны за независимость в рядах роялистов. Популярности ему придал разгром испанской экспедиции в 1829 году. Потом он примкнул к либералам, сделавшим его президентом. Возглавив государство, Санта-Анна изгнал либералов и стал диктатором. Этот человек искренне считал

⁹ В самом крупном городе и столице страны – Мехико – к моменту обретения независимости жили 155 тысяч человек.

¹⁰ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 304.

себя мексиканским Наполеоном. Правда, от своего идеала он отличался как минимум двумя вещами: отсутствием военного таланта и чудовищной беспринципностью. Однако техасских колонистов Санта-Анна считал как раз тем противником, который сможет подтвердить его военный гений.

В ноябре 1835 года президент во главе своей шеститысячной армии выступил из Мехико на север для наказания техасских мятежников. Ходили упорные слухи, что Санта-Анна был готов отдать Техас США за 5 миллионов долларов и полмиллиона долларов ему лично.¹¹ Сам же Санта-Анна заявил британскому и французскому послам, что если США поддержат мятеж в Техасе, то он продолжит марш на Вашингтон и водрузит над Капитолием мексиканский флаг.



Мексиканский диктатор Санта Анна

¹¹ Fowler W. Santa Anna of Mexico. Lincoln, University of Nebraska Press, 2007. P. 163.

Оборванные и голодные мексиканские солдаты смогли добраться по бездорожью в Техас только в начале следующего года. Санта-Анна довольно легко взял крепость Аламо (ныне это мемориал, находящийся в городе Сан-Антонио и посвященный «героям-техасцам») – главным образом потому, что большинство колонистов отказались помочь своим осажденным собратьям. Но апрельским утром 1836 года близ реки Сан-Хасинто на мексиканскую армию (от которой после изнурительного марша осталось 1200 человек) напали около 600 колонистов, застав солдат врасплох. «Битва» длилась полчаса, мексиканцы разбежались, а «Наполеон Западного полушария» попал в плен. В плену Санта-Анна дал согласие на независимость Техаса и был отпущен с миром. Мексиканский Конгресс отказался от этих обязательств, но было поздно: независимость Техаса признали США, и туда хлынул поток рабовладельцев из южных американских штатов. Сама «независимая» республика немедленно попросила принять ее в состав США, но американцы медлили, опасаясь, что в Мексике к власти может прийти твердое правительство и при помощи Европы сокрушить мятежников.

Санта-Анна истратил на войну все национальное богатство и еще глубже завел страну в долговую зависимость от иностранных держав, прежде всего Англии и Франции. В марте 1838 года французское правительство потребовало немедленно заплатить за ущерб, который якобы нанесли французским подданным в Мексике бесчисленные перевороты. Мексиканское правительство президента Бустаманте от уплаты поначалу отказалось. Но французский флот занял островную крепость Сан-Хуан-де-Улуа на подступах к Веракрусу, внешняя торговля страны замерла, и Бустаманте ничего не оставалось, как согласиться уплатить французам 600 тысяч песо. Во время осады французами Веракруса пущенное с корабля интервентов ядро оторвало ногу Санта-Анне, и он опять вернул себе подмоченную в Техасе репутацию.¹²

Пример Франции оказался явно заразительным для США. Мексика без флота и собственной военной промышленности была для поднаторевшей в истреблении индейцев американской армии удобным противником. В начале 1845 года президент США Полк заявил о предстоящем присоединении Техаса к США, прекрасно зная: ранее Мексика неоднократно заявляла, что будет расценивать аннексию Техаса как объявление войны. Как раз этой войны американцы страстно и желали: рабовладельцам Юга требовались новые плантации.¹³ Заняв Техас, американская армия под командованием генерала Тейлора в начале 1845 года вторглась на мексиканскую территорию без объявления войны. Одновременно в Калифорнии местные американские поселенцы провозгласили независимую «медвежью республику» (названную так, потому что на ее флаге был изображен медведь). Излишне говорить, что «медведи» сразу попросили присоединения к США.

Длительной войны с Мексикой американцы все же побаивались, так как армия США насчитывала в 1845 году 5500 человек.¹⁴ Вся надежда была на то, что мексиканцы не станут воевать за давно потерянный Техас.

Армия Тейлора оказалась не в силах справиться с мексиканским бездорожьем и крайне медленно продвигалась вглубь страны. Ей оказывали сопротивление в основном партизанские отряды. Мексиканская регулярная армия сражалась храбро, но она ничего не могла противопоставить современной американской артиллерии. 21 сентября 1846 года, после ожесточенных трехдневных боев, американцы захватили крупный город Монтеррей. Однако у Тейлора уже не хватало сил на захват Мехико. И тут на помощь пришел «Наполеон Западного полушария».

¹² Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 193.

¹³ Герой гражданской войны и будущий президент США Грант участвовал в мексикано-американской войне. Гораздо позднее он расценил эту войну как «одну из самых несправедливых войн, которые когда-либо вела сильная нация против слабой». Цит. по: Потокова Н. В. Агрессия США против Мексики 1846–1848. М., 1962. С. 70.

¹⁴ Glary D., A. Eagles and Empire. The United States, Mexico and the Struggle for a Continent. New York, 2009. P. 70.

Санта-Анна жил в эмиграции на Кубе, которая оставалась испанской колонией. Как только вспыхнула американо-мексиканская война, он немедленно предложил правительству США сделку. Если ему помогут попасть в Мексику (все мексиканское побережье блокировал флот США), он согласится уступить американцам за 30 миллионов долларов ту территорию, на которую они претендуют. А американцы в то время претендовали уже не только на Техас и Калифорнию, а на две трети всей Мексики, не утруждая себя даже обоснованием своих требований. Они немедленно пропустили корабль с Санта-Анной в Мексику, и в декабре 1846 года не подозревавший о предательстве «Наполеона» мексиканский Конгресс избрал его президентом. Хитрый генерал пообещал быстро изгнать захватчиков из пределов страны и опять заручился поддержкой либералов, которые были душой народного сопротивления.



Сражение периода американо-мексиканской войны 1846-1848

Для финансирования войны либералы внесли законопроект о конфискации части церковной собственности, что встретило решительное сопротивление консерваторов. Мексика оказалась на пороге еще и гражданской войны.

К февралю 1847 года войска Санта-Анны¹⁵ добрались до группировки Тейлора и нанесли ей чувствительное поражение, несмотря на превосходство американцев в артиллерии. Американцы отступили, но тут Санта-Анна вдруг отпустил 400 пленных солдат США и отвел войска на исходные позиции. Затем он и вовсе бросил армию, уехав в столицу. В Мехико либералы как раз успешно подавляли мятеж консерваторов. Но Санта-Анна встал на сторону мятежников, уволил вице-президента либерала Фариаса и сразу же отменил закон о конфискации церковной собственности. В благодарность за это он получил от клерикалов 2 миллиона песо.

Между тем армия Тейлора не могла справиться даже с раздираемой противоречиями и преданной собственным президентом страной. В марте 1847 года новая американская армия во главе с генералом Скоттом высадилась в Веракрусе, чтобы кратчайшим путем добраться до Мехико. Полное отсутствие у Мексики флота сделало Веракрус легкой добычей. В апреле

¹⁵ Во главе голодной и плохо одетой 18-тысячной-армии Санта-Анна добирался до Тейлора месяц и потерял на марше 4 тысячи человек. См. Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people*. New York, 1992. P. 215.

армия «мексиканского Наполеона» была наголову разгромлена и бежала, бросив и так не очень многочисленную артиллерию. В мае 1847 года американцы, приветствуемые духовенством, вступили в город Пуэбла, которому еще придется сыграть ключевую роль в истории Мексики.

Санта-Анна тайно предложил Скотту, армия которого понесла серьезные потери, немедленное перемирие в обмен на 10 миллионов песо, из которых президент-предатель просил немедленно выплатить ему миллион. Скотт сразу же согласился. Оставалось убедить самих мексиканцев, которые не хотели без боя сдавать столицу. Либералы сформировали в Мехико новую армию в 20 тысяч солдат и 100 орудий. По всей стране возникали батальоны местной милиции, готовые к переброске к столице. В августе армия Скотта начала штурм Мехико, который сперва был отбит. Американцы запросили перемирия. Получив подкрепление, в начале сентября захватчики снова пошли на штурм и опять потерпели неудачу. При толковом командовании мексиканцы вполне могли бы полностью разгромить армию Скотта. Но многие генералы-консерваторы отнюдь не хотели победы, которая привела бы к власти их смертельных врагов-либералов. К тому же мексиканцам, не имевшим собственной военной промышленности, катастрофически не хватало боеприпасов: на одну винтовку приходилось в среднем 15 патронов.¹⁶

Несмотря на героическое сопротивление кадетов военной школы Чапультепека (крепость в одном из районов Мехико), американцы 14 сентября 1847 года заняли Мехико. Муниципалитет оказывал им всяческую помощь. На площадях мексиканской столицы появились виселицы, некоторые католические храмы были превращены в конюшни.

Однако и Тейлор, и Скотт требовали от президента Полка скорейшего формального завершения войны, так как в Мексике разворачивалось мощное партизанское движение, не подконтрольное предателю Санта-Анне. В октябре 1847 года партизаны атаковали Пуэблу и убили тамошнего американского коменданта. Из-за партизан снабжение армии Скотта через Веракрус оказалось под угрозой. А иного пути просто не существовало.

2 февраля 1848 года стало самым черным днем мексиканской истории. В селении Гуадалупе-Идальго был подписан продиктованный американцами мирный договор, по которому Мексика за 15 миллионов долларов уступала США более половины своей территории – 2,3 миллиона квадратных километров. Границей между обоими государствами стала река Рио-Гранде, являющаяся ей и до сих пор. Левое крыло либералов в Конгрессе («пурос», т. е. «истинные», «чистые») активно выступало против ратификации договора. Но блок консерваторов и умеренных либералов («модератос») опасаясь гражданской войны, большинством голосов ратифицировал позорную сделку.

¹⁶ Потокова Н. В. Агрессия США против Мексики 1846–1848. М., 1962. С. 116.



Бенито Хуарес

Унижение извне (как и в России после Крымской войны) резко обнажило внутренние проблемы страны, которая еще фактически так и не сложилась как единое государство. Необходимо было срочно выводить Мексику на путь современного развития. Иначе все могло окончиться окончательной аннексией всей страны США, к чему, собственно, открыто призывали рабовладельцы южных американских штатов. Дело в том, что тогда в США уже было запрещено рабство севернее той территории, на которой оно фактически существовало. Поэтому в поисках свободных земель плантаторы-рабовладельцы обращали свои взоры на соседние Мексику и Кубу.

Почти сразу после войны с США в Мексике разразилась революция. Либералы понимали —, пока церковь и генералитет владеют властью (прежде всего экономической) на местах, современное развитие страны невозможно. Одним из наиболее ярких и радикальных лидеров либеральной партии впервые в истории Мексики стал индеец — выходец из расположенного южнее Мехико штата Оахака Бенито Хуарес.

Он родился 21 марта 1806 года в бедной крестьянской семье и в раннем детстве стал круглым сиротой.¹⁷ Монах-переплетчик, у которого он работал помощником, обучил смыш-

¹⁷ Мать Бенито (он был третьим ребенком в семье) умерла при очередных родах, когда будущему президенту Мексике

ленного паренька грамоте и рекомендовал его для обучения в семинарию. Тогда в Мексике для бедняка это было единственной возможностью получить хоть какое-то образование. Но священником Хуарес быть не захотел и избрал для себя карьеру адвоката. В годы войны с американцами популярный благодаря своей неподкупности (нечастое среди мексиканских адвокатов того времени явление) и доступности для простого населения индеец из народности сапотеков стал губернатором родного штата Оахака. Хуареса отличала редкая для Латинской Америки принципиальность. Никакие дружеские связи не могли заставить его поступиться своими идеалами.

Таким образом, Хуарес, свято веривший в демократию и торжество закона, был прямым антиподом Санта-Анне. После позорного провала в войне с США мексиканский «Наполеон» снова отправился в эмиграцию, на этот раз в Колумбию. В 1853 году, воспользовавшись очередным мятежом консерваторов против правительства «модератос», Санта-Анна вернулся в страну и захватил власть. В декабре 1853 года он провозгласил себя пожизненным диктатором с титулом «светлейшее высочество». Лидеров «пурос» выслали из страны. Хуарес был вынужден работать в США на табачной фабрике в Новом Орлеане. Казалось, Мексику ждет очередная национальная катастрофа.

Конечно, обойтись без предательства «Наполеон» опять не смог. 30 декабря 1853 года его правительство подписало с США договор об уступке американцам за 10 миллионов долларов территории в 120 тысяч квадратных километров на севере страны. По имени американского посланника в Мехико этот договор стали именовать «сделкой Гадсдена».¹⁸ На этот раз Санта-Анна уже явно переполнил чашу терпения столько раз проданной им родины.

1 марта 1854 года о начале борьбы против правительства заявил губернатор южного штата Герреро неграмотный индеец Хуан Альварес. Из погонщика мулов он выбился в выдающегося офицера революционной армии времен войны за независимость.

Следует отметить, что и тогда, и позднее все вооруженные мятежи и выступления в стране гордо именовались «революциями». Каждое выступление начиналось с провозглашения программы, называвшейся «планом». Как правило, чтобы не запутаться в многочисленных «планах», их именовали по месту провозглашения. Не стал исключением и судьбоносный 1854 год. Провозглашенный восставшими (они нарекли себя армией восстановления свободы) «план Аютлы» требовал немедленного восстановления в стране демократического образа правления и свержения Санта-Анны. Поначалу восставшие находились в очень сложном финансовом положении, но на их сторону стал бывший начальник таможни тихоокеанского порта Акапулько Игнасио Комонфорт. Его отряд занял Акапулько, и повстанцы получили необходимые им средства.

Военная экспедиция Санта-Анны в Герреро в марте 1854 года закончилась ничем, так как восставшие уклонились от сражения с регулярной армией и вели изматывающую партизанскую борьбу. Постепенно народное движение охватило и другие штаты. Пожалуй, впервые с 1810 года восставшие были не отрядом регулярной армии под руководством очередного тщеславного генерала, а действительно революционным войском, ставившим перед собой задачу не просто дорваться до власти, а коренным образом преобразовать страну. Во многом революция 1854–1855 годов стала прообразом великой мексиканской революции следующего столетия.

Опираясь на ресурсы восставших штатов (надо отметить, что в каждом штате Мексики по американскому образцу были запасы оружия на случай образования милиции штата), отряды Альвареса и Комонфорта превратились в регулярные войсковые части и повели с

исполнилось три года. Отец умер еще раньше. См. Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 9.

¹⁸ Американцы настаивали на продаже им всего севера Мексики – штатов Чиуауа и Сонора. См. Галеана П. Хуарес в истории Мексики. М., 2008. С. 24.

юга и запада наступление на Мехико. «Наполеон» не стал снова пытаться свое военное счастье и летом 1855 года бежал из страны.¹⁹

Новое правительство Мексики, образованное из «пурос» (только военный министр Комонфорт принадлежал к «модерадос»), немедленно провело коренную чистку армии, уволив более 800 реакционных офицеров. Из бедняков и представителей прогрессивных средних слоев начали формироваться части Национальной гвардии – по сути, в противовес коррумпированной и разложившейся регулярной армии. Был принят давно пропагандировавшийся либералами закон о судопроизводстве, лишивший церковь и армию всех судебных привилегий.

В декабре 1855 года с согласия военного министра Комонфорта вспыхнул реакционный военный мятеж. Национальная гвардия, будучи еще толком не сформированной, не смогла оказать сопротивления. Альварес вынужден был передать власть Комонфорту и отступил со своей индейской армией на родину в штат Герреро (индейцы, выходцы с равнины, очень плохо переносили высокогорный климат Мехико).

Однако консерваторы, ободренные первым успехом, решили избавиться и от самого Комонфорта. При поддержке церкви они образовали в Пуэбле из уволенных офицеров Священный легион, провозгласивший лозунг «Религия или смерть!». Но Комонфорт, в отличие от Санта-Анны, был толковым офицером и довольно легко подавил мятеж. Провалилась и попытка мятежников захватить Веракрус и лишить правительство финансовых доходов от крупнейшей таможни страны.

Комонфорт был вынужден качнуться влево и заключить тактический союз с «пурос». Вернувшийся после бегства Санта-Анны из эмиграции Хуарес (бывший министром юстиции в правительстве Альвареса) стал автором закона о полной ликвидации сословных привилегий армии и духовенства. Начавший свою работу в феврале 1856 года Учредительный конгресс утвердил этот закон. В Мексике зарождалась подлинная революция, по сути, ставшая второй войной за независимость. В июне 1856 года министр финансов Мигель Лердо де Техада провел закон, запрещавший церковным и гражданским корпорациям владение недвижимостью. Этот закон потом стал именоваться в мексиканской истории Реформой, и именно вокруг него разгорелась полномасштабная и последняя мексиканская гражданская война XIX века. Кстати, и саму эту войну нарекли «войной Реформы».

Лердо как правоверный либерал предвосхитил российского Столыпина. Он хотел сделать недвижимость частью свободного товарно-денежного оборота. Конечно, прежде всего закон бил по церкви, так как монастырям (т. е. по терминологии закона церковным корпорациям) принадлежали лучшие земли страны. Однако не менее сильно закон ущемлял права и индейских сельских общин – «эхидос», которые тоже владели существенной частью пахотных земель. Причем у индейцев, в отличие от церковников, зачастую не было никаких документов, подтверждавших их право на землю. Они просто обрабатывали ее испокон веков, еще до прихода европейцев.

Конечно, Лердо не был противником индейцев как таковых. Но он, как и Столыпин, полагал, что землю должен обрабатывать частник, считая общину менее прогрессивным укладом хозяйствования. К тому же закон защищал права тех многочисленных крестьян, которые арендовали церковные земли: ведь он обязывал церковь продать свои земли тем, кто их арендует. Причем этот закон больше благоволил бедным земледельцам, чем «освобождение» крестьян в России в 1861 году, осуществленное, как известно, без земли. Если мексиканский арендатор в течение трех месяцев заявлял о желании приобрести арендуемую им землю, то она сразу передавалась в его собственность при условии погашения ее стоимо-

¹⁹ Чтобы собрать денег на борьбу с революционерами, Санта-Анна хотел продать очередной кусок мексиканской территории США, но не успел этого сделать. См. Парке Г. История Мексики. М., 1949. С. 210.

сти постепенно (каждый год новый собственник платил около 6 % стоимости).²⁰ Индейцы – члены «эхидос» – также объявлялись арендаторами и должны были оформить обрабатываемые ими участки в частную собственность. В противном случае земля подлежала продаже с торгов. Неграмотное коренное население страны никак не могло понять, почему оно вдруг должно изменить устоявшийся веками традиционный способ обработки земли. К счастью для большинства «эхидос», вспыхнувшая вскоре гражданская война прекратила реализацию закона.

В конце 1856 года Конгресс занялся более важным делом – выработкой новой Конституции. С ее помощью либералы стремились окончательно покончить с пережитками феодализма и превратить Мексику в некое подобие прогрессивных США. Борьба вокруг Конституции была крайне ожесточенной. Духовенство и консерваторы активно противились закреплению принципа отделения церкви от государства. При поддержке президента Комонфорта в столице проводились демонстрации в защиту «гонимой» религии.²¹ Характерно, что, как обычно, либералы, даже самые прогрессивные, абсолютно игнорировали социальные проблемы страны. Они считали, что достаточно отменить все ограничения для предпринимательской деятельности (Лердо мотивировал свой закон именно этим) и обеспечить принцип разделения властей – и страна сразу же заживет счастливой жизнью. Поэтому Конгресс большинством голосов отверг «коммунистические» предложения депутатов Арриаги и Ольверы, предложивших законодательно ограничить величину помещичьего землевладения, а излишки отдать малоземельным крестьянам.

Если бы эти предложения были приняты, вполне возможно, никакой революции в Мексике в XX веке не произошло бы. Ведь мексиканские крестьяне (как и российские) страдали не от отсутствия разделения властей, а от невозможности прокормить себя со своих крохотных клочков земли. Им приходилось за половину урожая арендовать дополнительную землю у помещика. Причем стоимость аренды была столь высокой, что большинство арендаторов влезали в долги и превращались в пеонов – должников рабов, чье положение напоминало жизнь русских крепостных. Пеоны уже не могли уйти с земли, пока не отработают долг, а в случае их смерти долг переходил на детей.

5 февраля 1857 года мексиканский Конгресс утвердил-таки новую Конституцию – одну из самых прогрессивных для того времени. В Мексике законодательно запрещалось рабство, и любой раб, попадавший на ее территорию, автоматически обретал свободу (этот пункт вызвал особую ненависть «прогрессивной» общественности американских южных штатов, где рабовладение в то время процветало). Ликвидировались все сословные привилегии – «фуэрос», и все жители страны получали одинаковые политические права. Кстати, одна из статей Конституции все-таки запрещала пеонаж, однако на местах помещики вплоть до начала XX века эту статью игнорировали. Были гарантированы основные права и свободы. Духовным лицам запрещалось избираться в Конгресс и на пост президента. Учреждалась Национальная гвардия. Главу государства – президента – избирали всеобщим голосованием на четыре года, депутатов Конгресса – на два (здесь налицо практически полное заимствование положений Конституции США).

Мексиканская церковь немедленно предала Конституцию анафеме, так как туда вошли положения «закона Лердо». ²² Епископы запрещали местным священникам звонить в колокола в честь основного закона. Однако во многих местах население сбивало замки на закрытых церквях и самостоятельно приветствовало Конституцию колокольным звоном. В раз-

²⁰ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 34.

²¹ На самом деле церковь сильно озлобил закон министра юстиции Хосе Марии Иглесиаса от 11 апреля 1857 года, по которому, в частности, церкви запрещалось требовать с бедняков плату за отправление культа.

²² При этом Конституция отнюдь не отделяла церковь от государства – просто римско-католическая церковь согласно основному закону уже не была государственной, как прежде, что означало фактически свободу вероисповедания.

личных частях страны вспыхнули реакционные мятежи. Одновременно в некоторых штатах крестьяне стали захватывать помещичьи земли. Мексику снова охватила смута.

В этих условиях избранный в ноябре 1857 года на пост президента Комонфорт решил снова придержать «пурос» и организовал военный мятеж в одной из бригад, дислоцированных недалеко от Мехико. Глава выступления генерал Сулоага, естественно, провозгласил свой «план», в котором требовал пересмотра конституции и предоставления Комонфорту неограниченных полномочий. Последний «не возражал». Мятежники арестовали радикальных депутатов Конгресса и председателя Верховного суда Хуареса, который согласно конституции автоматически становился главой государства в случае досрочной отставки президента. Однако когда под давлением церкви мятежники потребовали отмены «закона Лердо», Комонфорт уже не мог их поддержать: слишком много бывших генералов и его друзей обогатились, скупив за бесценок церковные земли. Тогда Сулоага сам стал президентом, а Комонфорт бежал через Веракрус в США. Правительство мятежников признали США, Франция, Испания и, конечно, Ватикан.

Перед своим бегством из столицы Комонфорт успел освободить Хуареса и арестованных вместе с ним депутатов Конгресса. Хуарес в соответствии с конституцией объявил себя президентом и начал решительную борьбу с мятежниками. Его поддержали несколько штатов на севере и юге страны. Началось формирование новой армии, так как регулярные вооруженные силы поддерживали Сулоагу.²³ Сторонники Хуареса (они называли себя конституционалистами) контролировали большую часть территории. И главное – порт Веракрус с его таможенными поступлениями. Однако с деньгами у правительства Сулоаги затруднений не было, так как его щедро субсидировала церковь.

По оценкам английских и американских дипломатов, за конституционалистами шло 70–80 % населения. Тем не менее первые бои с регулярной армией закончились для конституционалистов тяжелыми поражениями. Новой армии требовалось время, чтобы приобрести навыки настоящей войны. Хуарес с трудом координировал действия многочисленных партизанских отрядов, которые очень медленно преобразовывались в более крупные соединения.

На беду сторонников конституции, у Сулоаги был очень талантливый генерал Мирамон, который, в конце концов, оттеснил отряды Хуареса от столицы на малообжитой север. Правительство конституционалистов через США морем прибыло в Веракрус. В феврале 1859 года Мирамон осадил этот город, но на выручку Хуаресу пришли отряды толкового и смелого до отчаяния генерала Дегольядо, неожиданно ударившие прямо на столицу. Мирамон, вынужденный снять осаду, вернулся в Мехико. Дегольядо был разбит.

Гражданская война отличалась невиданным в истории Мексики ожесточением. Консерваторы расстреливали пленных, что для того времени было вещью неслыханной. Хуарес отвечал радикальными декретами, которые ясно показывали, что компромисс между противоборствующими сторонами невозможен. 12 июля 1859 года он провозгласил манифест о «социальной реформе в Мексике», за что консерваторы немедленно окрестили его коммунистом. Если «закон Лердо» лишь предлагал церкви продать принадлежащую ей недвижимость, то манифест Хуареса провозгласил безвозмездную национализацию. Это соответствовало логике военного времени: было абсолютно ясно, что именно церковь финансирует врагов конституции. По церкви наносился и еще более сильный экономический удар: все граждане освобождались от обязательных церковных обрядов (свадьбы, похороны и т. д.),

²³ На сторону Хуареса встал генерал Парроди, под командованием которого было около 8 тысяч солдат и офицеров. Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 75.

за которые церковь взимала деньги. Регистрация актов гражданского состояния перешла в руки государства. Все мужские и женские монастыри закрывались.²⁴

Губернаторы некоторых конституционалистских штатов пошли еще дальше. В некоторых из них священников, агитировавших против Конституции, подвергали смертной казни.

На внешнеполитическом фронте Хуаресу удалось добиться признания со стороны США. Правда, не бесплатно. В декабре 1859 года был подписан договор, предоставлявший американцам право беспрошльного транзита с атлантического на тихоокеанское побережье через узкий мексиканский перешеек Теуантепек. Существенная выгода для США – ведь тогда еще не было Панамского канала, прорытого лишь в 1914 году. Хотя Сенат Соединенных Штатов не ратифицировал этот договор, американцы стали предоставлять Хуаресу займы,²⁵ и его сторонники получили возможность закупать в США оружие. Вашингтон отнюдь не пылал любовью к конституционалистам, однако США тревожила слишком сильная ориентация Сулоаги на европейские страны.²⁶ Хуарес же быстро воспользовался американской помощью. Когда мятежники купили в Испании два корабля и начали блокаду Веракруса, Хуарес объявил эти суда пиратскими, и американский флот с согласия законного мексиканского правительства захватил их.

Но на суше, казалось, ничего нельзя поделать против Мирамона, которого церковь объявила «сверхчеловеком». Стоило либералам в октябре 1858 года с большим трудом захватить крупный город Гвадалахару, как Мирамон через месяц довольно легко выбил их оттуда. Тем не менее с начала 1860 года стало сказываться большое численное преимущество конституционалистов. К тому же и у них выросли талантливые военачальники, среди которых блистали генералы Ортега, Эскобедо и Диас. Летом 1860 года с севера и с юга одновременно армии Хуареса начали наступление на Мехико. В августе Мирамон потерпел неудачу, а уже в декабре «сверхчеловек» был разгромлен. На рождество 25 декабря 1860 года после трех лет невиданной вооруженной борьбы, охватившей всю страну, армии конституционалистов вошли в Мехико. Регулярная армия страны впервые (но, как мы увидим, не в последний раз) была разбита армией народной.

В январе 1861 года президент Хуарес обосновался в Мехико. Казалось, страна может наконец-то зажить мирной и упорядоченной жизнью. Но тут на помощь уже разбитым консерваторам, чьи отдельные отряды перешли к партизанской войне, неожиданно пришли внешние силы.

Избранный в июне 1861 года полноценным президентом Хуарес оказался один на один с тотальным банкротством страны. Нечем было платить жалование армии, которая за годы войны стала крупнейшей в истории Мексики.²⁷ В июле 1861 года мексиканский Конгресс был вынужден заявить о временном приостановлении на два года выплат по внешнему долгу. Это дало желанный повод европейским державам для вмешательства во внутренние дела Мексики. При этом основную часть долга накопило за время гражданской войны консервативное правительство Мирамона, получив кредит у швейцарского банкира Жеккера, принявшего впоследствии французское подданство. Жеккер, в свою очередь, был известен тем, что давал деньги почти всем влиятельным сановникам Второй империи во Франции. В частности, 30 % облигаций мексиканского долга Жеккер предложил герцогу де Мори (сводному брату Наполеона III, сыну его матери и одного светского франта, самому влия-

²⁴ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 383.

²⁵ Первый заем составлял 2 миллиона песо.

²⁶ Консерваторы взяли заем у швейцарского банкира Жеккера, связанного с французским императором Наполеоном III.

²⁷ Хуарес сократил армию, пытался отменить внутренние пошлины – «алькабалу» – и впервые в истории Мексики выпустил медные монеты.

тельному министру Второй империи). После этого по наущению де Морни колебавшийся ранее Наполеон принял решение завоевать Мексику и заставить ее платить по всем счетам.

Итак, душой новой интервенции против Мексики опять стал Наполеон, на этот раз почти настоящий. Император французов Наполеон III был родным племянником великого дяди и считал, что унаследовал от того талант полководца. Казалось, для этого сомнений есть все основания. В 1853-1855 годах французы вместе с англичанами поставили на колени Россию. Ту самую Россию, которая в 1812 году победила великого дядю. В 1859 году армии Наполеона III разгромили Австрию – еще одного исторического противника семейства Бонапартов. Оставалось только превзойти Наполеона I еще и на американском континенте, где у великого корсиканца дела в свое время явно не ладились. В 1803 году он был вынужден продать громадные территории в бассейне Миссисипи США, а затем еще и проиграл войну против лидера чернокожих повстанцев на Гаити Туссена-Лувертюра.

Когда в 1861 году мексиканские эмигранты-консерваторы появились в Париже, Наполеон III слушал их весьма благожелательно. Ведь они предлагали ему или любому из его родственников мексиканский престол. Якобы измученные безбожником Хуаресом добрые католики-мексиканцы только и ждут заморского принца-избавителя.

Однако без господствующей на море Англии Наполеон не мог решиться на вторжение в Мексику. И тут как раз подоспел понятный англичанам предлог – прекращение обслуживания мексиканского долга. К тому же в апреле 1861 года в США началась кровопролитная гражданская война, и доктрины Монро можно было не опасаться. Британский премьер-министр Пальмерстон решил позволить Наполеону от имени держав-кредиторов разбить Мексику и тем самым насолить американцам, которые тоже были не прочь прикупить себе еще кусок территории южного соседа. Самого французского императора Пальмерстон считал «надоедливой посредственностью по имени Наполеон III, в чьем мозгу глупые идеи размножаются как кролики».²⁸

31 октября 1861 года в Лондоне была подписана конвенция Франции, Испании и Англии, согласно которой три страны обязались совместными усилиями взыскать мексиканские долги вооруженным путем. Даже по меркам того времени претензии к разоренной войной Мексике выглядели слишком натянутыми. Тем более что 23 ноября 1861 года мексиканский Конгресс сам же и отменил свое июльское постановление о долговом моратории. Но Наполеона долги интересовали теперь уже мало. Чернышевский справедливо описал суть тогдашней французской политики: «...надобно мешать устройству дел у других народов, чтобы держать их в бессилии и в зависимости от себя».

Уже в декабре 1861 года испанские войска с Кубы заняли Веракрус. В январе 1862 года к ним присоединились англичане и французы.²⁹ Французы потребовали неукоснительного соблюдения соглашения Мирамона-Жеккера, а в качестве гарантии уплаты долга настаивали на своем праве оккупации Веракруса и установлении французского контроля над сбором таможенных пошлин. Хуарес решил сманеврировать и расколоть единый фронт интервентов. 19 февраля 1862 года в местечке Ла-Соледад была подписана конвенция между Мексикой и тремя державами, по которой мексиканское правительство соглашалось на продолжение переговоров о долге. Хуарес даже согласился, что на время переговоров иностранные войска смогут занять три мексиканских города – Кордову, Орисабу и Теукан. Англичан и испанцев это удовлетворило. Тем более что никакой обещанной эмигрантами-консерваторами народной поддержки в Мексике они не заметили. В этих условиях возможная война грозила затянуться. Британский премьер Пальмерстон решил, что будет весьма неплохо поз-

²⁸ Цит. по: Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969. С. 259.

²⁹ Первоначально основу армии интервентов составляли испанцы – примерно 6 тысяч солдат и офицеров. Французов было около 2 тысяч, а англичане направили в Мексику 700 морских пехотинцев.

волить слишком амбициозному Наполеону завязнуть в далекой Мексике и отвратить его аппетит от европейских дел.

В апреле 1862 года испанские и английские войска покинули Мексику. Но Наполеону это было как раз выгодно. Теперь, с развязанными руками, он решил установить в Мексике монархию. Правда, англичане не хотели видеть на мексиканском троне французского принца, поэтому Наполеону пришлось найти нейтральную кандидатуру – брата австрийского императора Франца-Иосифа Максимилиана Габсбурга. Максимилиан был женат на дочери бельгийского короля Шарлотте, а Бельгия считалась естественным связующим звеном между Францией и Англией. К тому же Шарлотта была родственницей британского королевского дома (ее отец приходился дядей британской королеве Виктории).

Хуарес между тем впервые в истории страны объявил мобилизацию населения, способного носить оружие, и декретировал смертную казнь для всех иностранцев и их пособников, посягавших на независимость Мексики. Тем самым подчеркивалось, что против интервентов будет воевать не просто регулярная армия, а весь народ Мексики. Во всех районах, занятых французами, объявлялось осадное положение. В свою очередь, подконтрольная императору французская пресса писала, что в Мексике французы не завоевывают, а освобождают мексиканский народ от «гнусной тирании» Хуареса.

16 апреля 1862 года Франция официально объявила войну правительству Хуареса, рассчитывая на быстрый марш от Веракруса к Мехико. Было создано марионеточное мексиканское правительство во главе с клерикалом Альмонте, которое, конечно же, попросило защиты «французского флага».³⁰ Командующий экспедиционным корпусом генерал Лорансез вел под своим командованием 6,5 тысячи солдат, рассчитывая на то, что встретит лишь sporadическое сопротивление плохо обученной и скверно вооруженной мексиканской армии. Общая численность регулярной мексиканской армии в то время составляла около 26 тысяч, но по-настоящему обученных войск насчитывалось не более 12 тысяч. Боевым оснащением мексиканцы действительно не блистали. У них на вооружении еще находились мушкеты, захваченные у армии Наполеона в битве при Ватерлоо в 1815 году и позднее проданные Мексике. Однако имелись и современные американские ружья, закупленные в годы недавней гражданской войны. Да и сам опыт этой войны был крайне ценным.

³⁰ Французский посланник в Мехико сообщал в Париж, что мексиканская церковь обещала встретить войска Франции в мексиканской столице специальным благодарственным молебном. См. Meyer M., Sherman W. *The Course of Mexican History*. New York, 1987. P. 389.



Французские оккупанты в Мексике

5 мая 1862 года французы атаковали город Пуэбла, расположенный на полпути между Веракрусом и Мехико. Атаковали – и были отброшены с тяжелыми потерями. Из 2 тысяч наступавших по французским данным погибли 500 человек. Мексиканцы оценивали потери врага в тысячу человек, свои – в 300 убитых. С тех пор 5 мая – любимый национальный праздник мексиканцев. Своего рода День победы.³¹

«Блицкриг» не получился, и из Франции стали прибывать многочисленные подкрепления. Пришлось даже распустить правительство Альмонте, которое только усиливало нена-

³¹ Решающую роль в поражении французов сыграл умелый маневр командира Второй бригады мексиканской армии молодого генерала Порфирио Диаса.

висть населения к оккупантам. В июле 1862 года французские войска в Мексике возглавил Форей, считавшийся одним из лучших генералов Второй империи.³² В марте 1863 года к Пуэбле уже подошли более 30 тысяч французов. Но на сей раз и мексиканцы не теряли времени даром. Город был неплохо укреплен. Фортификационными работами руководил соратник Гарибальди итальянский генерал Гиларди, сражавшийся против Наполеона под Римом еще в 1849 году. Да и командующий мексиканской армией в Пуэбле Ортега был одним из лучших военачальников Хуареса.

Французы не могли взять Пуэблу два месяца. Город был окружен, а посланная на подмогу его защитникам армия под командованием бывшего президента Комонфорта не смогла прорвать кольцо блокады. Только после массированного обстрела тяжелой осадной артиллерией французы 17 мая 1863 года вошли в город, превращенный в груды развалин. Если это и была победа, то отнюдь не блестящая. Мексиканцы, страдавшие от голода, капитулировали в полном порядке, взорвав все склады и заклепав пушки. Но для Хуареса поражение под Пуэблой было очень чувствительным. В плен попали 14 тысяч человек – лучшие части регулярной армии. Около 5 тысяч из них посулами и угрозами удалось перетянуть на сторону французов, и таким образом была создана «мексиканская дивизия» интервентов.

31 мая 1863 года правительство Хуареса было вынуждено покинуть Мехико. Следующие четыре года оно перемещалось по стране, за что получило название «кочующего». Президент постоянно ездил по стране в черной карете, в которой он держал национальный флаг и архив республики. Конгресс предоставил Хуаресу чрезвычайные полномочия на весь период борьбы с «империалистами» (так называли в Мексике интервентов).

7 июня 1863 года французский авангард под руководством генерала Базена вступил в Мехико. 16 июня 1863 года командующий французскими войсками Форей назначил «верховную правительственную хунту» в составе 35 человек. Туда вошли консерваторы, представители духовенства и бывшие соратники Санта-Анны. Хунта, в свою очередь, образовала правительственный триумvirат из двух генералов бывшей консервативной армии и бывшего епископа Пуэблы, а позднее архиепископа Мехико Антонио де Лабастиды. Кстати, церковь, как и обещала французскому посланнику, приветствовала в Мехико интервентов перезвоном колоколов. Правительственная хунта назначила некое подобие парламента – «ассамблею нотаблей». «Нотабли» постановили преобразовать Мексику в монархию и пригласить на престол Максимилиана Габсбурга. В случае отказа последнего право назначить нового монарха предоставлялось Наполеону.

Дела в марионеточной хунте сразу не заладились. Наполеон, считавший себя либералом, дал инструкцию своему главному в Мексике не допускать реставрации в стране феодальных порядков. В частности, предполагалось оставить в силе антицерковные декреты Хуареса. Базен во главе 200 французских зуавов ворвался на заседание хунты и заставил ее в письменном виде подтвердить правомочность конфискации церковного имущества. После этого разъяренный архиепископ Лабастида вышел из состава «правительства».

32-летний Максимилиан, получив предложение занять мексиканский трон, поначалу заартачился. Конечно, принц очень хотел стать императором далекой страны, которая представлялась ему в романтическом свете (еще более страстно желал спровадить брата-престолонаследника в Мексику австрийский император Франц-Иосиф). Но Максимилиан, как ни странно, также слыл либералом и потребовал всенародного плебисцита по своей кандидатуре. Здесь он, видимо, брал пример с Наполеона, полиция которого поднаторела в организации всенародных «голосований», которые неизменно одобряли все меры императора.

³² В июле 1862 года представитель восставшего Юга США в Париже Слайдель заявил французскому министру иностранных дел, что рабовладельческая конфедерация поддержит французскую интервенцию в Мексике. См. Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969. С. 261.

Во второй половине 1863 года французские войска стали продвигаться на север Мексики, оттесняя Хуареса к американской границе. Во всех занятых городах проводился «плебисцит». Вскоре Форей докладывал результаты всенародного «волеизъявления»: 6,4 миллиона мексиканцев из 8,6 пожелали видеть Максимилиана своим императором.

В конце мая 1864 года Максимилиан со своей молоденькой женой, которая стала называть себя на испанский манер Карлоттой, прибыл на австрийском фрегате в Веракрус. Город разочаровал холодным приемом и непролазной грязью из-за окружавших его малярийных болот и отсутствия даже намеков на систему уборки мусора. Привезенная специально из Вены роскошная карета очень скоро не выдержала мексиканских дорог. Младшему брату Максимилиан с удивлением писал, что в Мехико нет столь необходимых атрибутов светской жизни, как балы и сплетни за чашкой чая. Эти странные мексиканцы, мол, только и любят скакать верхом, наслаждаясь окрестными ландшафтами.³³

Перед отъездом Максимилиана в Мехико Наполеон заставил подписать его союзный договор, по которому французская армия в Мексике переходила формально под командование нового императора. В обмен тот должен был уплатить Франции 270 миллионов франков в качестве компенсации расходов на «освобождение» страны, а также по 1000 франков в год за каждого французского солдата и взятую с потолка громадную сумму компенсации «ущерба» неким французским подданным в Мексике. Секретные статьи договора предусматривали поступательное сокращение французских войск в Мексике с 38 тысяч в 1864 году до 25 тысяч в 1867 году.

Романтика Максимилиана прозаические деньги не очень занимали, оттого-то он сразу же увеличил налоги для новых подданных в два раза. Это позволило ему назначить себе жалование в 1,5 миллиона песо в год, плюс еще 200 тысяч на любимую Карлотту. За первые полгода в Мексике Максимилиан устроил 70 официальных завтраков, 20 банкетов, 16 балов и 12 приемов, истратив только на вино 100 тысяч песо.³⁴

Проблема была лишь в том, что власть империи распространялась только на крупные города, да и то до тех пор, пока там стояли французские гарнизоны. В Мексике развернулась широкомасштабная партизанская война. В ее навыках военачальники либералов поднаотрели за время недавних сражений с консерваторами. Интересно, что пресса почти всего мира вскоре стала сравнивать положение войск Наполеона III в Мексике с партизанской войной в России против войск первого Наполеона. Американские газеты отмечали, что «Мексика окажется для него [т. е. Наполеона III], несомненно, тем же, чем стала Москва для его дяди в России». Один из самых видных генералов армии Хуареса Сарагоса тоже говаривал, что для французов «Мексика может стать второй Москвой».

Так и вышло. Многочисленные партизанские отряды, во главе которых, как и в России в 1812 году, зачастую стояли офицеры регулярной армии, блокировали растянутые коммуникации французских войск, что в условиях горного рельефа и бездорожья было отнюдь не сложно. В крупные сражения с французами мексиканцы старались не ввязываться. Французские войска (во главе которых вскоре поставили будущего маршала Базена) мстили повстанцам, дотла сжигая города и деревни. Максимилиан поначалу протестовал против этой жестокости, но Базену было наплевать на сантименты своего «верховного главнокомандующего». В частности, Максимилиан потребовал выслать из Мексики французского офицера Дюпена, командира так называемой контргерильи, т. е. конного антипартизанского отряда, славившегося неимоверной жестокостью. Дюпен действительно уехал, попал на аудиенцию к Напо-

³³ Горячий поклонник французской кухни Максимилиан взял с собой поваров из Франции и огромное количество европейской одежды, подобающей различным светским обязанностям свежееиспеченного императора. Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people*. New York, 1992. P. 248.

³⁴ Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 239.

леону, получил от того полное одобрение своим действиям и героем вернулся в Мексику. Протесты «императора» Максимилиана были проигнорированы.

Надо сказать, что Максимилиан жестоко разочаровал консервативную партию. Он сформировал правительство из умеренных либералов, подтвердил специальной конституцией все демократические права и свободы. К тому же масон-император наотрез отказался вернуть церкви ее имущество. В аграрном вопросе Максимилиан оказался даже радикальнее Хуареса. Он подтвердил земельные права индейских общин и даже создал Совет по делам индейцев для заботы о нуждах коренного населения.³⁵ Император прилежно учил испанский язык и вскоре произносил на нем речи, появляясь перед публикой в мексиканском национальном костюме. Но все эти либерально-косметические меры ничего не значили в условиях тотальной войны, в которой реальная власть принадлежала Базену.

И все же Максимилиан в 1864 году пребывал в состоянии полной эйфории относительно будущего империи. Хуарес поспешно отступал на север, и его восьмитысячная армия, с которой он ушел из Мехико, таяла как весенний снег. Французский флот вошел в реку Рио-Гранде, чтобы отрезать республиканское правительство от США. Вопреки советам Базена Максимилиан распустил все свои мексиканские части, оставив под ружьем два полка. Лучшие генералы-консерваторы Мирамон и Маркес были посланы с дипломатическими миссиями в Европу (Мирамон стал наблюдателем при прусской армии). Максимилиан опирался в основном на 1,5 тысячи бельгийских добровольцев, именовавшихся «стражей императрицы Шарлотты», и 6,5 тысячи подданных своей родной Австрии, среди которых большинство составляли поляки.

Базен показал себя грамотным и настойчивым военачальником. К концу 1865 года Хуарес оказался уже на самой американской границе в городе Пасо-дель-Норте. Опасаясь реакции США, Базен прекратил преследование, и это спасло республику от полного разгрома. К тому же у Хуареса формально истек срок президентских полномочий, что подвигло генерала Ортегу (он занимался сбором помощи в США) поднять мятеж против президента. Благодаря твердости Хуареса мятеж так и не разросся, а Ортега был арестован.

В октябре 1865 года французы информировали Максимилиана, что Хуарес якобы покинул Мексику и прекратил борьбу. Это дало повод императору 3 октября 1865 года издать специальный декрет, прозванный в Мексике «черным законом». Согласно этому декрету любой мексиканец, захваченный с оружием в руках, считался бандитом, подлежал суду командира захватившей его части и расстрелу в течение 24 часов.³⁶ Ведь после мифического бегства Хуареса, по мнению Максимилиана, регулярных вооруженных сил республики уже не существовало. Император и не догадывался, что подписал себе этим декретом смертный приговор.

Базен с присущей ему энергией стал проводить октябрьский декрет в жизнь. В секретном циркуляре своим подчиненным командующий писал: «Я прошу вас разъяснить личному составу находящихся под вашей командой частей, что я не разрешаю больше брать пленных». Были расстреляны более 20 тысяч мексиканцев, включая видных военачальников республики. В ответ войска Хуареса тоже прекратили брать пленных. Война за независимость превратилась в войну на уничтожение.

Эта война окончательно подорвала экономическую мощь церкви и консервативных помещиков, поддержавших Максимилиана. В августе 1863 года президент Хуарес декретировал безвозмездную конфискацию имущества изменников родины. Республиканские генералы обкладывали помещиков принудительными «налогами».

³⁵ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 45.

³⁶ Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969. С. 271.

Выдержка Хуареса в самый тяжелый для него период принесла плоды – в апреле 1865 года закончилась гражданская война в США. Победившие северяне имели под ружьем прекрасно вооруженную 900-тысячную армию. Американские политики вновь вплотную занялись мексиканскими проблемами.³⁷ Под влиянием посланника Хуареса Ромеро Конгресс США принял резолюцию, в которой называл попытки европейских держав свергнуть республиканский строй на американском континенте угрозой национальной безопасности Штатов. Госсекретарь США Сьюард потребовал от Наполеона III немедленно вывести войска из Мексики. Хуарес, который называл и французов, и американцев «волками», мастерски использовал эти разногласия.

Благодаря расположению правительства США республиканцы закупили там 30 тысяч современных ружей, получили кредит, а более 3 тысяч ветеранов армии северян пополнили ряды мексиканской армии. С другой стороны, Максимилиан побоялся принять на службу перешедшую мексиканскую границу кавалерийскую бригаду южан под командованием Шелби: это было чревато войной с мощным северным соседом.

Лучше складывались дела на международной арене. «Мексиканскую империю» признали все ведущие европейские державы, включая Россию. Александр II принял посланника империи, наградил его орденом Святой Анны и аккредитовал при Максимилиане барона Стекля – по совместительству посланника в США.³⁸ Это был более чем странный шаг, если учесть, что США империю Максимилиана не признавали. При этом до тех пор Петербург не имел с Мексикой дипломатических отношений и не восстановил их после свержения Максимилиана. «Мексиканская империя» получила право содержать дипломатическую миссию в Петербурге и консульские представительства в Одессе и Риге. Стекль готовился посетить Мексику, но сразу же отказался от путешествия, получив недовольный запрос госсекретаря США Сьюарда. Максимилиан очень просил Петербург все же прислать Стекля в Мехико. Чтобы не обидеть царя, императорское правительство даже отказалось от планов широкого привлечения в Мексику колонистов-поляков. Ведь только что, в 1863–1864 годах русские войска подавили восстание в Царстве Польском, входившем в состав Российской империи.

Тем не менее в Мехико, в конце концов, собрались посланники основных европейских держав. Вернулся и высланный правительством Хуареса папский нунций. Хуже дела обстояли с собственной армией. Консерваторы поначалу шли туда неохотно, и костяк «императорских войск», как уже упоминалось, составляли бельгийские и австрийские добровольцы, которых прусский посланник называл вечно пьяным сбродом. Многие офицеры Максимилиана были ранее уволены из австрийской армии за непригодность. Худо-бедно удалось сколотить армию в 8–9 тысяч человек, которая, однако, боялась воевать без французов.

4 декабря 1865 года президент США Джонсон заявил в послании Конгрессу, что французская интервенция в Мексике является вызовом для национальных интересов Америки.³⁹ В апреле 1866 года Наполеон под давлением Вашингтона объявил Максимилиану о предстоящем выводе французских войск до конца 1867 года. К этому императора французов толкала и резко изменившаяся ситуация в Европе. Воспользовавшись мексиканской авантюрой Наполеона, Бисмарк в 1866 году за месяц разбил Австрию и фактически объединил Германию. На французских восточных границах неожиданно вырос вооруженный до зубов немецкий колосс. Хуарес писал: «Бисмарк напугал и взбудоражил других волков в Европе». Прусский военный атташе в Париже Лое с удовлетворением констатировал, что мексиканская

³⁷ 13 мая 1865 года французский консул в Сан-Франциско сообщал, что представитель Хуареса генерал Альварес активно закупает в Калифорнии оружие и два раза в неделю специальным курьером из Мексики получает точную информацию о внутренних делах кабинета министров Максимилиана. См. *La Intervencion Francesa en Mexico segun el Archivo del Mariscal Bazaine. Mexico, 1973. P. 761.*

³⁸ Blumberg A. *The diplomacy of the Mexican Empire 1863-1867.* Malabar, Florida, 1987. P. 45.

³⁹ Черняк Е. Б. *Жандармы истории.* М., 1969. С. 274.

компания серьезно истощает французские военные ресурсы. Во Франции подняла голову оппозиция и пошли разговоры о возможном свержении Наполеона.

Ко всему прочему, война в Мексике очень дорого обходилась Франции. На нее затрачено около миллиарда франков – по тем временам сумма просто астрономическая. В 1866 году французы для обеспечения выданных Максимилиану кредитов (большинство из которых до Мексики так и не дошло) взяли себе 50 % доходов мексиканских таможен. Если учесть, что ранее 49 % этих же доходов Максимилиан уступил Англии и Испании, то «империя» располагала 1 % доходов сборов со своих таможен. К концу интервенции Максимилиан накопил 271,7 миллиона песо внешнего долга. При этом летом 1866 года у него кончились деньги для выплаты жалования австрийским наемникам.⁴⁰

В марте 1866 года Базен стал отводить войска с севера и стягивать их поближе к Веракрусу и Мехико. В оставляемых оккупантами районах автоматически восстанавливалась республиканская власть. Черная карета Хуареса начала движение на юг, к столице. Максимилиан хотел отречься от престола, но жена отговорила его. В июле 1866 года она отправилась в Европу, чтобы уговорить Наполеона оставить войска в Мексике. Но император французов остался непреклонным. Слезы Шарлотты не помогли. Не мог Наполеон ничего сказать и о бесследно пропавших где-то во Франции кредитах, якобы выделенных Максимилиану. Шарлотта в сердцах пригрозила отречением своего мужа, на что услышала безразличное: «Отрекайтесь». Императрица упала в обморок. Она бросилась в Рим к папе Пию IX. Но Пий был обижен на Максимилиана за то, что он не вернул имущество мексиканской церкви, и посоветовал уповать на милосердие божье. Сам папа уповал на французские штыки, подпиравшие его власть в Риме с 1849 года. Через три дня Шарлотта вновь пришла к папе, и понтифик с ужасом увидел, что молодая женщина сошла с ума. Он оставил ее ночевать, и она стала единственной в истории особой прекрасного пола, которая провела ночь в покоях римского первосвященника. Лишившаяся рассудка Шарлотта умерла только в 1927 году, пережив своего супруга на 60 лет.

Узнав о трагедии жены, Максимилиан прекратил свой либеральный эксперимент и созвал правительство консерваторов. Во главе своей армии, которую удалось довести до 20 тысяч человек списочного состава (на самом деле, конечно, бойцов было гораздо меньше), император поставил лучшего генерала мексиканской реакции – Мирамона. Мирамон и Маркес в ноябре 1866 года добровольно вернулись из Европы и предоставили себя в распоряжение Максимилиана. Взявший на себя командование гарнизоном Мехико Маркес в своей прокламации к населению был лаконичен: «Вы меня знаете – и нечего больше говорить».⁴¹

Мирамон понимал, что продержаться, а возможно, и победить, можно только убив Хуареса, человека, впервые ставшего общенациональным лидером Мексики. Максимилиан одобрил план «сверхчеловека». В письме Мирамону он «совершенно конфиденциально» советовал сделать так, чтобы в случае захвата Хуареса его судили военным судом и приговорили согласно закону от 3 октября к казни, но приговор не исполняли до получения высочайшего одобрения.⁴² Максимилиан надеялся заставить пленного Хуареса под угрозой физического уничтожения «добровольно» отречься от власти в его пользу.

Мирамон едва не воплотил свой замысел в жизнь. 22 января 1867 года Хуарес в своей неизменной карете прибыл в город Сакатекас, где его, как обычно, овациями встречало население. Городские власти советовали президенту уехать в тыл: к городу приближался Мирамон с сильным французским отрядом. Хуарес отказался – за три года ему надоело отступать. Через пять дней Мирамон ворвался в Сакатекас. Хуареса спасло только чудо. Впервые он

⁴⁰ Фрид Н. Императрица. М., 1978. С. 359.

⁴¹ Фрид Н. Императрица. М., 1978. С. 365.

⁴² Гордин А. Я. Тр и войны Бенито Хуареса. М., 1984. С. 356.

бросил свою неизменную карету и ускакал из города верхом. Люди же Мирамона погнались именно за пустой каретой, что спасло президенту жизнь. В отчаянии «сверхчеловек» отдал Сакатекас на разграбление солдатам. В марте 1867 года республиканцы снова заняли Сакатекас и расстреляли несколько десятков австрийских и бельгийских добровольцев.

В ноябре 1866 года госсекретарь США Сьюард снова в жесткой форме потребовал от Франции немедленно начать вывод войск из Мексики. Перед лицом германской угрозы Наполеон дал в январе 1867 года Базену соответствующее указание. Базен стал немедленно распродавать награбленное французами имущество и даже предложил республиканскому генералу Порфирию Диасу передать в его руки Максимилиана. Покидая Мексику, Базен в своем воззвании от 3 февраля 1867 года лицемерно заявлял: «Все наши усилия были направлены на утверждение внутреннего спокойствия (Мексики). Будьте уверены в том, что... наша миссия не имела другой цели и что никогда целью Франции не было навязывание вам какого бы то ни было правительства, противоречащего вашим желаниям». В середине марта 1867 года последний французский солдат покинул мексиканскую землю. От ран и болезней французы потеряли более 20 % своей армии.

Максимилиан опять подумывал об отречении. Но его родственники в далекой Вене, включая мать, требовали, чтобы он не уронил честь Габсбургов. Тогда император сам возглавил остатки своей армии (около 20 тысяч человек) в городе Керетаро.⁴³ Там его вскоре окружили вчетверо более сильные республиканские войска во главе с генералом Эскобедо. 71 день Максимилиан выдерживал осаду. Один из его генералов Маркес с конным отрядом в 1200 человек даже пробился из Керетаро к Мехико, чтобы набрать новую армию. Максимилиан приказал ему привезти из столицы хорошего бургундского вина и французских романов.

В Мехико Маркес собрал иностранных предпринимателей и посланников и потребовал немедленно заплатить ему «военный кредит». В обмен генерал обещал квитанции в счет будущих доходов таможни Веракруса. Естественно, никто не поверил, что империя сможет долго удерживать этот стратегически важный пост. Ведь республиканские отряды регулярно задерживали даже дипломатических курьеров, спешивших из Мехико в Веракрус и обратно, и отбирали у них все интересовавшие их бумаги. Прусского посланника, попытавшегося протестовать против фактического грабежа дипломатов со стороны Маркеса, недолго думая, посадили в тюрьму. Наместник Максимилиана в столице ограбил католические храмы, вывезя оттуда серебряные предметы культа.

Наконец Маркес действительно набрал около 4 тысяч человек, но отправился не к Керетаро, а в Веракрус, чтобы захватить таможенные сборы. Однако при все той же Пуэбле он был разбит республиканским генералом Порфирио Диасом, войска которого осадили Мехико.

15 мая 1867 года республиканцы, используя предательство одного из офицеров Максимилиана, ворвались в Керетаро. Максимилиан вручил Эскобедо свою шпагу. Он был абсолютно спокоен, так как просто не мог поверить, что мексиканцы осмелятся казнить европейского принца крови. Несостоявшийся император мечтал о скорой поездке в Бразилию, куда его пригласил тамошний император дон Педро. К тому же Максимилиан уверял, что еще в марте отрекся от престола, но его наместник Маркес в Мехико почему-то не опубликовал этот декрет.

Хуарес приказал отдать Максимилиана, Мирамона и еще одного генерала, Мехию, под суд, который продолжался три дня.⁴⁴ Трое судей из семи (всем членам суда было не более 30 лет) высказались за смертный приговор, еще трое – за высылку Максимилиана из Мек-

⁴³ Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people*. New York, 1992. P. 254.

⁴⁴ Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 204.

сики. Председатель суда подполковник Платон Санчес решил судьбу Максимилиана, высказавшись за расстрел. В вину Максимилиану вменялся прежде всего пресловутый «черный закон». Максимилиан на самом судебном заседании не присутствовал, так как был болен. Перед посетившими его дипломатами он яростно ругал Наполеона и утверждал, что его сокровенной мечтой является служба в прусской армии, когда она начнет войну с Францией.

Хуареса засыпали просьбами о помиловании со всего мира. Но президент республики утвердил приговор. Он прекрасно помнил, что мягкость по отношению к консерваторам после войны 1857–1860 года привела лишь к новой войне, усугубленной интервенцией. Президент хотел, наконец, спокойствия для своей страны. Он понимал, что казнь Максимилиана раз и навсегда отобьет у иностранных государств желание вторгаться в Мексику. В этом он не ошибся. Хуарес писал: «Казнь Максимилиана и предателей послужит назидательным примером всем врагам нашей независимости. Это гуманный акт, который поможет сберечь кровь наших граждан. Мы боролись за независимость Мексики, и необходимо, чтобы это стало действительностью!»⁴⁵ К тому же некоторые генералы-республиканцы, прежде всего Порфирио Диас, войска которого осаждали Мехико, пригрозили Хуаресу мятежом, если он помилует Максимилиана.

19 июня 1867 года Максимилиан, Мехия и Мирамон были расстреляны недалеко от Керетаро на Холме колоколов. Вся страна ликовала. 30 июня 1867 года Наполеон вместе с турецким султаном участвовал в одном из мероприятий в рамках Международной выставки в Париже, когда ему сообщили о смерти Максимилиана. Он не счел эту весть достаточным поводом, чтобы прервать приятную светскую беседу.

Русскому послу в Париже Будбергу Наполеон заявил: беда Максимилиана была в том, что тот не слушал добрых советов императора французов.⁴⁶

Когда в 1870 году армия Наполеона во главе с маршалом Базеном позорно капитулировала перед пруссаками (за предательство Базен был позднее осужден на каторжные работы), Хуарес подчеркивал, что сочувствует Франции и ее «несчастному народу», который мексиканцы «никогда не смешивали с подлым правительством Бонапарта». «И если презренный Базен, достойный слуга своего не менее презренного императора, пожелает с пользой провести свой тюремный досуг, который он заслужил своим одиозным предательством, то он сможет со знанием дела просветить своих соотечественников относительно необходимости партизанского движения, борющегося за независимость своей родины».

Для помощи провозглашенной в Париже республике был сформирован добровольческий Мексиканский легион. Тем временем парижские коммунары расстреляли банкира Жеккера, из-за которого и началась в 1861 году французская интервенция в Мексику. Те же коммунары послали в подарок Хуаресу ящик изысканных вин из дворца Наполеона с запиской: «Вполне естественно, чтобы Вы, имевший честь первым нанести заслуженный удар торговому дому «Бонапарт и компания», воспользовались некоторым ее имуществом теперь, когда эта компания ликвидируется с молотка».⁴⁷ Бывший главнокомандующий французскими войсками в Мексике Форей сошел с ума, не вынеся катастрофы своей армии в 1870 году. Скоростижно умер, узнав о пленении Наполеона пруссаками, бывший глава марионеточного правительства Мексики генерал Альмонте.

Так закончилась французская интервенция в Мексике, которую Наполеон когда-то возвышенно окрестил «великой мыслью царствования».

Но вернемся в Мексику 1867 года, где Маркес в Мехико пытался всеми силами скрыть от населения казнь Максимилиана. 15 июня 1867 года он даже организовал в столице благо-

⁴⁵ Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 206.

⁴⁶ Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969. С. 278.

⁴⁷ Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 218.

дарственный крестный ход, так как императору якобы удалось прорвать блокаду Керетаро. Но это уже была агония. 21 июня 1867 года войска генерала Порфирио Диаса вступили в Мехико. К удивлению иностранных дипломатов, они вели себя очень корректно. Был расстрелян только известный своей жестокостью генерал-консерватор Видаурри. Переодетому погонщиком мулов Маркесу удалось незамеченным бежать из Мехико, и он перебрался на Кубу (тогда еще испанскую колонию), где занялся ростовщичеством.

3 июля 1867 года в своей черной карете в Мехико под торжественные овации населения скромно вернулся законный президент. Хуарес вышел на балкон президентского дворца и на глазах тысяч ликующих людей достал из кармана поношенного сюртука сверток. Он развернул национальный флаг Мексики, тот самый, который увез из столицы четырьмя годами раньше. Пожалуй, на тот момент Хуарес был едва ли не самым популярным человеком в мире. В Аргентине в его честь называли город, в других латиноамериканских странах выпустили памятные медали. Еще бы – слабая Мексика одолела сильнейшую армию того времени. Хуареса очень любили в Италии (как и Гарибальди в Мексике). В 1883 году никому не известный итальянский кузнец Муссолини назвал своего сына в честь Хуареса – Бенито.

Изгнанием французом и крушением «империи» началась современная история Мексики. Партия консерваторов была идейно дискредитирована сотрудничеством с оккупантами, и все мексиканцы как один стали либералами. В следующий раз консерваторы смогут вернуться к власти в стране лишь в 2000 году. После десяти лет кровопролитной борьбы либералы могли наконец вплотную заняться переустройством страны. За 10 лет гражданской войны и иностранной интервенции погибли 300 тысяч мексиканцев.⁴⁸

Хуарес немедленно назначил в стране президентские выборы и легко их выиграл, победив генерала Порфирио Диаса. Формально Хуарес становился главой государства уже в третий раз, но тогда это не вызвало протестов.⁴⁹ Все понимали, что предыдущие два срока президенту в основном пришлось воевать, а не править.

Период 1867-1876 годов, получивший в мексиканской истории название «Восстановленная республика», пожалуй, самая малоосвещенная страница летописи страны. Позднее диктатор Порфирио Диас за свое долгое правление сделал все, чтобы представить потомству это время как бесконечную череду беспорядков на фоне экономической разрухи. На самом деле все было далеко не так.

Несмотря на блестящий военный успех, внутри- и внешнеполитическое положение Мексики было крайне тяжелым. Отказ признать долги Максимилиана и расстрел последнего привели к дипломатической изоляции республики в Европе. Тем более что министр иностранных дел в правительстве Хуареса Себастьян Лердо де Техада (брат автора «закона Лердо») объявил, что Мексика не будет поддерживать отношения с теми странами, которые признали империю. Непросто складывались и внешне дружественные американо-мексиканские отношения. Приехав с визитом в Мехико в 1869 году, госсекретарь Сьюард назвал Хуареса самым выдающимся государственным деятелем, с которым ему доводилось встречаться. Но одновременно США жестко настаивали на выплате ущерба, понесенного их гражданами во время гражданской войны и интервенции в Мексике. Хуаресу удалось на время сбить остроту проблемы, согласившись на создание двусторонней комиссии по данному вопросу.

Однако внешнеполитические сложности меркли на фоне внутреннего состояния Мексики. Назначенный министром финансов Ромеро (в годы интервенции представлявший интересы республики в США) впоследствии говорил, что во время третьего президентства Хуареса в казне почти никогда не было ни песа.

⁴⁸ Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people*. New York, 1992. P. 254.

⁴⁹ По Конституции глава государства мог избираться только на два срока.

Хуарес, которого десятилетняя война заставила пересмотреть многие либеральные догмы, поставил задачу привлечь иностранный капитал и развить с его помощью горно-рудную промышленность. А для этого требовалось навести в стране элементарный порядок и централизовать власть. Собственно, это было коренной ревизией либерального мировоззрения. Ведь если консерваторы всегда выступали за унитарную республику, то именно либералы защищали права штатов и муниципалитетов. Однако Хуарес понимал, что в условиях тогдашней Мексики с ее неграмотным населением выборы в штатах зачастую являются фикцией. В каждом штате был свой «сильный человек», как правило, выдвинувшийся в годы войны. Ему, а не центральному правительству, подчинялись расквартированные в этом штате войска, и с их помощью он «проводил» выборы. Поэтому Хуарес поставил перед собой две задачи – одну ближайшую и одну перспективную. Прежде всего необходимо было усилить власть центрального правительства на местах, демобилизовать армию и нейтрализовать местных военных вождей. В долгосрочном плане требовалось срочно создавать в стране систему всеобщего образования.

Мексиканская армия в 1867 году была самой большой в истории страны и насчитывала более 60 тысяч человек. Старую регулярную армию распустили, так как она воевала в гражданской войне на стороне консерваторов. Новая же армия представляла конгломерат партизанских отрядов с многочисленными генералами – вождями отдельных областей, которые присваивали эти звания сами себе. И солдаты, и офицеры во время войны годами не получали жалования.

Только Хуарес с его непререкаемым авторитетом смог пойти на радикальный и непопулярный шаг. Поскольку на армию шло до 80 % всего бюджета, он одним решением сократил вооруженные силы до 18 тысяч человек.⁵⁰ Немедленно вспыхнуло несколько мятежей недовольных «каудильос» (так в Мексике называли вождей всевозможных вооруженных отрядов). Однако они были быстро и легко подавлены – люди устали от бесконечной войны. Следует отметить, что адвокат Хуарес, будучи человеком пера, а не шпаги, всегда считал милитаризм наряду с католической церковью основным тормозом прогресса в Мексике. Поэтому военная реформа полностью отвечала его взглядам, в соответствии с которыми он сформировал после изгнания французов чисто гражданское правительство. Многие герои революционных войска, однако, чувствовали себя обойденными.

Главой «военной оппозиции» был самый популярный генерал республики и освободитель Мехико Порфирио Диас. Но пока он не решался оспаривать авторитет Хуареса. Диас стал депутатом Конгресса, но оратором он был плохим. Однажды, выступая с трибуны парламента и описывая страдания демобилизованных солдат, генерал запутался в словах и неожиданно зарыдал. Потрясенные депутаты не знали, плакать им или смеяться.

Уже в 1867 году Хуарес предпринял попытку обуздать самостоятельность штатов и несколько урезать широкие полномочия Конгресса. Он предложил несколько поправок к Конституции, главными из которых были учреждение Сената (призванного, по замыслу Хуареса, уравновесить Конгресс) и предоставление президенту права отвергать любой законопроект Конгресса. Президентское вето по американскому образцу Конгресс мог бы преодолеть только двумя третями голосов. Однако президента ждала неудача. Долгая борьба за права штатов, которую вели либералы, сыграла с ними же дурную шутку. Вся пресса подвергла Хуареса критике за диктаторские замашки, и он вынужден был сам снять с обсуждения поправки к Конституции. Народ на референдуме отверг поправки Хуареса.

Необходимо отметить, что при Хуаресе Конгресс и пресса пользовались невиданной ни до, ни после свободой. И свободу они использовали в основном для критики президента.

⁵⁰ Гонсальбо П. Э. и др. Новая краткая история Мексики. М., 2008. С. 173.

В целом попытка консолидации государственной власти Хуаресу не удалась. Централизм был принесен в жертву демократическим свободам.

Президента подвергали критике и за то, что он фактически прекратил преследование церкви. Конгресс обвинил его в предательстве идеалов революции, хотя формально все анти-клерикальные законы остались в силе. Политика по отношению к церкви была всего лишь частью курса Хуареса на национальное примирение. Сразу же после избрания президентом в 1867 году он смягчил сроки наказания для многих деятелей времен империи. В 1870 году последовала полная амнистия, позволившая многим эмигрантам вернуться на родину. И эти меры встретили жесткую критику многих соратников Хуареса по либеральной партии.

После окончания войны Мексику захлестнула волна вооруженного бандитизма. Массы демобилизованных не могли найти никакого применения в разрушенной экономике. Наряду с обычными уголовными бандами в Мексике было и много «робин гудов», которые грабили богатых и отдавали часть добычи беднякам. Эти люди пользовались огромной популярностью среди местного населения. Еще более популярными были грабежи иностранцев, которых ненавидели после интервенции, независимо от их национальности. Только в окрестностях города Гвадалахары действовали свыше тысячи вооруженных бандитов. При такой ситуации ни о каких иностранных инвестициях не могло быть и речи.

Так как на армию с ее полупартизанским характером рассчитывать особо не приходилось, Хуарес еще в 1861 году создал особые отряды сельской конной полиции – «руралес» (в буквальном переводе «сельские»). Им старались регулярно платить и насаждали среди них элитный дух. Подчинены были эти полицейские не министерству обороны, а ведомству внутренних дел. Однако с течением времени в эти отряды проникло много бывших бандитов, а после смерти Хуареса «руралес» превратились в карательные отряды, защищавшие местных помещиков от недовольных крестьян.

Сразу же после победы над французами Хуарес учредил специальную комиссию во главе с известным врачом Габино Барредой. Этот орган должен был заняться реформой системы образования, которой фактически не существовало. Церковные школы были запрещены, а светские еще не созданы. Барреда учился во Франции и был сторонником модной в то время философии позитивизма Огюста Конта. Это идейное течение стремилось устроить жизнь общества методами точных естественных наук. Не случайно в разработанной Барредой школьной программе упор делался на математику, физику, химию и изучение практической профессии. Гуманитарным наукам отводилось подчиненное место.

Впервые в истории Мексики начальное образование было провозглашено бесплатным и обязательным. В каждом населенном пункте с числом жителей более 500 человек должна была быть создана одна школа для мальчиков и одна для девочек. На каждые новые две тысячи жителей предполагалось построить две дополнительные школы. Несмотря на крайне ограниченные бюджетные средства, в Мексике развернулось невиданное по масштабам строительство школ. Если в 1857 году их было около 2500, то в 1870 – более 4500. С 1870-го по 1874 год количество школ удвоилось.⁵¹ В них учились 349 тысяч учеников, 77 тысяч из них – девочки.

Однако количество школьников росло не так быстро, как хотелось бы Хуаресу, причем отнюдь не из-за недостатка школьных зданий. Подавляющее большинство населения жило в нищете, и дети с малых лет помогали родителям сводить концы с концами. Им было не до образования.

Экономическая политика Хуареса, которую осуществлял на практике его министр финансов Ромеро, так и не смогла преодолеть узости либеральной доктрины. По-прежнему активно проводился в жизнь «закон Лердо», и всё новые и новые общины индейцев теряли

⁵¹ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 54.

землю и превращались в арендаторов в крупных помещичьих хозяйствах – асиендах. Священное преклонение перед частной собственностью не позволило либеральному правительству провести аграрную реформу. Сам Хуарес, правда, стремился, чтобы земли церкви и предателей-консерваторов достались мелким собственникам. Но на практике это было почти невозможно, так как конфискованное имущество продавалось с аукционов, а помещики могли предложить лучшую цену, чем крестьяне-индейцы.

К тому же большинство помещиков «новой формации», обогатившихся на распродажах церковного имущества, являлись бывшими генералами армии либералов. На их стороне был не только закон, но и грубая военная сила. В стране стала складываться взрывоопасная ситуация. Все больше и больше крестьян превращалось в пеонов, а Конгресс (где численно преобладали как раз либеральные нувориши) активно блокировал любые попытки Хуареса улучшить положение должговых рабов. В частности, в 1868 году депутат парламента Хулио Сарате при поддержке президента предложил запретить частные тюрьмы помещиков, в которых пеонов подвергали телесным наказаниям за малейшую провинность, а также запретить переход долга с родителей на детей. Однако Конгресс не стал даже обсуждать эти законопроекты, заявив, что это не входит в его компетенцию.⁵²

С другой стороны, Хуарес, опять же находясь под влиянием либеральных предрассудков, так и не провел в стране программу распределения среди малоземельных крестьян пустующих государственных земель. А ведь именно так вышли из острого социального кризиса США после гражданской войны. В Мексике же все государственные земли резервировались для европейских переселенцев, которые должны были собственным примером научить отсталых индейцев передовым методам агротехники. Беда была лишь в том, что из Европы в Мексику особо никто не стремился. В 1876 году в Мексике проживали только 25 тысяч человек, родившихся за рубежом, и большинство из них занимались торговлей в крупных городах.

Либеральная партия, активно боровшаяся против любых пережитков феодализма, давно стремилась отменить в стране внутренние таможенные сборы – алькабалу. Однако хронический дефицит бюджета так и не позволил Хуаресу осуществить это. Весьма робкими оказались и попытки сделать более справедливым внутреннее налогообложение. В Мексике и пеон, и помещик платили государству примерно одинаковую сумму, эквивалентную заработку за 6–12 дней. Однако когда Хуарес попытался ввести пропорциональную шкалу налогообложения, его опять стали упрекать в создании неравных условий для граждан. Пришлось просто отменить налог для тех, кто получал менее 26 сентаво в день (1 песо равняется 100 сентаво).

Хуарес прекрасно понимал, что как для роста экономики, так и для централизации страны необходимо развивать сеть железных дорог, прежде всего между столицей и крупными портами. Дорогу от Веракруса к Мехико начали строить еще в 1837 году, но бесконечные войны и сильно пересеченный рельеф местности задерживали ввод магистрали в строй. В 1860 году в США находилось в эксплуатации 30 000 миль железнодорожных путей, а в Мексике – 150 миль.⁵³ Дорога от Мехико до Гвадалахары протяженностью примерно в 425 миль занимала более недели, и то при условии сухой погоды. Во времена империи концессию на строительство железной дороги Мехико – Веракрус получили англичане. Возмущению многих не было предела, когда после войны Хуарес в нарушение закона, требовавшего конфискации имущества всех коллаборационистов, сохранил концессию за английской компанией. Причем к 1867 году фирма обанкротилась, и правительство Хуареса согласилось платить ей годовую субсидию в 560 тысяч песо в течение 25 лет. Газеты наперебой стали

⁵² Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 57.

⁵³ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 405.

обвинять Хуареса в поддержке империалистов за государственный счет. К тому же одним из главных акционеров компании был некий Антонио Эскандон, который входил в состав мексиканской делегации, пригласившей Максимилиана на царство. Однако для Хуареса железная дорога была превыше всего, и ее строительство стало быстро завершаться. Английские инженеры совершали чудеса, строя мосты через глубокие ущелья. Аналогов таким сооружениям не имелось даже в США.

Внутреннее положение правительства Хуареса с каждым годом осложнялось из-за роста крестьянских протестов против засилья либеральных помещиков. Но эти помещики являлись одним из двух столпов республики. Вторым был мелкий средний класс – государственные служащие, офицеры, учителя, адвокаты и т. д. Крестьяне либералами воспринимались как инертная консервативная сила, среди которой широко распространены религиозные предрассудки. Неудивительно, что к концу третьего президентского срока Хуареса страну захлестнула волна крестьянских выступлений.

На юге страны, где индейцы составляли большинство населения, движение зачастую носило религиозные формы. В 1869 году подняла восстание мексиканская Жанна д'Арк – простая крестьянская девушка Августина Гомес Чечеп, объявившая себя новой спасительницей человечества.⁵⁴

В 1868 году рядом со столицей стали действовать «бешеные социалисты» (терминология мексиканской прессы того времени), последователи учения некоего Плотино Родаканати, который именовал Христа «божественным социалистом человечества». Основным требованием повстанцев был раздел помещичьих земель. «Мы хотим социализма, мы хотим разрушить нынешнее злое государство эксплуататоров... Мы хотим мирно обрабатывать собственную землю».⁵⁵

Ирония состояла в том, что оппозиция считала социалистом и индейца Хуареса. А тот особенно и не отказывался от этого титула. Во время одного из выступлений в Конгрессе он сказал: «Мы должны так организовать нашу жизнь, чтобы удовлетворить все потребности крестьянина, производящего основные богатства страны. Наш долг позаботиться, чтобы трудящийся имел просторный дом, школу для своих детей и был застрахован на случай болезни и безработицы. Мне скажут, что это социализм. Что ж, это слово меня не пугает. Социализм – естественное стремление улучшить условия и свободное развитие физических и моральных качеств человека. Каждому по его способностям, по его делам, по его знаниям. Тогда исчезнут привилегированные классы и несправедливые преимущества».⁵⁶ В библиотеке президента был «Манифест коммунистической партии» Карла Маркса.

Однако адвокат Хуарес был сторонником эволюционного развития общества и не мог принять любые насильственные попытки передела собственности. Поэтому он посылал войска и «руралес» против повстанцев. Но не везде правительственным войскам сопутствовал успех. Индейцы майя укрепились в труднодоступных джунглях Юкатана и создали там собственное государство, продержавшееся до 1901 года. Они покупали оружие в соседнем британском Гондурасе и предпринимали вылазки в сопредельные мексиканские штаты.

На севере Мексики, теснимые американскими поселенцами, появились апачи. Они угоняли скот местных помещиков и делали ведение сельского хозяйства почти невозможным. За время войн с апачами в конце XIX века погибли не менее 15 тысяч жителей страны. Не надеясь на армию, владельцы асиенд вооружали своих пастухов и рабочих, и вскоре в северных штатах страны возникли целые военные поселения. Именно эти люди впоследствии станут самыми боеспособными отрядами мексиканской революции.

⁵⁴ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 59.

⁵⁵ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 58.

⁵⁶ Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 211–212.

Хуарес чувствовал: для того, чтобы его реформы принесли осязаемые результаты, ему необходим новый президентский срок. В 1871 году он выдвинул свою кандидатуру в четвертый раз. Но теперь даже внутри его собственной партии этот шаг натолкнулся на резкую критику. Соперником Хуареса помимо все того же Диаса стал ближайший соратник президента, министр иностранных дел Себастьян Лердо де Техада. Хуареса как действующего президента по традиции поддерживали все представители власти, а также многие индейцы, по-прежнему считавшие «дона Бенито» своим. Интеллектуал Лердо был популярен среди лиц свободных профессий и образованного класса в целом. К тому же он был креолом без всякой примеси индейской крови, и многие считали, что при нем точно не будет никаких социальных экспериментов. За Диасом шли все недовольные, включая бывших консерваторов, и он был единственным по-настоящему оппозиционным кандидатом.

Выборы не принесли абсолютного большинства голосов ни одному из кандидатов, хотя Хуарес занял первое место. По конституции, в этом случае президента из трех кандидатов выбирал Конгресс. Там у Хуареса было прочное большинство, и он стал главой государства в четвертый раз. Лердо заявил о признании результатов голосования.

А вот Диас 8 ноября 1871 года поднял открытый мятеж. Он выступил с «планом Ла Нория» (так называлось поместье генерала). Сердцевиной программы мятежников было требование запретить президенту страны занимать этот пост более одного срока подряд. «Нашим знаменем будет Конституция 1857 года, а программой нашего правительства: больше свободы и меньше администрирования».⁵⁷ Брат Порфирио Феликс, по прозвищу Курносый, быстро установил контроль над Оахакой, родным штатом и Диасов, и Хуареса. В этом штате, где генерал Диас успешно воевал в годы интервенции, к мятежникам присоединились даже федеральные войска. На севере страны Диаса поддержал другой генерал, Тревиньо, собравший несколько тысяч человек и захвативший крупные районы северных штатов. Сам дон Порфирио во главе тысячи бойцов пока достиг предместий Мехико и призвал столичных жителей к всеобщему восстанию. Однако те остались равнодушными. Войска Хуареса легко отогнали мятежного генерала от столицы. В это же время в Оахаке был убит Феликс Диас. И оставшиеся без лидера мятежники разбежались.

В то время как мятеж Диаса разваливался (сам генерал скрывался в горах у индейских племен), неожиданно умер Хуарес. Президент в последние годы часто болел – сказывались тяготы походной жизни в период бесконечных войн. В 1870 году он перенес инсульт. 2 января 1871 года в возрасте 44 лет скончалась любимая жена президента донья Маргарита, и он очень тяжело переживал эту утрату. 18 июля 1872 года Хуарес принимал в своем дворце приемных детей – сирот, родители которых погибли в годы интервенции. Они содержались в специальном приюте, который президент республики оплачивал из своего скромного жалования. Неожиданно Хуарес почувствовал удушье, и сердечный приступ унес его жизнь в ту же полночь. Вся страна вне зависимости от политических убеждений испытывала глубокую и искреннюю скорбь. Ее выразил даже Диас. 23 июля 1872 года президента-индейца хоронила вся столица.⁵⁸

Временным президентом страны стал бывший соперник Хуареса на выборах Лердо, который занимал должность председателя верховного суда республики. Хотя он мог занимать высший пост в течение четырех лет, Лердо немедленно объявил новые выборы и легко победил на них Порфирио Диаса. Всем участникам мятежа Диаса была предложена амнистия. Правда, при условии лишения генерала всех званий и орденов. Диас скрепя сердце согласился и удалился в свое поместье, где занялся любимым делом – стал столярничать. Например, он смастерил кресло-качалку с автоматическим опахалом.

⁵⁷ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 410.

⁵⁸ Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 218–220.

Лердо был, пожалуй, самым нетипичным и одним из самых профессионально подготовленных президентов Мексики. Правда, стараниями Диаса период нахождения его соперника у власти был вычеркнут из истории страны, и до сих пор о Лердо мало что знают даже мексиканцы.

Себастьян Лердо де Техада, родившийся в 1823 году, был не генералом или помещиком, а ученым, долгие годы возглавлявшим столичный университет. Блестящий и талантливый оратор, он абсолютно не искал популярности и не старался угодить ведущим политическим группировкам страны. Еще больше, чем Хуареса, Лердо заботило безусловное выполнение законов, и он еще меньше, чем его предшественник, был склонен идти на компромиссы. Именно поэтому стараниями его политических противников и желтой прессы за Лердо закрепилась репутация надменного интеллектуала, не способного по-настоящему понять душу Мексики. Как и любого талантливого человека, его боялись и ненавидели. К тому же Лердо был неподкупен.

Лердо продолжил политику Хуареса и сохранил в правительстве основных министров своего предшественника. Поначалу ему удавалось многое. В частности, он все-таки добился учреждения сената. Если уставший от войны Хуарес предпочитал договариваться с «каудильос» в обмен на номинальную лояльность, то Лердо посылал против местных вождей войска. В частности, ему удалось разбить «тигра Алики» Мануэля Лосаду, контролировавшего горную местность, в честь которой он и получил свое прозвище. В годы интервенции Лосада, как батя Махно в России, поддерживал то империю, то республику. Он вел дела с иностранными предпринимателями и одновременно раздавал помещичьи земли индейским деревням. В 1873 году Лосада был убит, и многие земли снова вернулись к помещикам. Ведь этого, по мнению Лердо, требовал закон.

Новый президент опять ужесточил политику по отношению к церкви. Он изгнал из страны всех иезуитов-иностранцев и включил все основные антиклерикальные законы в конституцию.

Во внешней политике Лердо стремился восстановить дипломатические отношения с европейскими странами, чтобы избежать зависимости Мексики от США. Он активно раздавал железнодорожные концессии англичанам, причем требовал строительства дорог с запада на восток, чтобы соединить мексиканские порты Атлантического и Тихого океанов. В то же время Лердо всячески противился строительству дорог с юга на север, к американской границе. Он говорил, что «пустыня [имелись в виду засушливые и малонаселенные северные штаты Мексики] разделяет силу и слабость». Чтобы бороться с североамериканскими контрабандистами, Лердо основал мексиканскую береговую охрану, закупив для нее четыре судна. Это стало началом создания военно-морских сил республики.

Лердо стремился соединить столицу со всеми главными городами штатов телеграфом. Во время его короткого президентства было проложено 1600 миль новых телеграфных линий.

1 января 1873 года президент торжественно открыл железную дорогу Веракрус – Мехико, которая существенно ускорила экономическое развитие страны. Под давлением крупных помещиков с севера, стремившихся экспортировать в США скот и мясо, Лердо все же дал концессию на строительство железной дороги к американской границе, но по стратегическим соображениям поручил этот проект компании, составленной только из мексиканцев и англичан. Тем, к сожалению, не удалось собрать достаточный капитал, и правительство согласилось субсидировать строительство. Это сразу же принесло Лердо обвинения в коррупции и фаворитизме со стороны СМИ, хотя в то время государственное субсидирование железных дорог было широко распространено. В частности, тот же Лердо платил аме-

риканским компаниям по 12 500 песо за каждую милю проложенной железной дороги на перешейке Теуантепек.⁵⁹

В январе 1876 года Лердо заявил о намерении баллотироваться на новый срок. Конституция Мексики этого не запрещала. Но Диас, еще больше опасавшийся Лердо, чем в свое время Хуареса, не мог оставить власть в руках интеллектуала-технократа.

Желания Диаса и американцев совпадали. В Вашингтоне правительство Лердо считали крайне недружественным к американскому капиталу. И на то были все основания. В 1875 году Лердо отказался от всех ранее предоставленных гражданам США концессий на прокладку железных дорог в северных районах страны. Таким же отказом президент Мексики ответил и на предложение Вашингтона заключить торговый договор, по которому американские товары освобождались бы от всех пошлин при ввозе в Мексику. Наконец, США в угрожающем тоне требовали предоставить их войскам право преследовать на мексиканской территории контрабандистов и бандитов, которые якобы угоняли в Мексику скот американских фермеров. Причем наглость американского правительства зашла настолько далеко, что оно потребовало отозвать командующего мексиканскими войсками на границе генерала Кортину и наказать его за покровительство контрабандистам. Ни одно более или менее суверенное правительство не могло удовлетворить подобные притязания. Но в США Мексику суверенной и не считали. Бывший президент США Грант в ходе турне по Европе открыто назвал Мексику «протекторатом США».

На пике американо-мексиканской конфронтации в декабре 1875 года в США появился опальный генерал Диас, который нанес визит в Новый Орлеан, а потом обосновался в приграничном техасском городке Браунсвилль. Там он встретился с ведущими бизнесменами юго-западного Техаса Стилманом, Кеннеди и Кингом.⁶⁰ Те предложили деньги на организацию свержения Лердо, потребовав в обмен железнодорожных концессий, выплаты ущерба, понесенного в ходе гражданской войны и интервенции, а также наведения порядка на границе. Кеннеди и Стилман давно работали в Мексике. В ходе мексиканско-американской войны они занимались снабжением оккупационной армии. Некоторые конгрессмены (прежде всего Густав Шлейхер) от Техаса надеялись, что в ходе очередных беспорядков в Мексике им удастся отколоть север страны и создать там марионеточную республику, которая по образцу Техаса присоединится к США.

Диаса эти тонкости мало волновали. Он пообещал удовлетворить все требования американцев.

15 января 1876 года генерал Фиденсио Эрнандес провозгласил в Пуэбле «план Тустепек», предусматривавший свержение Лердо и передачу власти Диасу. В марте 1876 года по просьбе Диаса военные подняли мятеж в штате Оахака и поддержали «план Тустепек». Его квинтэссенцией опять было требование ограничения президентской власти одним сроком. Причем на этот раз Диас предложил ввести такой же порядок и для штатов, что принесло ему широкую поддержку местных элит. Ведь во многих штатах страны власть десятилетиями находилась в руках влиятельных семей военных командиров или помещиков (часто это были одни и те же люди). Представители среднего служилого класса увидели в программе Диаса возможность добраться наконец до рычагов государственной власти.

Поначалу новый мятеж Диаса развивался еще более неудачно, чем предыдущий. Войска Лердо легко разгромили путчистов в Оахаке. В местечке Икамоле правительственные силы разбили и самого Диаса. Глава мятежников прекрасно понимал, что если он срочно не получит из США деньги и оружие, то мятеж провалится. Но понимал Диас и то, что,

⁵⁹ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 412.

⁶⁰ Hart J. M. Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 107.

поскольку мексиканская казна пуста, Лердо не выдержит длительных боевых действий, да и денег от США неговорчивый мексиканский президент уж точно не дождет. Тем не менее мятежу срочно требовалось второе дыхание в виде солидной финансовой подпитки.

На следующий день после провозглашения «плана Тустепек» ведущие железнодорожные магнаты юго-запада США встретились в городке Кингсбери (Техас). Они решили поддержать Диаса в обмен на его обещание разрешить прокладку железной дороги к американо-мексиканской границе. Таким путем американские торговцы намеревались нанести серьезный удар по европейским конкурентам, которые использовали мексиканские порты для экспорта товаров в Мексику.

Диас дал честное слово, что помимо концессий уберет с границы генерала Кортину, и немедленно получил 40 тысяч долларов, на которые тут же закупил оружие и боеприпасы. В марте 1876 года ему доставили 500 винтовок и 250 тысяч патронов. 17 апреля на деньги бизнесменов Браунсвиля было дополнительно закуплено 510 винтовок, 350 карабинов, 382 тысячи патронов, а также вагоны, мулы, униформа и провиант.⁶¹ Позднее Диас получил несколько партий вооружения через Новый Орлеан.

Техасские газеты выражали полную поддержку «смелому мексиканскому генералу». Торговые партнеры техасцев в Мехико оказывали финансовую помощь мятежникам южнее столицы и передавали корреспонденцию между разрозненными отрядами путчистов.

Столь активная помощь США заставила многих колеблющихся мексиканских генералов примкнуть к Диасу. Сам он осмелел настолько, что 1 апреля решился наконец перейти границу со своим отрядом из 1500 повстанцев. Примечательно, что половину отряда составляли граждане США. Между тем после протестов мексиканского посланника в Вашингтоне госсекретарь США Гамильтон отдал приказ командующему американскими войсками на границе генералу Орду пресечь деятельность отряда Диаса с территории США. Орд ответил, что такие действия невозможны, поскольку они «нарушают гражданские права мексиканцев».

Тем временем прекрасно экипированные части Диаса медленно продвигались вдоль атлантического побережья к столице. Войска Лердо, не располагавшие современным оружием, ничего не могли им противопоставить. Однако мятежники не пользовались в Мексике особой поддержкой населения. Когда в Тамаулипасе Диас организовал парад 800 национальных гвардейцев, последним было предложено добровольно присоединиться к «борьбе за свободу». Из строя вышли один офицер и два солдата. Многие дезертиры из войск Диаса бежали в США.

Лердо же чувствовал себя настолько сильным, что, несмотря на мятеж, объявил президентские выборы. Он был переизбран. Но неожиданно результаты голосования отказался признать председатель верховного суда Иглесиас, который сам метил на президентский пост. Иглесиаса поддержали многие депутаты Конгресса и губернаторы некоторых штатов. Это развитие событий вдохнуло в мятеж Диаса новую жизнь, и его отряды нанесли чувствительное поражение правительственным войскам 16 ноября 1876 года.⁶² Однако была разгромлена всего одна, 12-я дивизия регулярной мексиканской армии. У Лердо еще оставались войска, но не было денег. Стратегия войны на измор, примененная Диасом с американской помощью, себя оправдала. Лердо бежал из страны и эмигрировал в США.

Диас предложил Иглесиасу признать его временным президентом в обмен на предоставление ему самому статуса вождя революционной армии. Вторым условием было немедленное объявление новых президентских выборов. Иглесиас переоценил свои силы и отказался. Однако когда войска Диаса двинулись к столице, верные Иглесиасу части просто

⁶¹ Hart J. M. *Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution*. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 122.

⁶² Meyer M., Sherman W. *The Course of Mexican History*. New York, 1987. P. 414.

разбежались. 21 ноября 1876 года Диас занял Мехико. В марте 1877 года состоялись президентские выборы, которые генерал в отсутствие серьезных оппонентов легко выиграл. Никто в Мексике не предполагал, что ему предстояло править страной до 1911 года.

Глава 2. Жестокая модернизация. Эра Порфирио Диаса

Никто не правил Мексикой дольше, чем Порфирио Диас. Тем не менее страна, до сих пор чтящая Хуареса, Диасу не поставила после смерти ни одного памятника, не назвала в его честь ни одной улицы. Правление этого человека, закончившееся в Мексике невиданным по мощности социальным катаклизмом, до сих пор оценивается историками с диаметрально противоположных позиций. Не меньше разногласий и относительно личности и политических взглядов этого человека, которого еще при жизни за несвойственную мексиканцам скрытность называли сфинксом.

Порфирио Диас, наполовину индеец племени мистеков, родился 15 сентября 1830 года – как и сапотек Хуарес, в штате Оахака. Мистеки с давних времен славились воинственностью, в отличие от их мирных соседей сапотеков, предпочитавших земледелие и ремесла. Отец Диаса был кузнецом и владельцем трактира. Он умер, когда мальчику было три года.⁶³ Учась в школе, Диас подрабатывал столяром и сапожником. Его крестный отец, архиепископ Оахаки, по просьбе набожной матери Порфирио устроил мальчика в семинарию. Но, как и Хуарес, Диас священником быть не хотел. Уже в 16 лет, узнав о вторжении американских войск, он вступил добровольцем в милицию своего родного штата. Повоевать ему в тот раз, правда, не пришлось. Юноша с большим энтузиазмом ремонтировал пистолеты и собственноручно делал приклады к ружьям.

⁶³ Интересная параллель с сиротским детством Хуареса. См. Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people*. New York, 1992. P. 271.



Порфирио Диас

В 1850 году Диас начал изучать юриспруденцию. Его профессором по гражданскому праву был не кто иной, как Бенито Хуарес. Однако учеба явно казалась Порфирио скучноватой. В январе 1854 года он сдал первый экзамен на звание адвоката. Много позже в своих воспоминаниях Диас писал: «Моими отличительными качествами были хорошее здоровье, высокий рост, примечательное физическое развитие, огромная подвижность и склонность, желание и возможность заниматься атлетическими упражнениями. Как-то в мои руки попал учебник по гимнастике, наверное, первый, который достиг Оахаки, и он позволил мне соорудить в своем доме импровизированный гимнастический зал».⁶⁴

До конца жизни Диас практически не читал книг и очень плохо писал по-испански. Его коньком была не грамота – он научился прекрасно разбираться в людях, что и привело обычного метиса в президентское кресло.

В 1855 году Диас бросил юриспруденцию и включился в борьбу либералов против Санта-Анны. Он открыто голосовал против диктатора во время инсценированного последним плебисцита. Губернатор штата запретил Порфирио организовывать отряды национальной гвардии – якобы из-за того, что уроженцы тех мест не были способны к военной карьере. Тогда молодой человек стал формировать воинские части на свой страх и риск и вскоре возглавил либеральные войска в городе Истлан. В декабре 1856 года ему присвоили зва-

⁶⁴ Krauze E. Porfirio Díaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P.9.

ние капитана – довольно высокое по тем временам. Бойцы любили его за то, что он воевал нестандартно, постоянно стремясь удерживать наступательную инициативу в своих руках.

В начале гражданской войны, в 1857 году Диас на стороне либералов командовал ротой, составленной из бывшей скотоводов, и в первом же бою получил ранение. Хуарес назначил активного и толкового офицера на стратегический пост – поручил Диасу командование всеми силами либералов в районе перешейка Теуантепек, самой узкой части Мексики между Атлантическим и Тихим океанами. После победы либералов в 1860 году Диас, принявший участие в 12 крупных боях и дослужившийся до звания полковника, впервые покинул свой родной штат. Хуарес говорил: «Диас – это самый выдающийся человек Оахаки». ⁶⁵ А друзья называли его «драчун Диас».

Звезда Диаса ярко засияла в годы борьбы против французов. В судьбоносном сражении при Пуэбле 5 мая 1862 года он отказался повиноваться приказам главкома республиканцев Сарагосы, и инициатива его принесла победу Мексике и звание бригадного генерала ему самому. Сарагоса особо отмечал «предприимчивость и азарт» «гражданина генерала Диаса». После сдачи Пуэблы в 1863 году Диаса назначили командующим Армии Востока, которая вела основные бои с интервентами южнее Мехико, полностью отрезанная от основной массы республиканских войск на севере страны. В марте 1865 года Диас попал во французский плен, но сумел бежать, переодевшись индейцем. Этот дерзкий побег еще больше усилил его популярность в стране. Максимилиан неоднократно предлагал Диасу перейти на его сторону, но тот, прекрасно освоив методы партизанской войны, неизменно отвергал все посулы. Тогда власти империи назначили за голову лучшего республиканского генерала награду в миллион песо.

После побега из плена Диас уже не знал поражений. Во главе сотни деморализованных солдат, с боеприпасами на 15 минут битвы, он нанес поражение при Миатлане вооруженному до зубов отряду, превосходящему его войско по численности вдвое. ⁶⁶ В других схватках ему удавалось побеждать с бойцами, вооруженными только мачете, старыми мушкетами и просто кулаками. 2 апреля 1867 года, как уже упоминалось, он одержал победу над войсками Маркеса при Пуэбле и осадил столицу. Правда, защищавшие Мехико солдаты Максимилиана к тому моменту изрядно пали духом, и взятие Пуэблы заняло у Диаса 15 минут. Позднее, уже в годы его президентства, этот успех был раздут официальной пропагандой до масштабов побед Юлия Цезаря.

Когда Хуарес триумфально вступил в Мехико, его встретила сооруженная по приказу Диаса триумфальная арка, увенчанная Богиней мира. В отличие от скромного Хуареса, Диас и тогда, и позже всегда понимал значение пышных церемоний для укрепления престижа власти. Генерал устроил для президента парад своей 35-тысячной армии и вручил ему прошение об отставке. Теперь Диас решил всерьез заняться политикой. В то время он был, несомненно, вторым по популярности человеком в стране после Хуареса. Президент называл генерала «хорошим парнем» и «нашим Порфирио». В душе Диас, однако, считал именно себя архитектором победы над французами. Хуарес же полагал, что успехом Мексика обязана в первую очередь своему народу, его стойкости и преданности идеалам конституции 1857 года.

Как уже упоминалось, в 1871 году Диас организовал мятеж против Хуареса. Президент заявил: «Милитаризм поднимает свое одиозное знамя против стяга законности... Пожертвовать порядком и свободно принятыми законами ради иллюзорных планов одного человека, пусть даже и усыпанного заслугами, означает ввергнуть всех нас в пучину анархии».

⁶⁵ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P.15.

⁶⁶ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 18.

Уже во время первого путча Диаса ясно проявилось его основное отличие от президента-земляка. Для Хуареса существовали некие политические принципы, прежде всего свобода и демократия, которые не подлежали никакому обсуждению. Диас, напротив, никакие принципы святыми не считал и полагал, что цель всегда оправдывает средства. В 1871 году ради политической выгоды он заключил союз с вышеупомянутым «тигром Алики» Лосадой, который сам хотел провозгласить себя индейским императором.

Стоит сказать несколько слов и о личной жизни героя нации. Во время операции на перешейке в Теуантепеке Диас сошелся с тамошней красавицей и светской львицей Хуаной Каталиной Ромеро. Он даже велел изменить маршрут строившейся железной дороги, чтобы она проходила в двух метрах от крыльца дома Хуаны. Поезд замедлял ход, и молодой офицер прыгал с подножки прямо на ступеньки дома своей возлюбленной.⁶⁷ У Диаса и Ромеро родились внебрачные дети. Дочь Амада навсегда осталась его любимицей.

В 1867 году генерал женился на своей племяннице Дельфине Ортега, с которой жил до ее смерти в 1880-м.⁶⁸ Хуана Ромеро так никогда и не вышла замуж, но в годы президентства Диаса стала успешным предпринимателем (редкость не только для Мексики, но и для всего тогдашнего мира, в котором не было равноправия мужчин и женщин) и много путешествовала, в том числе и по святым местам. Местный истеблишмент Оахаки прекрасно понимал реальное влияние этой женщины: ведь на устраиваемые ею пышные банкеты всегда приезжал президент.

В первый кабинет Диаса вошли его соратники по «плану Тустепек», чем новый президент очень тяготился. Порфирио понимал, что в случае чего они могут поднять мятеж против него так же, как сам он восстал против Лердо. Президенту приходилось лавировать, и он пока продолжал, в общем и целом, политику своего предшественника, отказавшись от репрессий против сторонников Хуареса и Лердо.

Диас говорил: «Я не люблю и не ненавижу», давая понять и друзьям, и врагам, что всегда готов договориться. Друзьям он обещал «рап» (т. е. «хлеб» – аналог русского «пряника»), врагам – «пало» («дубинку» – аналог русского «кнута»). Внутренний мир был очень нужен Мексике не только вследствие почти тридцатилетних войн – политики постоянно помнили об угрозе со стороны северного соседа.

Поначалу могущественные Соединенные Штаты отказались признать нового мексиканского президента. Отношения между двумя странами быстро ухудшались, и на горизонте замаячила новая война. Основным камнем преткновения были постоянные попытки индейских племен и просто контрабандистов угонять из США скот через плохо охраняемую мексиканскую границу. К тому же, желая поощрить предпринимательство на приграничной с США территории, мексиканские власти провозгласили десятимильный пояс вдоль границы «duty free» – зоной беспошлинных продаж. Там сразу расцвела контрабандная торговля.

Американские власти под давлением возмущенных фермеров и коммерсантов потребовали у Диаса предоставления права на преследование нарушителей на самой мексиканской территории. На столь явное ущемление суверенитета своей страны герой войны с французами пойти не мог. Напротив, Диас подверг критике решение Лердо строить железные дороги к американской границе.

Однако, прекрасно понимая неблагоприятное для Мексики соотношение военных сил и экономической мощи, Диас пытался не давать американцам ни малейшего предложения для вторжения. Заняв в 1876 году Мехико, он немедленно собрал ведущих банкиров и других богатых людей. Диас попросил у них денег, чтобы заплатить США 300 тысяч долларов, которые Лердо обещал в качестве первого взноса в порядке компенсации ущерба, нанесен-

⁶⁷ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P.15.

⁶⁸ Диас был образцовым семьянином, и никаких слухов о его внебрачных связях не появлялось.

ного американским гражданам.⁶⁹ В обмен на выполнение обещаний, данных американцам в период подготовки мятежа в 1876 году, Диас надеялся получить дипломатическое признание со стороны северного соседа.

Но здесь он ошибался. Деньги американцы, естественно, взяли, но сразу же потребовали еще. Они считали Диаса своей марионеткой и хотели выжать из нового правительства все, что возможно. К тому же в Америке прошли президентские выборы, и свежееиспеченный президент США Хейс недолголюбил мексиканского диктатора. Хейс демонстративно приказал командующему южным военным округом генералу Орду преследовать контрабандистов на территории Мексики без всякого разрешения тамошних властей. В ответ Диас перебросил на север большой контингент войск под руководством своего соратника по путчу 1871 года генерала Тревиньо и приказал силой пресекать все попытки нарушения границы американскими солдатами. В воздухе явно запахло большой войной. Об этом трубили мексиканские и американские газеты, но Диас был абсолютно спокоен. Ведь не кто иной, как Орд помог ему прийти к власти. Вдобавок за время мятежа Тревиньо и Орд успели подружиться.

Конфликта удалось избежать лишь потому, что обе стороны согласились соблюдать некий негласный порядок действий. Американские рейнджеры переходили границу, только убедившись, что поблизости нет мексиканских войск. В свою очередь, мексиканцы делали все, чтобы избежать прямого военного столкновения.

Военная тревога на границе побудила Диаса коренным образом пересмотреть политику по отношению к США. Если раньше он, как и Лердо, старался держать американских предпринимателей подальше от Мексики, то теперь решил полностью сменить курс и, наоборот, всячески способствовать американским инвестициям. При этом Диас исходил из того, что, опасаясь за свои баснословные прибыли, бизнесмены-янки будут удерживать собственное правительство от военных авантур к югу от Рио-Гранде.

В Америку отправился наиболее доверенный советник Диаса Мануэль де Замакона, чтобы при помощи бывшего посланника Хуареса в США Ромеро организовать серию, как сказали бы теперь, презентаций, на которых расхваливался инвестиционный климат Мексики. В США были выпущены и несколько брошюр соответствующего содержания. Сам Диас принимал в Мехико делегации американских бизнесменов, в том числе бывшего президента США и героя гражданской войны Гранта. Такой подход вскоре принес искомые плоды: военная тревога ослабла (в 1880 году приказ Орду был полностью отменен), а в 1878 году США официально признали нового мексиканского президента.⁷⁰

Новый «сильный человек» Мексики не забыл услуг генерала Орда. Дочь последнего вскоре вышла замуж за генерала Тревиньо. А тот за участие в путче получил от «благодарной родины» 880 тысяч акров государственных земель, из которых 90 тысяч акров подарил Орду. Орд переселился в Мексику и стал настоящим феодальным помещиком.⁷¹

Вопреки мнению многих исследователей Диас отнюдь не порвал с курсом Хуареса и Лердо, направленным на привлечение иностранного капитала и скорейшую модернизацию страны. Правда, отличие, притом коренное заключалось в методах. Будучи прагматиком, Диас прекрасно понимал, что иностранные инвесторы не пойдут в нестабильную страну. Стабильности же можно было достигнуть, по мнению Диаса, только задушив свободную прессу, ликвидировав потенциальных лидеров-претендентов на власть и приструнив Кон-

⁶⁹ Hart J. M. *Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution*. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 127.

⁷⁰ Hart J. M. *Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution*. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 128.

⁷¹ Всего за время правления Диаса иностранцы (главным образом американцы) купили в Мексике более 2 миллионов га земли (16 % территории страны). См. Григорьева З. К. Иностранный капитал в экономике Мексики. М., 1976. С. 25.

гресс. На все эти меры ни Лердо, ни тем более Хуарес никогда бы не пошли. Для них соблюдение демократических прав и свобод было вопросом, не подлежавшим обсуждению. Диас же провозгласил лозунг: «Меньше политики – больше управления».

В 1880 году Диасу пришлось в соответствии с принципами провозглашенного им же самим «плана Тустепек» уйти в отставку. Но уже тогда все понимали, что отставка эта будет временной. К удивлению многих, президент избрал своим преемником генерала Мануэля Гонсалеса, которого считали самым коррумпированным и недалеким среди соратников Диаса.⁷² Кстати, во многом такая скверная репутация, как поговаривали, была продуктом стараний самого Диаса, распространявшего про генерала разные небылицы. Избиратели должны были осознать, как плохо управляется Мексика без Порфирио Диаса.

Популярности Гонсалеса сильно вредило то, что в гражданской войне 1857-1860 годов он воевал в рядах армии консерваторов. Но во время французской интервенции он встал на сторону республики и потерял в боях руку. С тех пор за ним закрепилось прозвище Эль Манко, то есть Однорукий. О себе Гонсалес говорил, что он хороший человек, абсолютно чуждый миру политики. Так и было. Диас ценил Эль Манко прежде всего за его безусловную лояльность. Сам Диас после отставки сначала стал министром развития в кабинете Гонсалеса, а потом перешел на пост губернатора своего родного штата Оахака.

Новый президент Мексики (1880–1884) принял ряд кардинальных решений, на годы вперед определивших вектор развития страны. Все меры предпринимались в тесной координации с Диасом. При этом бывший президент, похоже, специально перекладывал на плечи Гонсалеса бремя особенно непопулярных шагов.

Борясь против Лердо, Диас обвинял своего противника в том, что он раздает концессии иностранцам без разбору и таким образом предает национальные интересы страны. Придя к власти, Диас отменил все эти концессии, но после военной тревоги на границе с США сам стал активно раздавать те же концессии американцам и англичанам, к которым вскоре присоединились немцы. Иностранцев интересовали прежде всего полезные ископаемые: серебро, медь, цинк. Железные дороги были нужны иностранным инвесторам лишь для того, чтобы дешевле вывозить сырье за пределы Мексики. Однако на пути безудержной эксплуатации природных ресурсов стояла старинная норма испанского традиционного права, согласно которой все недра были собственностью государства, а не частных владельцев соответствующих участков земли. Иностранцам это сильно мешало, так как приходилось договариваться и с собственником земли, и с центральными властями, и с властями штатов. Именно правительство Гонсалеса в 1884 году приняло закон, согласно которому собственник земли автоматически становился и владельцем недр.

Гонсалес еще больше ухудшил положение мексиканских крестьян, приняв другой закон, который и послужил одной из главных причин революции в начале XX века. Дело в том, что иностранным инвесторам хотелось приобрести нужные им земли по дешевке. Но после «закона Лердо» все церковные земли обрели новых хозяев, в основном бывших генералов, ставших крупными помещиками и политиками. Те с землей расставаться не желали, и за них было кому замолвить словечко в Мехико. В качестве потенциальных жертв оставались только индейские общины и малоземельные крестьяне.

По инициативе президента Конгресс принял довольно разумный, на первый взгляд, закон. В Мексике пустовало много государственной и ничейной земли (правда, обычно в горных и засушливых районах). Согласно новому закону учреждались специальные землемерные компании, которым государство давало право изыскивать и межевать пустующие земли. В виде платы за свою деятельность они получали треть «найденных» земель и право льгот-

⁷² Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 71.

ной покупки оставшихся двух третей.⁷³ Эти компании, среди учредителей которых было немало государственных чиновников нового режима (и по совместительству представителей иностранных фирм), активно взялись за дело. Вот только искали они землю в основном в индейских деревнях. Крестьяне, как правило, не имели никаких документов на землю, так как их предки обрабатывали ее еще до прихода испанцев. Они знали только то, что их земля лежит, например, от того дерева до этого камня. Компании немедленно объявляли эти земли, на которые часто уже имелся солидный покупатель, иностранец или местный помещик, «ничейными» и продавали их заинтересованным лицам. Неграмотным крестьянам предлагали обращаться в суд, неизменно принимавший решения не в их пользу.



Сельская жандармерия «руралес» – гроза мексиканских крестьян

Неудивительно, что земельный вопрос, особенно в густонаселенной центральной части Мексики, сильно обострился. Некоторые деревни потеряли даже свои кладбища. К тому же помещики, как правило, окружали крестьянские наделы своими угодьями со всех сторон, проводя политику экономического удушения мелкого собственника. Тому ничего не оставалось, как превратиться в арендатора на принадлежавшей ему раньше земле. В деревнях, естественно, вспыхнули волнения. Но, в отличие от Хуареса, ни Диас, ни Гонсалес не испытывали никаких угрызений совести, приказывая войскам и «руралес» жестоко подавлять малейшие проявления недовольства.

Гонсалес продолжал политику раздачи американцам железнодорожных концессий на строительство магистралей к американской же границе. Уже тогда многие предупреждали, что расчет Диаса на растущее миролюбие янки совершенно неверен. Наоборот, твердили оппоненты, инвесторы и концессионеры будут требовать для себя все новых и новых льгот, в случае необходимости призывая на помощь власти США. Так и получилось.

Как только американцы построили первую дорогу к американской границе, они решили загрузить ее в обе стороны. С экспортом мексиканского сырья и скота все было

⁷³ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 72.

понятно, но янки хотелось еще и завалить мексиканский рынок своими дешевыми товарами. Однако на пути американских экспортеров стояли высокие мексиканские тарифы на отдельные промышленные импортные товары, введенные еще Хуаресом и Лердо для защиты эмбриональной национальной промышленности. В 1882 году США предложили Мексике, как всегда, абсолютно «равноправное» соглашение: обе страны отменяют друг для друга тарифы на некоторые готовые товары.⁷⁴ Подвох состоял в том, что в Мексике большинство товаров, для которых США милостливо открывали свой рынок, вообще не производилось. Гонсалес, конечно, колебался. Тогда американцы стали грозить, что прекратят строить железные дороги (в Мексике не производилось ничего такого, что могло бы быть использовано для прокладки железнодорожных путей). Мексиканскому Конгрессу пришлось в 1883 году одобрить «равноправный» договор. Но на этом беды Мексики далеко еще не закончились. Уже через несколько месяцев германский посланник в Мехико потребовал для своей страны такого же торгового режима. Американский посланник сразу же выразил протест. Гонсалеса спас случай. Американские фермеры, которые опасались притока в США дешевой мексиканской сельскохозяйственной продукции, убедили Сенат отклонить торговый договор с Мексикой.

И Диас, и Гонсалес прекрасно понимали, что для создания противовеса США следует немедленно установить тесные отношения с европейскими странами. На этом фронте все зависело от Франции. Париж даже после свержения Наполеона требовал от мексиканского правительства признания долгов империи и выплаты французским гражданам компенсации за ущерб, причиненный им многочисленными войнами на территории Мексики. С другой стороны, правительства Хуареса и Лердо никаких долгов платить не желали и требовали от самой Франции компенсации за причиненные интервентами разрушения. К тому же мексиканцы настаивали, что инициатива восстановления дипломатических отношений должна исходить от Франции как бывшего агрессора. Гонсалес нашел простое и прагматичное решение: обе стороны отказались от всех претензий и восстановили отношения. Мексиканская армия стала получать современное оружие именно из Франции. У американцев старались ничего из военного снаряжения не покупать.

Однако сторонники Диаса через некоторые СМИ обрушились на Гонсалеса с критикой за то, что он пошел на мировую с бывшими интервентами. Бедный президент ничего не понимал: ведь это было согласовано с доном Порфирио (за которым еще с тех времен закрепилась обидная кличка «дон Перфидио», то есть «дон Подлец»). Но бывший президент хранил молчание, из чего многие рядовые избиратели заключили, что он недоволен действиями Гонсалеса. Попытка последнего урегулировать финансовые вопросы с англичанами (британцы были единственной альтернативой американцам в строительстве железных дорог) окончилась уличными протестами в Мехико.⁷⁵ В обмен на дипломатическое признание Гонсалес обещал Лондону выплатить 15,4 миллиона фунтов стерлингов британским держателям облигаций займов бывших консервативных правительств. После обнародования этого компромисса президенту пришлось отдать войскам приказ стрелять в демонстрантов. Это, естественно, не добавило ему популярности.

В 1884 году впервые в истории Мексики был учрежден национальный эмиссионный банк, и Гонсалес в соответствии с духом времени ввел в обращение никелевые монеты вместо традиционных серебряных. В стране едва не произошло вооруженное восстание.

Тем не менее итоги правления «простоватого» Гонсалеса оказались весьма впечатляющими. В Мексике его до сих пор помнят хотя бы потому, что этот президент ввел в стране

⁷⁴ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 72.

⁷⁵ Условия англичан были чуть лучше американских: американцы строили железные дороги в обмен на концессии на сами эти дороги сроком на 99 лет.

метрическую систему мер, отменив все остальные как рудименты колониальных времен. На севере были наконец побеждены апачи. Мексика имела дипломатические отношения со всеми ведущими европейскими государствами. В 1884 году ввели в эксплуатацию первую железную дорогу между США и Мексикой. Благодаря непопулярным мерам президента иностранные инвестиции в страну впервые со времен завоевания независимости достигли ощутимых размеров. Однако Гонсалеса мексиканцы не любили. Его правительство называли самым коррумпированным в истории Мексики (Порфирио Диас докажет позднее, что пальма первенства на этой стезе принадлежит все же ему самому). После отставки Гонсалеса в 1884 году распускались слухи, что, покидая президентский дворец, он прихватил с собой всю казенную мебель. Как и Лердо, его обвиняли в распродаже национальных ресурсов иностранцам по бросовым ценам. К тому же в 1884 году Мексику впервые в истории потрясли отголоски мирового экономического кризиса. Став зависимой от внешнеэкономической конъюнктуры, страна утратила былую самодостаточность.

Незадолго перед выборами Диас посетил Гонсалеса и пытался убедить его, что не имеет президентских амбиций. Слушая, Гонсалес все время выдвигал и задвигал ящики своего письменного стола. На недоуменный вопрос Диаса он ответил, что ищет того дурака, который бы в это поверил.

На общем фоне победа Диаса на президентских выборах 1884 года была легким делом. Избиратели хотели стабильности, достатка и самостоятельной внешней политики. Все это они ошибочно ассоциировали с доном Порфирио.

Прежде всего Диас решил окончательно консолидировать свою единоличную власть, чтобы уже не зависеть от прихотей своих бывших генералов. В новое правительство Диаса вошли уже не его соратники по путчу 1876 года, а представители самых разных политических направлений: от сторонников Лердо до бывших консерваторов. За кулисами, сохраняя все формальные институты либеральной республики, новый-старый президент предпочитал действовать методом «*пан о palo*» – «хлеба или дубинки». Раскритикованный Диасом Гонсалес послушно хранил молчание на посту губернатора штата Гуанахуато. Бывший президент говорил, что жертвует собственными глубокими убеждениями во имя общественного спокойствия.

Своим девизом во внутренней политике Диас избрал стабильность. Он говорил, что стране нужен достаток, а не новые законы. Чтобы подавить самостоятельность штатов, Диас разделил в них политическое и военное руководство.⁷⁶ Командующий федеральными частями в каждом штате стал естественным конкурентом губернатора, и Диас поддерживал это соперничество по принципу «разделяй и властвуй». Если кто-то из губернаторов штатов не понимал новой ситуации, то его убивали подосланные наемники, как это случилось в 1886 году с губернатором штата Гуанахуато Тринидадом Гарсия де ла Каденой.

Чтобы поставить под контроль армию, Диас упразднил многочисленные высшие командные должности и разделил страну на 12 военных округов, которые, в свою очередь, состояли из 30 военных зон. Была учреждена национальная военная академия для подготовки квалифицированного офицерского корпуса. Уже в начале XX века около половины корпуса составляли выпускники академии Чапультепека. Бывший генерал продолжал тратить на армию большую часть бюджета, хотя доля военных расходов за время его правления практически не выросла. Диас постоянно тасовал командующих округами, чтобы они не успевали обзавестись политическим влиянием. Президент поощрял генералов к коммерции с использованием служебного положения. Обрастая капиталами и недвижимостью, те испытывали все меньше желания ставить все это благополучие на сомнительную карту военного мятежа.

⁷⁶ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 45.

Армия строилась на основе выборочного рекрутского набора. Причем этот набор, как и в России того времени, часто использовался затем, чтобы избавиться от непокорных местных жителей. Поэтому крестьяне армию ненавидели, так же, впрочем, как и солдаты, которым платили мало и нерегулярно.

Для усиления федерального контроля на местах в 1896 году были наконец ликвидированы внутренние таможи (алькабала) и налажено прочное телеграфное сообщение со всеми столицами штатов. А стремительно растущая сеть железных дорог позволяла быстро перебрасывать войска из столицы на подавление военных мятежей и социальных протестов. Первая телефонная линия в Мехико, появившаяся в 1879 году, связывала президентский дворец с министерством внутренних дел.

Диас впервые в истории Мексики ослабил власть так называемых касиков. Это индейское слово означает «вождь». В Мексике так именовали местных старейшин, часто – выборных руководителей общин. Некоторые касики действительно защищали интересы своего населения и пользовались большим авторитетом, чем губернатор штата и даже президент. Диас фактически заменил выборность на местах принципом назначения мэров так называемыми политическими руководителями («хефес политикос»).⁷⁷ Ранее это были сугубо административные чиновники, подчинявшиеся губернаторам штатов. Теперь они стали полновластными руководителями на местах и назначали мэрами и старостами тех, кто был угоден власти. Новые мэры, как правило, активно поддерживали обезземеливание собственных деревень. Крестьяне лишились последних заступников.

«Хефес политикос» стали важным противовесом снизу по отношению к властям штатов. Правда, теперь нужды населения своих регионов были для них не важны. Ведь они зависели только от президента.

Выборы на пост губернаторов штатов и в Конгресс формально сохранялись. Но отныне кандидат мог быть избран только при предварительном одобрении дона Порфирио. Тех, кто не хотел играть по правилам, старались подкупить иной должностью или просто запугивали. К самым отчаянным подсылали наемных убийц. Неудобных людей с именем отправляли с «важными» дипломатическими миссиями за границу. В первом Конгрессе времен Диаса его друзья-генералы составляли 59 % депутатов. Постепенно их сменяли земляки и лично преданные друзья. В 1886 году из 229 депутатов Конгресса 62 были уроженцами Оахаки, родного штата Диаса. К концу правления дона Порфирио Конгресс напоминал клуб его друзей и друзей его супруги. Туда «избирали» и многочисленных генералов, которых таким образом отстраняли от военного командования на местах – в 1876-1880 годах среди депутатов конгресса было 59 % бывших военных.

С влиятельными людьми на местах Диас всегда предпочитал сначала попробовать договориться. Он не хотел плодить себе смертельных врагов. Поэтому его режим в Мексике иногда называют не «диктатура», а «диктабланда» (игра слов: «duro» по-испански значит «твердый», «blando» – мягкий). Но мягкость дона Порфирио была обманчивой, особенно по отношению к оппозиции из социальных низов. В 1879 году губернатор Веракруса сообщил президенту о раскрытии заговора сторонников бывшего президента Лердо. Он просил совета, как поступить с арестованными, и в ответ получил краткую телеграмму: «Убей их хладнокровно». Политические репрессии без суда и следствия потрясли тогда всю страну, так как за время правления Хуареса и Лердо страна уже успела от них отвыкнуть.

На севере страны, в штате Сонора на границе с США войска Диаса вели настоящую войну на уничтожение против индейцев яки, отказывавшихся продавать свои богатые минералами земли американским инвесторам. Индейцев безжалостно истребляли, а пленных ссылали на плантации сизаля на Юкатан, где они работали в кандалах и тысячами умирали

⁷⁷ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 96.

от не привычного для них влажного тропического климата. Командующий федеральными карательными войсками получал за каждого индейца с плантаторов Юкатана по 65 песо. 55 из них шли в бюджет военного ведомства, а остальные 10 офицер забирал себе.

Аграрные протесты подавляли «руралес», чей состав и методы деятельности изменились со времен Хуареса самым разительным образом. В 1889 году численный состав «руралес» был увеличен с нескольких сотен до 2 тысяч (со временем их стало около 4 тысяч). Они были поделены на 10 корпусов. В составе каждого имелось три роты по 76 человек. В какой-то мере Диас рассматривал «руралес», подчинявшихся министерству внутренних дел, и как противовес федеральной армии (в ней было около 16 тысяч солдат).

В конной сельской жандармерии появилось много отпетых уголовников и людей, мечтавших обогатиться любыми способами. Рассказывали, что однажды президенту представили кандидатов в «руралес», чьи тела были покрыты ранами, полученными в схватках с бандитами. Диас заметил, что лучше бы взять в жандармерию тех, кто эти раны нанес.⁷⁸ Офицеров-«руралес», как правило, брали из федеральной армии. Жандармерия получала хорошее оружие. По заказу помещиков, за большие деньги «руралес» проводили налеты на несговорчивые деревни. Недовольных крестьян вешали на деревьях без всякого суда или сжигали живьем в собственных домах. Фирменной казнью «руралес» было закопать человека в землю по шею и растоптать лошадьми.

Зато президент с гордостью говорил инвесторам, что в его Мексике блондинка-иностранка в коротком платье может пройти от северной границы до Гватемалы, и к ней никто даже не пристанет (намек на Чингисхана: тот хотел создать империю, в которой красивая девушка с золотой чашей может спокойно пройти от одной границы к другой, сохранив честь и имущество). Однако спокойствие в стране было показным. Загнанный вглубь протест с каждым годом накапливался, пока не привел к масштабной социальной революции. При этом президент не только знал о творимых его армией и полицией зверствах, но и оправдывал их. Он писал в воспоминаниях: «Мы были очень твердыми, иногда даже жестокими... Лучше было пролить немного крови, чтобы не допустить большого кровопролития. Кровь, которую мы пролили, была плохой, а та, которую мы сохранили, – хорошей».

Придя к власти в 1876 году, Диас добился изменения Конституции 1857 года и внес туда положение о запрете переизбрания президента страны на второй срок подряд. В 1888 году Диас в соответствии с «пожеланиями населения» вновь был избран президентом. Это было грубейшим нарушением его собственной программы. Ведь когда-то генерал восстал против переизбрания Лердо на второй срок. Но к тому времени Конгресс был «зачищен» и стоял из конформистов, лично обязанных президенту своей карьерой. Верховный суд, погубивший Лердо, тоже уже давно не участвовал в политической жизни. Поэтому в 1892 году запрет на переизбрание снова исчез из основного закона.

Молчало и большинство из 150 мексиканских газет. Еще при Гонсалесе был принят закон, по которому журналиста могли посадить в тюрьму не только за некое точно не определенное «психологическое преступление», но даже и за намерения совершить таковое. Кстати, журналистов, как и интеллектуалов в целом, Диас презирал, считая почти всех их продажными. Он говорил: «Этот петух любит кукурузу». К сожалению, он оказался прав. Едва ли не все мексиканские газеты получали субсидии правительства, а их главные редакторы активно участвовали в махинациях с крестьянскими землями. Тех же журналистов, кто осмеливался протестовать, арестовывали, иногда многократно. Например, оппозиционный публицист Филомено Мета арестовывался 34 раза. Неудобные газеты закрывались под различными предлогами.

⁷⁸ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 33.

Диас, ярый масон, помирился с церковью. Он поощрял обогащение святых отцов, и те с амвонов впервые после гражданской войны 1857-1860 годов славили президента. А он продолжал считать себя либералом. Бывший архиепископ Лабастида, который некогда публично отлучил всех либералов от церкви, в прошлом – член учрежденного французскими интервентами триумvirата, удостоился личного подарка президента: посоха, инкрустированного черепаховой костью и серебром. Церковь за время правления Диаса обросла многочисленными периодическими изданиями и даже стала поддерживать крестьян-индейцев в борьбе за сохранение общинного землепользования.⁷⁹ Дело здесь было не в человеколюбии католического клира, а в его стремлении активно противодействовать миссионерской деятельности американских протестантов. В северных районах страны протестанты могли похвастаться серьезными успехами. Поэтому католическая церковь подогревала мексиканский национализм, выступая иногда и против американских инвесторов, сгонявших крестьян с земли. Сам Диас тоже держал католических иерархов в напряжении, активно участвуя в масонских церемониях и поддерживая подчеркнуто сердечные отношения с главой протестантской миссии.

В 1892 году режим был консолидирован уже настолько, что Диас изменил конституцию 1857 года, увеличив президентский срок до шести лет. С переизбранием в 1898 и 1904 годах проблем не возникло.

В Мексике расцвел не характерный ранее для этой страны культ личности. Характерно, что одна из оппозиционных газет с сарказмом назвала Диаса «пожизненным президентом Российской республики».⁸⁰ Россия с ее самодержавием считалась тогда во всем мире эталонным недемократическим обществом. Кстати, показательно, что Петербург, не признавший ни образование Мексики в 1820 году, ни правительство «красного» Хуареса, в 1890 году установил дипломатические отношения с Диасом, хотя тот формально продолжал считать себя революционером. В стране появились мавзолей Хуареса и бесчисленные улицы в его честь. Диас провозгласил себя продолжателем дела своего великого земляка. И примерно до 1900 года многие мексиканцы в это верили.

В 1881 году 51-летний вдовец Порфирио Диас женился на 18-летней Кармен (Кармелите) Ромеро Рубио. Сначала девушка преподавала ему английский язык, а спустя несколько недель стала его супругой и персональным имиджмейкером. Она отучила генерала вытирать руки о скатерть, пользоваться зубочисткой на людях и класть во время еды руки на стол. Диаса прельстила не только несомненная красота Кармелиты – этот неравный брак имел и политическое значение.

Отцом невесты был бывший министр в правительстве Лердо Мануэль Ромеро Рубио, которого Диас в 1884 году взял в свой собственный кабинет. Ромеро стал архитектором внутриполитической стабилизации. Именно к нему сходились нити неформального управления выборами всех уровней. (Заклученные федеральных тюрем часто в виде наказания заполняли бюллетени вместо самих избирателей.) Ромеро вплоть до своей смерти в 1895 году был лидером вновь возникшей группы мексиканских олигархов, «сьентификос» (т. е. «ученых»). Выходцы из среднего класса, как правило, бывшие адвокаты, журналисты или чиновники среднего звена, они сделали карьеру исключительно благодаря дону Порфирию. У «сьентификос» не имелось собственной политической базы в отдельных штатах или в армии. Свое название группа получила за пропагандируемый ею «научный» (точнее, технократический) подход к переустройству Мексики. Коренное население группа Ромеро считала тормозом на пути прогресса и выступала за полное копирование европейского опыта, включая заманивание в Мексику европейских переселенцев. Один из идеологов группы, журналист и историк

⁷⁹ Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people*. New York, 1992. P. 273.

⁸⁰ Krauze E. *Porfirio Diaz. Místico de la autoridad*. Mexico, 1998. P. 55.

Бульнес писал, что 5 миллионов белых аргентинцев – выходцев из Европы – намного ценнее 15 миллионов мексиканцев.

«Съентификос» были основными проводниками для европейских инвесторов и вскоре оказались тесно связаны с ними коммерческими узами. Они основывали свое богатство исключительно на доступе к президенту и рычагам государственной власти. Например, только через них можно было получить выгодную концессию. Иногда олигархи сами решали, где пройдет новая железная дорога, скупали по дешевке через подставных лиц соответствующие земли и потом втридорога перепродавали их государству.

Средств в промышленное производство они не вкладывали и в первую очередь жаждали приобрести все прелести нового социального статуса: прекрасные виллы, французских гувернеров для детей, дорогие ковры и картины.

После смерти Ромеро «съентификос» возглавил сын французских иммигрантов министр финансов Лимантур, которого вскоре возненавидела вся страна. Для Лимантура главным делом было безусловное погашение всех внешних долгов Мексики и достижение профицита бюджета любой ценой (он действительно достиг этой цели в 1896 году). Диас ценил Лимантура, имевшего очень высокую репутацию в Европе. Только через министра финансов можно было получить у Франции, которая располагала самым большим объемом свободного финансового капитала в тогдашнем мире, выгодный кредит. Сам Лимантур при этом использовал собственную репутацию в личных целях. Через него или его доверенных лиц шли военные заказы для мексиканской армии, которые тоже размещались в основном во Франции.

В целом «съентификос» ориентировались на Европу, потому что американские инвесторы и без них чувствовали себя в Мексике достаточно сильными, чтобы при случае надавить на самого президента. Посредники-олигархи им были не нужны. Европейцы же не имели на границах Мексики мощных армий, поэтому им приходилось договариваться. В 1890 году Мексика выплатила последний транш долга США, чтобы не давать северному соседу предлога для вмешательства в свои внутренние дела.⁸¹

«Съентификос» можно считать мексиканскими олигархами, потому что их богатство и влияние были целиком основаны на тех позициях, которые они занимали в окружении президента. Именно за это их ненавидела вторая влиятельная группа мексиканской правящей элиты. В нее входили крупные помещики и бывшие генералы, добившиеся успеха, по их собственному мнению, за счет своих способностей. Сначала эту неформальную группу возглавлял бывший президент Гонсалес, а после его смерти в 1895 году – другой генерал, доверенное лицо Диаса на севере Мексики Бернардо Рейес. На стороне этих людей был крупный национальный капитал, уже тяготившийся зависимостью страны от иностранных предпринимателей. А именно креатурой последних – в общем, справедливо – считали «съентификос». Группа Рейеса спокойно ждала, когда в силу своего возраста Диас уйдет и освободит для нее место. В своей победе она не сомневалась.

Зато в своей победе в борьбе за наследство Диаса сильно сомневались «съентификос». В начале 1890-х они предприняли попытку создать в Мексике современную правящую партию европейского образца. Как и в Европе, эта партия должна была выдвигать кандидата в президенты и формулировать его программу. С помощью этой партии «съентификос» надеялись упрочить свое влияние в стране и придать ему долговременную форму.

До тех пор в Мексике не существовало партий в привычном для нас смысле слова. И консерваторы, и либералы представляли скорее течения политической мысли без четкой организации и фиксированного членства. Достаточно было объявить себя, например, либералом, чтобы считаться таковым. Диаса эта система вполне устраивала, так как именно он

⁸¹ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 441.

считался верховным политическим арбитром страны. Подчиняться пусть и номинальному контролю некой партии президент не хотел. Поэтому идея «сьентификос» была им отвергнута. Возможно, именно эта ошибка впоследствии и стоила Диасу президентского кресла.

Один из идейных лидеров «сьентификос» Бульнес умолял Диаса спасти хотя бы себя самого. В июне 1903 года он выступил на съезде Либерального союза – организации политических клубов, поддерживавших переизбрание Диаса. Там Бульнес изложил собравшимся простой силлогизм: «Прогресс, кредитоспособность страны и мир зависят от Порфирио Диаса. Порфирио Диас смертен. Прогресс, кредитоспособность страны и мир умрут вместе с Диасом». Лимантур заклинал престарелого диктатора привлечь к управлению страной больше представителей среднего класса, которые в противном случае станут легкой добычей «агитаторов» и «нигилистов».

«Сфинкс» дон Порфирио игнорировал предостережения своих приближенных. В начале XX века его власть казалась незыблемой. Диас был довольно популярен среди средних городских слоев, которые считали его великим модернизатором страны. За время президентства дон Порфирио численность государственных служащих выросла в девять раз, и они постепенно стали основным костяком среднего класса. Теперь этот класс был послушным, поскольку его материальное благополучие и карьера напрямую зависели от президента и его окружения. Таким образом, впервые Диасу удалось нейтрализовать (хотя и временно, как показали дальнейшие события) самую политически активную и грамотную часть населения. Ведь в прошлом именно адвокаты, учителя, врачи и мелкие торговцы были движущей силой социального протеста. Теперь эти беспокойные люди растворились в массе довольных своим положением чиновников, не интересовавшихся новыми прогрессивными социальными теориями. Для них куда важнее было то, что Диас модернизирует страну экономически. Крестьян, за счет которых эта модернизация происходила, никто серьезным политическим фактором не считал. Ими занимались «руралес» и армия.

Политическая стабильность, достигнутая за первые двадцать лет правления Диаса, была бы невозможна без солидного фундамента экономического развития. До сих пор многие считают то время самым лучшим в экономической истории Мексики.

Действительно, в 1877-1899 годах мексиканская экономика стабильно росла на 2,7 % в год, а в 1900-1910-х – на 3,3 %. Этот рост обгонял рост населения страны, которое увеличивалось в среднем на 1,4 % в год.⁸² Получалось, что жизненный уровень мексиканцев должен был улучшаться.⁸³

Как же обстояло дело в реальности? Уже упоминалось, что Диас всячески стремился привлечь в страну иностранных инвесторов. При этом он хотел прежде всего повысить доходную базу государства, чтобы без напряжения содержать все более растущий государственный аппарат. Собственно в экономике генерал особо не разбирался и полностью поручил эту сферу Лимантуру «Сьентификос» же отнюдь не стремились к развитию мексиканской национальной промышленности, считая население просто не способным к эффективной предпринимательской деятельности. Основная ставка делалась на иностранцев, а тех, как неоднократно упоминалось, интересовала только возможность дешевой добычи и быстрого вывоза из страны минерального и сельскохозяйственного сырья.

Если учесть, что с момента обретения независимости мексиканская экономика пребывала в лучшем случае в состоянии стагнации, то достижения Диаса действительно представляются значительными. Однако этот рост был неравномерным. Сельскохозяйственное производство, ориентированное на внутренний рынок, даже сократилось. В то же время средний

⁸² Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 49.

⁸³ В 1877 году в Мексике проживали 87 миллиона человек, в 1910 году – 15 миллионов, в т. ч. 20 % «белых» и 43 % метисов.

ежегодный рост в горнодобывающей сфере превышал в конце XIX века 7 %, а в производстве экспортных технических сельскохозяйственных культур – 6 %.

Экономический рост объяснялся прежде всего резким увеличением иностранных капиталовложений. В 1884 году они составляли скромную сумму в 110 миллионов песо, а в 1911 году (последний год правления Диаса) превысили 3,4 миллиарда песо. 38 % капиталовложений приходилось на США, 29 % – на Великобританию, 27 % на Францию.⁸⁴ Если американские инвестиции росли постоянно на протяжении всего времени нахождения Диаса у власти, то британцы активнее инвестировали в 80-е годы XIX века и незадолго до свержения дона Порфирио.

Мексиканские власти старались по возможности уравновесить американское влияние европейским. На практике, однако, конкурентной борьбы между иностранными предпринимателями не было. Они просто делили между собой секторы и географические районы мексиканской экономики. Так, американцы естественным образом доминировали в северных районах, в то время как британцы – в центральных и южных. Англичане обошли американцев в добыче нефти, а те сконцентрировались на добыче цветных металлов. Французы лидировали в хлопчатобумажной промышленности.

Экономический бум в Мексике начался с активного строительства железных дорог. Когда Диас поднял мятеж против Лердо в 1876 году, боевой листок его войск носил характерное название «Железная дорога». Если в 1876 году в стране было только 700 километров железных дорог (в основном линия Мехико – Веракрус), то уже в 1885 году их протяженность превысила 6 тысяч, в 1900 году достигла 14 тысяч, а в 1910-м – 20 тысяч километров.⁸⁵ 80 % капитала, использовавшегося для железнодорожного строительства, поставляли США. Чтобы несколько уравновесить приоритет американцев, Диас привлек к железнодорожному строительству в Мексике в 1885-1910 годах 16 британских компаний.⁸⁶

Для Мексики железные дороги имели еще более важное значение, чем, например, для России или США, потому что, в отличие от этих стран, в Мексике практически не было удобных внутренних водных путей. Но железные дороги, которые строили иностранцы, мало затронули уклад центральных сельскохозяйственных районов, где проживало большинство населения. Они шли в основном к американской границе и крупным портам и служили для вывоза за границу природных богатств страны.

К тому же все оборудование для строительства железных дорог закупалось за границей, и в Мексике так и не возникла современная металлообрабатывающая промышленность. Тем более что правительство и не ставило перед собой такой цели. Наконец, основную массу квалифицированного персонала железных дорог составляли иностранцы, прежде всего американцы. Так что и толчок развитию собственной рабочей аристократии железные дороги не дали.

Да и с финансовой точки зрения железные дороги давали мексиканскому бюджету не так много. Все проценты, дивиденды и прочие доходы в основной массе утекали за границу.

Наряду со строительством железных дорог правительство уделяло повышенное внимание модернизации мексиканских портов, с которыми эти дороги и соединяли основные места разработки полезных ископаемых. Миллионы песо были потрачены на расширение главного порта страны – Веракруса. Со временем конкуренцию этой гавани стал составлять еще один порт Атлантического побережья – Тампико, рядом с которым обнаружили большие запасы нефти. В 1876 году Тампико мог принимать суда с осадкой не более 9 футов. Американские инженеры по заказу правительства углубили акваторию, и порт стал доступен для

⁸⁴ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 49.

⁸⁵ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P.103.

⁸⁶ Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910-1917 гг. М., 1972. С. 20.

кораблей с осадкой в 25 футов. На рубеже веков у Мексики было 10 портов на атлантическом побережье и 14 – на тихоокеанском.

Развивалась и телеграфная сеть страны: ее протяженность увеличилась с 9 тысяч километров в 1877 году до 70 тысяч в 1900-м.

Тем не менее железные дороги дали несомненный толчок развитию мексиканской внешней торговли, что, в свою очередь, действительно умножило финансовые поступления в государственную казну. Экспорт Мексики за время «порфириата», как называли период правления Диаса, вырос в шесть раз, импорт – в три раза. Если внешнеторговый оборот составлял в 1876 году 50 миллионов песо, то в 1910 году – 488 миллионов. Коренным образом изменилась и товарная структура внешней торговли. В 1872 году более половины ввоза приходилось на текстильные товары. Но введенные позднее правительством Гонсалеса высокие импортные тарифы на текстиль привели к импортозамещающему производству в самой Мексике (хотя многие текстильные фабрики находились в руках французов). Уже в 1890 году доля текстиля в импорте снизилась до 22 %. Зато выросла доля оборудования, машин и промышленных полуфабрикатов.

Еще в 1877 году две трети мексиканского экспорта приходились на традиционное серебро, по производству которого страна занимала первое место в мире.⁸⁷ Ведь только серебро ввиду его высокой цены на мировом рынке можно было рентабельно добывать отсталыми методами и перевозить к портам на мулах. В 1910 году доля серебра в вывозе упала до 46,4 %. В то же время вырос экспорт меди, свинца, нефти, сизаля (техническое волокно). При этом благодаря новым методам обработки руды добыча серебра и золота в абсолютном размере серьезно выросла. В 1877 году было добыто серебра на 25 миллионов песо, а в 1908 – на 85 миллионов. В 1901 году Мексика занимала первое место в мире по добыче серебра, второе – по добыче меди и пятое – по добыче золота.

Становясь сырьевым придатком развитых стран, Мексика стремительно наращивала вывоз полезных ископаемых и технических сельскохозяйственных культур. Если в конце XIX века общемировой экспорт рос в среднем на 3,6 % в год, то мексиканский – на 5-6%.⁸⁸

Сдвиги в мексиканской внешней торговле во многом были результатом кардинальных изменений в мировой экономике конца XIX века. Изобретение телеграфа, телефона и автомобиля резко повысило в Европе и США спрос на цветные металлы. С началом XX века флоты основных мировых держав стали переходить с угля на нефть, запасы которой в Мексике оказались очень большими.

Однако в силу географических условий Мексика не смогла избежать полной экономической зависимости от США во внешнеторговой сфере. Диас с горечью воскликнул: «Бедная Мексика! Она так далека от бога и так близка к Соединенным Штатам». В начале XX века на США приходилось более 70 % мексиканского экспорта, и страна очень болезненно ощущала любые перемены в американских таможенных тарифах.

Американцы, как уже отмечалось, сосредоточились именно на разработке мексиканских месторождений цветных металлов. Как и в случае с железными дорогами, все управленческие должности и многие места высококвалифицированных рабочих в американских фирмах занимали граждане США. Многие североамериканские инвесторы держали на рудниках собственную полицию, также состоявшую из американцев. В 1898 году полковник американской армии Уильям Грин за 47 тысяч песо купил у вдовы бывшего губернатора штата Сонора земли с богатыми залежами меди. Затем он разместил ценные бумаги своего рудника на нью-йоркской бирже и стал миллионером. Вскоре на его руднике работали более 3500 человек, добывавших и выплавлявших значительную долю мирового производ-

⁸⁷ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 52.

⁸⁸ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 108.

ства меди. Грин продолжал скупать окрестные земли и открыл скотоводческий бизнес. В его угодьях паслось более 40 тысяч голов крупного рогатого скота. К руднику полковника Грина мы еще вернемся.

В 1891 году, когда началось производство свинца в Мексике, оно составляло 38 тысяч тонн. Уже в 1900 году эти объемы удвоились. Производство меди в 1891 году составляло 6483 тонны, в 1901 году – 28 тысяч тонн, а в 1910-м – уже 52 тысячи.

61,7 % всех инвестиций в горнодобывающую промышленность Мексики приходилось на США, в то время как британцы контролировали в начале XX века 55 % инвестиций в нефтедобывающем секторе. Известный американский предприниматель Эдвард Догени (ему принадлежали нефтяные поля в Калифорнии) приобрел 600 тысяч акров земли в районе Тампико. Вскоре его «Мексикэн Петролеум Компани» добыла первую нефть.

С другой стороны, правительство Диаса явно предпочитало американцу британского промышленника и инженера Пирсона, который ранее модернизировал Веракрус и осушил болота в окрестностях Мехико, избавив жителей столицы от постоянных эпидемий. Пирсон получил концессии в районе перешейка Теуантепек, где он строил железные дороги. Однако там нефти не оказалось, и Диас предоставил Пирсону концессии в районе Веракруса и в штате Табаско. Пирсон в знак благодарности включил сына диктатора Порфирио-младшего в совет директоров своей нефтяной компании «Эль Агила».⁸⁹ Американцы с явным неудовольствием следили за успехами Пирсона, и Диас почувствовал это, когда под ним зашаталось президентское кресло.

Следует подчеркнуть, что для США, которые в начале XX века еще были нетто-импортером капитала, инвестиции в Мексике играли несравненно более важную роль, чем для британцев. Из всех иностранных инвестиций США на долю Мексики приходилось 46 %, в то время как только 5 % английских капиталовложений были направлены в эту страну.

В 90-е годы протекционистские тарифы способствовали становлению мексиканской промышленности, производящей предметы потребления. Благодаря мудрой политике губернатора штата Нуэво-Леон, уже знакомого нам Бернардо Рейеса, предоставлявшего промышленности существенные налоговые льготы, в Монтеррее возник первый и единственный мексиканский сталелитейный завод, который производил в 1911 году около 77 тысяч тонн стали и чугуна. Монтеррей стали называть мексиканским Питтсбургом. Однако фабрика в Монтеррее так и осталась единственным предприятием тяжелой промышленности. Машиностроения не возникло вовсе.

Если в 1877 году в Мексике практически полностью отсутствовала текстильная промышленность, то в 1910 году в стране насчитывалось уже 146 прядильных и ткацких фабрик.⁹⁰

В 1890 году мексиканец немецкого происхождения Хосе Шнайдер организовал первый пивоваренный завод, который давал первоначально 10 тысяч баррелей пива в день. Надо сказать, что «сьентификос» пытались таким образом отучить мексиканцев от питья национального спиртного напитка пульке (делался из сока агавы; позднее путем его дистилляции стали производить ставшую популярной во всем мире текилу), который считался варварским и вредным для здоровья. Несмотря на то, что количество кабаков, где разливали пульке, при Диасе существенно выросло, прогрессивные мексиканцы, в частности новые средние слои, перешли на «европейское» пиво. Вскоре Шнайдеру стало не хватать бутылок, и он открыл стекольное производство. Позднее предприниматель сам производил крышки для бутылок и картонные коробки для упаковки своей продукции.

⁸⁹ Другое название компании – «Мексикэн Игл», что является дословным переводом на английский испанского наименования.

⁹⁰ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 232.

В конце XIX века в Мексике стали производить мыло, сигареты, цемент, ткани и сахар. Однако уже в начале следующего столетия, когда был исчерпан эффект замещения импорта, обрабатывающая промышленность страны вступила в стадию стагнации. Оказалось, что в 15-миллионной Мексике просто нет достаточного покупательного спроса для многих товаров широкого потребления. А это, в свою очередь, объяснялось плачевными социальными итогами порфиристской модернизации в аграрном секторе. Хотя согласно переписи 1910 года в стране насчитывалось около 5500 промышленных предприятий, большинство из них принадлежало иностранцам и работало на импортном оборудовании.

В начале XX века 70 % населения Мексики занимались сельским хозяйством, и страна сохраняла преимущественно аграрный характер. При этом, не в пример промышленности, за время правления Диаса сельское хозяйство росло в среднем всего лишь на 0,65 % в год.⁹¹ К тому же общие объемы сельскохозяйственного производства в период с 1877-го по 1894 год даже упали. Конечно, ориентированные на экспорт отрасли аграрного сектора росли впечатляющими темпами. Производство кофе за время «порфириата» увеличилось с 8 до 28 тысяч тонн, сизаля – с 11 тысяч тонн в 1877 году до 129 тысяч тонн в 1910-м. Менее разительными, хотя и высокими, были темпы развития тех секторов, которые ориентировались на складывавшийся после отмены в 1896 году алькабалы национальный рынок. Производство хлопка (при Диасе его впервые стали выращивать в самой Мексике) выросло в 1877-1910 годах с 26 до 43 тысяч тонн, а производство сахара – с 630 тысяч до 2,5 миллиона тонн.

В то же время производство основного продукта питания подавляющего большинства населения, кукурузы упало с 2,77 миллиона тонн в 1877 году до 2,13 миллиона тонн в 1910-м. Если учесть, что численность населения во время «порфириата» выросла с 8 до 15 миллионов человек, то становится ясно: потребление кукурузы на душу населения существенно сократилось (с 282 кг в 1877 году до 144 кг в 1907-м).⁹²

Из общего объема иностранных инвестиций в сельское хозяйство было вложено только 5,7 %, и тому имелись свои экономические и социальные причины. Американцы, например, предпочитали оставлять производство сизаля на Юкатане – этой огромной мексиканской каторге – в руках местных плантаторов, использовавших рабовладельческие методы эксплуатации рабочей силы. Зато сбытом всего выращенного волокна занималась уже американская компания. Она же и диктовала цены.

Причина стагнации сельского хозяйства заключалась в том, что именно за счет крестьянского населения проводилась хваленая модернизация эпохи Диаса. Из-за жесткого проведения в жизнь закона Лердо о принудительной ликвидации общинного землевладения к 1910 году 90 % мексиканских крестьян лишились земли. К моменту обретения Мексикой независимости крестьянским общинам принадлежало 40 % сельскохозяйственных угодий страны. В 1910 году в их руках осталось не более 5 % этих земель. В штатах Морелос и Оахака, где до правления Диаса большинство земледельцев составляли индейцы-общинники, без земли остались соответственно 99,5 % и 99,8 % крестьян.⁹³ В 1877-1884 годах страну захлестнула волна крестьянских волнений, но все они были жестоко подавлены.

На севере Мексики крестьянские земли продавались иностранным инвесторам для строительства железных дорог и закладки рудников. Например, в штате Чиуауа американские латифундисты создали огромные скотоводческие империи, поставлявшие живой скот в США. Крупнейшему американскому медиамагнату того времени Рэндольфу Херсту в этом штате принадлежало 3,1 миллиона акров.⁹⁴

⁹¹ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 68.

⁹² Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 69.

⁹³ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 236.

⁹⁴ Ruiz R. E. Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people. New York, 1992. P. 296.

В центральном районе страны земли захватывали владельцы асиенд – крупных поместий – для того, чтобы производить на них в большом объеме технические культуры, прежде всего сахарный тростник. Только массовое обезземеливание крестьян сделало производство технических культур высококорентабельным. Во-первых, можно было существенно увеличить площади и начать процесс механизации производства и обработки урожая. Во-вторых, безземельные крестьяне превращались в арендаторов на своих бывших землях. Ввиду слабого развития мексиканской промышленности она даже отдаленно не могла абсорбировать миллионы бывших землевладельцев.

Арендаторы, как правило, были вынуждены отдавать владельцу асиенды половину урожая. Во многих местах они отдавали еще 10-15 % урожая за использование сельскохозяйственного инвентаря. При этом многие помещики стремились отделаться даже от таких арендаторов. Они предпочитали труд пеонов, то есть долговых рабов. Ведь свободные крестьяне, в конце концов, могли податься на север и наняться на один из американских рудников, где были самые высокие в стране зарплаты. А вот пеону деваться было некуда.

Начиналось рабство обычно с того, что «добрый» хозяин асиенды давал достигшему 18-летия крестьянину ссуду в 150-200 песо для того, чтобы тот мог жениться и обзавестись собственным домом. За это пеон должен был работать на «асиендадо» (т. е. помещика), пока не вернет долг. Но во времена Диаса зарплата сельскохозяйственных рабочих вообще не выросла, оставшись такой же, как и на момент достижения страной независимости, – 26-30 сентаво в день. При этом стоимость основных продуктов питания крестьян – кукурузы, бобов и соуса чили – с 1800-го по 1900 год увеличилась примерно в шесть раз. Зарплату пеону платили такую, чтобы он, даже скудно питаясь, не мог вернуть долг. К тому же во многих местах пеон вообще получал не деньги, а специальные талоны, которые он мог обменять на продукты только в магазине самого же помещика («тиендас де райя»). Излишне говорить, что цены в этих магазинах были гораздо выше, чем в обычных. Особенно зверских форм пеонаж достиг на Юкатане, где плантаторы содержали специальные тюрьмы для провинившихся и подвергали их жестоким телесным наказаниям. Кое-где помещики даже пользовались правом первой ночи при свадьбах их долговых рабов. Если же протесты пеонов становились массовыми, то подключались «руралес» и армия. Законы многих штатов предусматривали уголовное наказание для пеонов, пытавшихся бежать с асиенд.

Труд пеонов был настолько дешевым, что это, как ни парадоксально, полностью останавливало технический прогресс в мексиканском сельском хозяйстве. Зачем же покупать дорогостоящие импортные машины, если крестьяне-пеоны выполняют их работу почти задаром? Рабочий день, как правило, полностью совпадал со световым. Статистика показывает, что мексиканский помещик начала XX века без всякой механизации тратил на производство тонны продукции в среднем 4,5 песо, а американский фермер с его передовыми жатками Маккормика – 4,95 песо.

Помещики-«асиендадос» составляли к моменту падения диктатуры Диаса 3 % сельского населения, но им принадлежало около 70 % всех земель.

32 самые большие асиенды занимали 57 % территории всего государства.⁹⁵

Особенно крупных размеров поместья достигли на севере страны, где их профилем было скотоводство. Как правило, крупнейшие «асиендадос» делили между собой и политическую власть в своих штатах.

Хрестоматийным в этом отношении является пример клана Террасас-Криль, который на протяжении трех десятков лет был полновластным хозяином северного штата Чиуауа. Его угодья (около 5 миллионов гектар) превосходили по территории Коста-Рику. Начиная Террасас, подобно большинству помещиков новой формации, как генерал республиканской армии

⁹⁵ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 74.

в годы борьбы с консерваторами, а позднее – с французской интервенцией. Военные навыки Террасас приобрел, организовав борьбу с апачами. В 1860 году Хуарес сделал его губернатором Чиуауа, и Террасас стал быстро скупать церковные земли, а также «пустующие» государственные угодья и конфискованные земли разбитых сторонников Максимилиана. Цены за все это Террасас платил смешные. Богатства добавила и удачная женитьба на представительнице одного из крупнейших «старых» помещичьих кланов Чиуауа. В 1876 году Террасас не поддержал путч Диаса, и тот на время лишил Террасаса губернаторского поста. Однако к тому времени клану Террасасов принадлежал почти весь штат, и даже Диас был вынужден с этим считаться. С согласия президента Террасас стал членом Конгресса, а в 1903 году снова пересел в губернаторское кресло Чиуауа. Через год престарелого главу клана сменил его зять Энрике Криль. Незадолго до революции губернатором стал сын Террасаса Альберто (у него было 600 тысяч акров земли). С 1860-го по 1910 год представители клана Террасасов занимали пост губернатора штата Чиуауа в общей сложности 25 лет. В 1909–1911 годах из 30 депутатов парламента Чиуауа (законодательные органы штатов избирались на два года) родственные связи с семьей Террасаса имели девять человек, а остальные были бизнес-партнерами клана.⁹⁶

Со временем Террасас и Криль завладели крупнейшим банком штата, продолжая при этом заниматься и традиционным скотоводством. Поглотив всех конкурентов, банк Террасаса стал в начале XX века крупнейшим в Мексике. В Чиуауа Террасасам принадлежали железные дороги и рестораны, мельницы и телефонные линии. Криль тесно сблизился с «сьентификос» и с их помощью стал в 1908 году председателем нефтедобывающей компании «Эль Агила», той самой, в правлении которой сидел сын президента. Криль был владельцем асиенд общей площадью 1,7 миллиона акров.

Не забывал классический помещичий бизнес крупного скотовода и сам Террасас. Перед революцией ему принадлежало 500 тысяч голов крупного рогатого скота, 225 тысяч овец, 25 тысяч лошадей и 5 тысяч мулов. На крупнейшей асиенде (1,3 миллиона акров) Террасаса работали более 2 тысяч пеонов.

Благодаря близости американской границы и росту инвестиций США в штате Чиуауа земли Террасаса с каждым годом росли в цене. Если бы он продал свои угодья перед революцией, то смог бы получить феноменальную по тем временам сумму в 69 миллионов долларов.

Пожалуй, Чиуауа в царствование Террасаса был классическим примером олигархизации мексиканской политической системы эры Диаса. Не случайно, что именно этот штат станет одним из основных центров мексиканской революции.

В штате Юкатан «сильным человеком» и крупнейшим помещиком был Олегарио Молина, тоже активный член группы «сьентификос». Начиная семья Молины с представительства интересов американской торговой компании «Интернэшнл Харвестер Компани», которая имела монополию на закупку сизаля. В 1902 году Молина стал губернатором Юкатана, а три года спустя – министром экономики в правительстве Диаса. Его брат немедленно превратился в одного из крупнейших плантаторов Юкатана, другой брат сидел в правлении железнодорожной компании, а племянник стал «хефе политико» столицы штата. Зять губернатора Молины перенял почетную и прибыльную обязанность представлять интересы американского торгового монополиста. Другой зять (он же и вице-консул Испании на Юкатане) получил от губернатора монопольное право на ввоз в штат динамита и скота.

Всего в республике в 1910 году было 8245 асиенд, которые за время правления Диаса за счет массового обезземеливания крестьянства получили практически за бесценок 134 миллиона акров лучших земель Мексики.

⁹⁶ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 105.

Какой же была социальная цена экономической модернизации Мексики времен Порфирио Диаса? Ведь, в конце концов, в каждой стране есть богатые и бедные. Важно, чтобы жизненный уровень тех и других рос вместе с ростом экономики в целом.

Средние слои мексиканского общества жили в начале XX века довольно странной, скажем, для их американских собратьев, жизнью.⁹⁷ Государственные служащие часто существовали впроголодь только ради того, чтобы иметь членство элитных клубов и раз в год ездить на фешенебельный курорт, где отдыхали сливки общества. Огромное внимание уделялось внешнему виду и кастовому воспитанию детей. Если ребенок шел открывать дверь и видел хорошо одетого человека, он должен был сказать родителям: «К нам пришел сеньор». Если же посетитель был одет «не по статусу», то его следовало называть «человеком». Огромное большинство представителей мексиканского среднего класса жили от зарплаты до зарплаты или попросту в долг. Но пока «порфириат» олицетворял стабильность, а экономическое положение не ухудшалось, недовольных было не так много. Вскоре, однако, положение резко изменилось.

Пока же иностранцы, которые в начале XX века приезжали в Мехико, сравнивали этот город с ведущими европейскими столицами. По широким зеленым и ярко освещенным вечерами проспектам ходили трамваи. Сливки общества были воспитаны во французском духе, и даже церковь заказывала во Франции архитекторов, чтобы переделать на модный французский лад фасады старых католических храмов. Состоятельные горожане проводили в Париже и Ницце отпуска, а на родине восторгались захватившем всю Мексику в 80-е годы канканом. Лучшие рестораны Мехико были французскими, а центральный бульвар представлял собой точную копию Елисейских полей. 14 июля праздновалось состоятельными гражданами с таким же воодушевлением, как День независимости Мексики.

В Мехико впервые после обретения страной независимости потянулись иностранные туристы, которые отмечали хороший уровень обслуживания и чистоту местных отелей. Да и самих отелей становилось больше. В 1882 году столица не смогла разместить 40 тысяч гостей, приехавших на празднование Дня независимости.⁹⁸ В 1910 году во время пышных празднований столетнего юбилея этой даты места хватило всем.

Население столицы выросло с 200 тысяч в 1874 году до 471 тысячи в 1910-м.

К 1910 году электричество появилось во всех столицах штатов, а во многих из них ходили трамваи.

Однако все эти достижения были внешней стороной, глянцевой обложкой «порфириата». Содержание, которое обычно укрывалось от взоров иностранцев, выглядело совсем иначе.

К 1910 году грамотными были только 19 % мексиканцев. Диас не добился в борьбе с неграмотностью особых успехов (в 1876 году грамотных было 14 % населения) просто потому, что считал образование не очень нужным для большинства. Учителя принадлежали к париям среднего класса.⁹⁹ Им систематически не доплачивали, а новых школ в расчете на количество населения строилось гораздо меньше, чем во времена Лердо. Неудивительно, что именно учителя стали самыми активными участниками будущей революции. Система профессионального образования, столь необходимая Мексике именно в те годы, практически отсутствовала.

Системы медицинского обслуживания населения почти не существовало. Детская смертность во времена Диаса не снизилась и составляла более 400 человек на тысячу. Пока-

⁹⁷ Подробнее см. Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 472–473.

⁹⁸ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 468.

⁹⁹ Численность учителей в Мексике при Диасе росла довольно значительными темпами: с 12 748 в 1895 году до 21 017 в 1910 году.

затель по Мехико (323) был гораздо хуже, чем в Санкт-Петербурге (256) и тем более в Лондоне (114). В крестьянских многодетных семьях умирали, не дожив даже до школьного возраста, от трех до пяти детей. Половина всех родившихся детей не доживала до года. В целом смертность по стране составляла 37–40 человек на тысячу жителей, причем в социально неблагополучном штате Морелос этот показатель превышал 57 человек.

И в городах, и в деревнях бедное население (а его было около 80 %) жило в условиях чудовищной антисанитарии. По официальным данным, 50 % всего жилья в Мексике считалось лачугами, то есть убогими жилищами, состоявшими из одной комнаты и не имевшими ни канализации, ни воды, ни электричества. Неудивительно, что средняя продолжительность жизни в Мексике во времена Диаса не выросла, оставаясь на уровне примерно 30 лет. В 1910 году средняя продолжительность жизни (30,5 лет) даже сократилась по сравнению с 1895-м (31 год). В начале XX века были и такие годы, когда смертность превышала рождаемость. В том же Мехико бедные кварталы типа Ла Мерсед или Ла Пальма были абсолютно не приспособленными для нормальной жизни, и некоторые даже предлагали сжечь их дотла как рассадники инфекций.

Смертность от инфекционных болезней в Мексике времен Диаса несколько сократилась к концу XIX века, но опять выросла в начале века XX. На родине президента, в Оахаке оспа в 1879 году была причиной трети смертей, в 1882 – всего 1 %, а в 1903 году – 14 %. Плохое питание и антисанитарные условия жизни привели к тому, что самой страшной смертельной болезнью в Мексике стала дизентерия. (При анализе статистики эры «порфириата» следует помнить, что только 20–25 % всех смертей анализировались врачами.) Косил людей с плохим жильем и питанием туберкулез: в 1896 году от этой болезни скончались 10 857 мексиканцев, а в 1903 – 12 945. Даже «сьентификос» были вынуждены признать, что основной причиной болезней является отвратительное питание населения. Появились лозунги вроде «вылечить людей – значит накормить их». Но на свою зарплату большинство мексиканцев просто не могли себе позволить качественную пищу.¹⁰⁰ С 1893-го по 1907 год от тифа умерло 125 тысяч мексиканцев.¹⁰¹ Неудивительно – ведь в том же Мехико была всего одна общественная баня (богатые горожане мылись дома). Не снижалась в годы «порфириата» и ежегодная смертность от малярии.

Во время диктатуры Диаса в Мексике возник рабочий класс. Только с 1895-го по 1900 год численность рабочих выросла с 692 697 до 803 294 человек (не считая занятых на транспорте и в госсекторе).¹⁰² Положение большинства пролетариев было незавидным.

Рабочие на новых фабриках жили в общих бараках или хижинах из металлоотходов. Забастовки и создание профсоюзов были запрещены законом. Зато правительство создало свои рабочие общества (очень похожие на «зубатовские» профсоюзы царской России), которые учили, что повиновение полиции является основным признаком культуры. В 1891 году правительственные рабочие союзы смогли сорвать празднование 1 мая. Правительство поощряло также создание обществ рабочей взаимопомощи. Их члены сами собирали деньги, чтобы помочь товарищам при несчастных случаях.

Ограничений рабочего дня не существовало. Как правило, люди работали по 12 часов семь дней в неделю. Как и пеоны, многие рабочие были вынуждены покупать продукты в заводских лавках по завышенным ценам. На некоторых фабриках хозяева ухитрялись даже вычитать из и так маленькой зарплаты расходы на амортизацию обслуживаемых рабочими машин. Не существовало никакой системы социального страхования. Потерявшего руку

¹⁰⁰ Подавляющее большинство населения страны, как и во времена испанского владычества, каждый день ело однообразную и бедную белком пищу – кукурузные лепешки, бобы, соус чили – и пило неизменный пульке.

¹⁰¹ Historia moderna de Mexico. Tomo 4. La vida social en el Porfiriato. Mexico, 1957. P. 66.

¹⁰² Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 105.

или ногу рабочего просто выставляли на улицу, иногда оплатив ампутацию. О пенсионной системе в Мексике никто даже и не слышал.

Как уже упоминалось, реальная зарплата промышленных и сельскохозяйственных рабочих за время правления Диаса не выросла, поскольку инфляция намного обгоняла рост доходов. Исключение составляли только горнодобывающие предприятия, но условия работы на них были просто чудовищными даже по меркам того времени.

В эпоху «порфириата» активно были вовлечены в процесс производственной и общественной жизни мексиканские женщины. Среди примерно 800 тысяч рабочих, считая ремесленников, представительниц слабого пола насчитывалось около 200 тысяч. Однако дело здесь было отнюдь не в прогрессивном феминизме режима дона Порфирио. Просто женщинам платили в два раза меньше, чем мужчинам, и использовали их на самом тяжелом и монотонном труде, прежде всего в текстильной промышленности, а также на сигаретных фабриках, где они вручную скручивали сигары. Но надо отдать должное тому факту, что в начале XX века женщины получили широкий доступ к образованию. В 1887 году медицинская школа Мехико выдала диплом первой женщине-врачу. 65 % учителей начальных школ в начале прошлого века тоже были женщинами. Только в правительственном аппарате служили около 2 тысяч женщин. Правда, выше секретарш и телефонисток они не поднимались.

Рацион рабочих и крестьян был примерно одинаков – те же неизменные кукурузные лепешки, бобы и пультке. Даже работники крупных скотоводческих асиенд ели мясо только по большим праздникам.

В конце колониального периода сельскохозяйственный рабочий мог купить на зарплату за 250 дней работы 37,5 гектолитра кукурузы, в 1891 году – 42,5, а в 1908 году – только 23,5. Причем на закате «порфириата» даже начался процесс сокращения реальной заработной платы. Средняя зарплата в целом по стране составляла 39 сентаво в день в 1898 году и только 30 сентаво – в 1911 году. Даже апологеты режима Диаса признавали, что средний мексиканец в конце его правления ел не лучше, чем в начале. Правда, и не хуже, добавляли они.

Отсутствие достойного жилья и хорошо оплачиваемой работы не позволяло многим мужчинам создать нормальную семью. В конце правления Диаса, который старался подчеркнуть свою заботу о семейных ценностях, 40–45 % детей в Мексике рождались вне брака (в 70-е годы XIX века – всего лишь около 20 %). А в столичном федеральном округе внебрачных детей было более 60 %. От половины из них к тому же отказывались оба родителя.

В соответствии с «научной» теорией позитивизма, которая стала официальной идеологией Мексики времен «порфириата», все беды человека, вроде пьянства, проституции и бедности, были не следствием социальных условий жизни, а коренились в самой человеческой природе. И государство, исходя из такого постулата, могло лишь как-то ограничить и упорядочить все эти прискорбные явления. Оттого-то, в подражание «трезвой» Америке, в Мексике и пытались ограничить употребление «нецивилизованного» пультке. Правительственная пресса с негодованием писала, что от алкоголизма умирает дюжина граждан из каждой тысячи, в то время как в США – только трое. В 1903 году от алкоголизма и цирроза печени умерли более 2 тысячи мексиканцев, причем большая часть этих смертей пришлась на столицу. Неудивительно: в 1901 году в Мехико было 946 дневных и 365 ночных пульткерий (то есть одна на 307 жителей) – и только 34 хлебных магазина и 321 мясная лавка. Из 8 миллионов литров горячительных напитков, произведенных в Мексике, на пультке приходилось 94 %.

Правда, те же газеты с удовлетворением констатировали, что мексиканцы все же пьют меньше, чем «русские мужики». При этом, однако, появлялась масса псевдонаучных опусов о якобы природной склонности индейцев к алкоголизму.

Правительство отучало жителей от пульке в основном с помощью репрессивных мер, чем восторгались продиасовские газеты, так как с точки зрения классического позитивизма и либерализма государству вообще не пристало этим заниматься. Штаты принимали законы, по которым в пулькериях не должно было быть окон, женщин и музыки. Мол, тогда, никто и не захочет посещать эти злчные заведения. В некоторых штатах пытались запретить работу питейных заведений после шести часов вечера, чтобы уберечь от пьянства возвращавшихся домой рабочих. Появились в уголовных кодексах ряда штатов и наказания за нахождение в нетрезвом виде в общественных местах. Власти отказывались понять, что большинство граждан пили от безысходности, чтобы хотя бы на время отвлечься от заполненной тяжелым и низкооплачиваемым трудом жизни. К тому же французские вина были мексиканцам просто не по карману, а литр пульке стоил 6–7 сентаво. Признавалось, правда, что именно употребление алкоголя при плохом питании ведет к росту заболеваемости туберкулезом.

Итак, в социальном смысле «порфириат» принес подавляющему большинству населения (прежде всего аграрного) ликвидацию самой материальной основы существования. Мы уже говорили, что в некоторых штатах, например в Морелосе, свыше 99 % всех крестьян лишились земли. Не случайно именно Морелос позднее стал одним из главных очагов революции. Средние слои были недовольны олигархизацией экономической и политической жизни, так как она лишала их возможности любого нормального карьерного роста. Будущие генералы и министры революционных правительств при Диасе смогли подняться только до уровня телефонистов, писарей или мелких торговцев.

Не менее важными с точки зрения анализа причин революции является и крупнейшая географическая метаморфоза Мексики, произошедшая во время «порфириата».

До начала строительства железных дорог к американской границе весь север Мексики был гористой и пустынной, практически не заселенной территорией. После введения в строй железных дорог резко возросла стоимость земли в граничащих с США штатах Сонора, Чиуауа и Коауила. Местные помещики немедленно включились в прибыльный бизнес, связанный с поставками в США промышленного и сельскохозяйственного сырья. На север из центральных и южных районов страны с 1877-го по 1910 год переселились примерно 300 тысяч человек. В 1910 году только в штате Коауила было 115 тысяч иммигрантов из других районов страны, в Чиуауа – около 50 тысяч.

Благодаря этому стали бурно расти северные мексиканские города. В Монтеррее (центре мексиканской металлургии) в 1877 году проживали 14 тысяч человек, а в 1910-м – 79 тысяч.¹⁰³ Торреон стал крупным железнодорожным узлом, и его население превысило к 1910 году 43 тысячи человек. Между тем это местечко только в 1893 году получило статус деревни, а городом сделалось лишь в 1907-м. До того, как уже известный нам полковник Грин начал добывать медь в Кананеа, это был сонный поселок с населением в 200 человек. В начале XX века Кананеа превратился в крупнейший город штата Сонора с населением 25 тысяч человек. Если до строительства железных дорог до отрезанной горами от центра Соноры добирались только морем, то теперь этот штат был связан с внешним миром. Правда, в основном с США. Тысячи жителей штата отправились на сезонные работы за границу. Вскоре сонорцев стали называть «мексиканскими янки». Если в центре страны подражали Франции, то на севере – Америке. Там пили виски и старались отдать своих детей в американские школы. Никакой экономической связи с центральной Мексикой Сонора не имела.

Зато крупнейшие помещики штата, как ни странно, были яркими противниками войны, затеянной Диасом против индейцев яки, которые издавна жили в Соноре. Дело в том, что яки делились на мирных («мансос») и воинственных («бронкос»). Мирные индейцы были основной рабочей силой на асиендах. Федеральные же войска депортировали на Юкатан

¹⁰³ Гонсальбо П.Э и др. Новая краткая история Мексики. М., 2008. С. 208.

всех индейцев без разбора.¹⁰⁴ Помещики Соноры отнюдь не желали делиться дешевой рабочей силой с плантаторами Юкатана. Один из крупнейших землевладельцев штата Майторена предоставил индейцам убежище на своей асиенде, за что был брошен в тюрьму. Вскоре Майторена стал одним из лидеров мексиканской революции, а индейцы яки – его самыми верными бойцами.

В конце правления Диаса именно Сонора благодаря своим горнорудным месторождениям была самым богатым штатом республики. Однако все эти богатства контролировали американцы, вложившие в добычу полезных ископаемых более 45 миллионов долларов. Тем не менее правительство штата могло тратить на социальные нужды своего населения больше, чем в среднем по стране. К началу революции около трети сонорцев были грамотными, что в два раза превышало среднемексиканский уровень.

Если богатством Соноры была медь, то соседний штат Чиуауа, не такой гористый, стал основным поставщиком в Америку живого скота. Ежегодно в США продавалось около 70 тысяч голов скота. Да и сами жители штата ели мяса больше, чем где бы то ни было еще в Мексике: на 2,5 миллиона песо в год. Местные помещики, естественно, забросили зерноводство. Асиенды Чиуауа нисколько не походили на юкатанские. Рабочих рук в штате скорее не хватало, и помещики платили своим рабочим приличную по мексиканским меркам зарплату. К тому же население штата было в масштабах страны уникальным. Довольно значительную его часть составляли бывшие военные колонисты, которых помещики сами же поселили на границе с Сонорой для защиты от апачей. Когда угроза миновала, режим Диаса попытался насадить своих мэров в деревнях и поселках бывших крестьян-солдат. Колонисты, отличные стрелки, привыкшие к постоянной войне, в 1891 году подняли настоящее восстание. В личных целях повстанцев поддержал временно отстраненный Диасом от власти в штате Террасас. Если живших по соседству яки армия безжалостно истребляла, то с восставшими колонистами был достигнут определенный компромисс. Диас даже пошел на замену непопулярного губернатора Чиуауа Лауро Каррильо. Повстанцы получили амнистию, и процесс экспроприации земли замедлился.

Столь несвойственная для Диаса мягкость по отношению к вооруженному крестьянскому мятежу объясняется прежде всего тем, что колонисты по боевым качествам наголову превосходили составленную из забитых крестьян-рекрутов федеральную армию. Это показали события в небольшой деревне Томочи, приютившейся в отрогах гор, отделявших Чиуауа от Соноры. Началось все в ноябре 1891 года с того, что деревня выразила недоверие новому мэру, которого назначил на пост его дядя – один из «хефес политикос». Мэр беззащитно пас своих овец на крестьянских землях и заставлял жителей деревни работать на собственной земле за мизерную плату. Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что он одалживал крестьян для работы в расположенном неподалеку имении министра финансов Хосе Лимантура – второго по влиянию человека в республике.

Протест крестьян подвигнул мэра лишь на то, чтобы попытаться забрить зачинщиков в армию. Но зачинщики эти были ярыми приверженцами культа шестнадцатилетней девушки, некой Терезиты, которую многие считали святой. Они убедили крестьян, что бог на их стороне и победа обеспечена. Около сотни вооруженных крестьян-колонистов дважды с легкостью разбили посланные против них контингенты правительственных войск численностью более 500 человек. В конце концов, 1200 солдат при помощи артиллерии превратили Томочи в руины и расстреляли всех уцелевших защитников деревни (потери правительственных

¹⁰⁴ Во время подавления очередного восстания яки губернатор Соноры Рамон Корраль расстрелял их талантливого в военном отношении вождя Кахеме, а захваченных в плен индейцев продал на плантации Юкатана по 75 песо за голову. См. Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 262.

войск при этом превысили 500 человек). Однако в штате вскоре начали распространяться легенды о героях-крестьянах. Томочи стала первым тревожным звонком для режима Диаса.

Северо-восточный штат Коауила стал центром мексиканской хлопкообрабатывающей промышленности. Там тоже все начиналось с железных дорог к американской границе. До их прокладки хлопок доставлялся морем из-за границы. После появления дешевого транспортного пути стало рентабельным с помощью искусственного орошения производить хлопок в самой Коауиле и сбывать его в Америку. Проблема была лишь в том, что проникшие в штат американские компании не хотели делиться скудными водными ресурсами с местными помещиками. Последних возмущало, что центральное правительство (а значит, сам президент) в этих спорах вставало на сторону американцев. А ведь к началу XX века благодаря экспортному экономическому буму крупные помещики мексиканского севера чувствовали себя вполне в состоянии самостоятельно, без янки заниматься железнодорожным строительством, добычей полезных ископаемых и выращиванием и переработкой сельскохозяйственных культур и скота. Они требовали от Диаса ограничить экономическое господство США на севере Мексики, но президент в далеком Мехико по-прежнему прислушивался разве что к советам своих приближенных-«сьентификос».

Американцы занимались в Коауиле отнюдь не только хлопком.¹⁰⁵ В этом штате находилось принадлежавшее янки крупнейшее угольное месторождение Мексики, да и железные дороги штата тоже были американскими. С другой стороны, девять из десяти готовых промышленных товаров штат ввозил из США. Таким образом, и в Соноре, и в Чиуауа, и в Коауиле крестьянский протест или глухое недовольство по разным причинам находили поддержку у местных крупных землевладельцев. Эта особенность Севера окажется достаточной для того, чтобы превратить его в колыбель мексиканской революции. Другой отличительной чертой Севера было наличие большого нового среднего класса. Если в центральной Мексике средние слои в основном состояли из государственных служащих, то на Севере благодаря экономическому буму появились десятки тысяч торговцев и скотоводов-ранчерос. «Ранчо» (их в 1900 году насчитывалось 35 тысяч) назывались более мелкие, чем асиенды, и, как правило, животноводческие хозяйства. Подчас ранчо и были частью асиенды, но в основном их владельцы хозяйствовали самостоятельно. Если «асиендадос» претендовали на посты руководителей штатов, то «ранчерос» хотели быть мэрами или депутатами. Однако жесткая централизация «порфириата» не давала им, за редкими исключениями, такой возможности.

Итак, именно на пережившем экономический бум севере Мексики в начале XX века сложились основные очаги недовольства режимом Диаса. Причем недовольство это разделяли, хотя и по разным причинам, практически все социальные слои северных штатов.

А сам дон Порфирио (даже сторонники стали называть его «доном Перпетуо», то есть «вечным») в начале нового столетия ощущал, что его политическое положение прочно, как никогда ранее.

Ему удалось свести всю легальную политическую борьбу в стране к одному-единственному вопросу: кому в 1904 году президент доверит честь идти вместе с ним на выборы в качестве кандидата в вице-президенты? В том, что главой государства опять станет сам Диас, почти никто не сомневался. Но все же, рассуждали наблюдатели, генералу в 1904 году стукнет 74 года, и, возможно, вице-президент в силу естественных причин уже во время шестилетнего срока сменит Диаса в президентском кресле.

Все газеты и общественное мнение страны видели в роли кандидатов на пост вице-президента двух человек. Министр финансов Хосе Лимантур никакой популярностью в стране не пользовался, но его ценили в Европе, и он возглавлял «сьентификос», влиятельных техно-

¹⁰⁵ В эпоху «порфириата» производство хлопка в Мексике удвоилось.

кратов. С ним правящая элита и иностранные инвесторы связывали экономическую стабильность в стране. Диаса Лимантур привлекал как раз своей непопулярностью. Ни в народе, ни в отдельных штатах, ни в армии опоры у него не было. А значит, в его лояльности дон Порфирио мог не сомневаться.

Сложнее было с другим кандидатом – губернатором северного штата Нуэво-Леон генералом Бернардо Рейесом. Того в народе считали националистом, поощрявшим мексиканскую промышленность и ненавидевшим настырных янки. Рейеса поддерживали и могущественные северные землевладельцы. Даже сам Диас, посетив столицу Рейеса Монтеррей, заявил в присутствии ему лаконичном стиле: «Я вижу, что здесь управляют, как надо».¹⁰⁶ К тому же Рейес был популярен в стране как победитель воинственных индейцев яки. Но в душе дон Порфирио побаивался авторитета Рейеса и поэтому решил держать его поближе к себе, а заодно и убрать с непослушного и богатого севера.

В 1900 году Рейес стал министром обороны. Диас как бы устроил соревнование между двумя ключевыми министрами своего кабинета (ибо Лимантур по-прежнему управлял финансами, являясь вывеской Мексики для иностранных кредиторов), поощряя их взаимную неприязнь. Чтобы несколько ослабить позиции Лимантура, в СМИ была организована кампания: журналисты вменяли политику в вину его французское происхождение. Своей явной злонамеренностью и использованием наиболее сильных предрассудков мексиканского общества эта кампания уязвила утонченного и слегка высокомерного министра финансов.

К удивлению Диаса, Рейес сумел не потеряться и в столице. Он предложил президенту сформировать в качестве постоянного резерва 16-тысячную гражданскую милицию. Каждое воскресенье в Мехико проходили военные сборы гражданской молодежи, которая восторженно приветствовала Рейеса. Диас стал ревновать и подозревать генерала в бонапартистских амбициях (зачем стране милиция, равная по численности регулярной армии?), хотя лояльность того была беспредельной. В 1902 году Рейес опубликовал проникнутую верно-подданическим духом биографию Диаса, а тот, проявив свою «скромность», дал понять, что восхваления ему неприятны. Президент дал отмашку Лимантуру, и министр финансов с удовольствием урезал бюджет военного ведомства. Для Рейеса это было звонкой пощечиной – и в 1904 году он подал в отставку. Вернувшись в Монтеррей, генерал стал еще более популярен в народе, теперь уже как борец со столичной коррумпированной бюрократией.

Тем временем вдалеке от этой подковерной борьбы на вершинах власти в первый год нового XX века в Мексике было образовано первое по-настоящему широкое оппозиционное движение, ставившее своей целью не отдельные улучшения «порфириата», а полную его ликвидацию. Во главе поначалу полностью проигнорированной Диасом организации стояли никому не известные студенты – братья Рикардо и Энрике Флорес Магон,¹⁰⁷ выходцы из родного штата диктатора Оахаки. По иронии судьбы, отец юношей полковник Теодоро Флорес поддержал в 1876 году «план Тустепек». Благодаря его связям сыновья смогли получить престижное образование в Мехико. Вскоре братья, особенно Рикардо, стали активными участниками столичных студенческих кружков. В 1892 году они приняли участие в антиправительственной демонстрации. Диас демонстрацию разогнал и предпочитал по-прежнему не замечать надоедливых молодых интеллектуалов. Между тем Рикардо Флорес Магон, сперва воспринимавший себя, как и большинство оппозиционеров, наследником «чистого» либерализма времен Хуареса, стал уделять повышенное внимание социальным вопросам, главным образом положению пеонов.

¹⁰⁶ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 88.

¹⁰⁷ Подробнее см. Albro W. S. Always a Rebel. Ricardo Flores Magon and the Mexican Revolution. Fort Worth, 1992.

7 августа 1900 года Рикардо Флорес Магон вместе с братом основал газету «Рехенерасьон» («regeneración» по-испански означает «возрождение»). Поначалу Рикардо, юрист по образованию лишь хотел обличать отдельные недостатки судебной и полицейской системы Мексики. Но вскоре он понял, что у всех этих недостатков один корень – единоличная диктатура Порфирио Диаса. В декабре 1900 года братья официально назвали свою газету «независимым боевым периодическим изданием».

В том же августе 1900 года инженер Камило Ариага призвал провести в городе Сан-Луис-Потоси (запомним это название) конгресс либеральных сил.¹⁰⁸ Правительство не возражало, так как целью собрания была объявлена борьба с поднимающим голову клерикализмом. Вопреки ожиданиям в феврале 1901 года в город приехали более 50 делегатов из многих штатов, в том числе и шеф-редактор «Рехенерасьон». Его выступление произвело фурор и вызвало у многих чувство страха за свою жизнь. Отойдя от безопасной темы церкви, Рикардо Флорес Магон четко произнес: «Наше правительство – это скопище бандитов». На него зашикали, и он повторил фразу. Опять протесты и опять тот же вызов. После третьего раза оратору зааплодировали. Делегаты преодолели собственную рабскую покорность режиму. На конгрессе была основана Либеральная партия Мексики, состоявшая, как и большинство других партий, из нескольких политических клубов в разных городах страны.

Правительство стало разгонять эти клубы, причем одним из первых был закрыт либеральный клуб в штате Нуэво-Леон – вотчине Бернардо Рейеса. Диас явно боялся, что новое оппозиционное движение поддержит слишком популярного генерала. Энрике Флорес Магон был арестован 23 мая 1901 года по ордеру судьи, не раз становившегося объектом критики «Рехенерасьон». Публицист провел в тюрьме почти год. Однако он ухитрился издавать свою газету и из-за решетки. В сентябре 1902 года Энрике опять был арестован. Теперь за нападки на военного министра Рейеса. Выйдя из тюрьмы в конце 1903 года, Энрике вместе с братом Рикардо бежал из Мексики. 3 января 1904 года они пересекли пограничную реку Рио-Гранде.

Между тем Диас избрал кандидатом на пост вице-президента крайне непопулярного в стране Рамона Корраля и после выборов 1904 года вновь стал президентом.

«Съентификос» восприняли назначение Корраля как свою полную победу над группой Рейеса. Тем более что популярность генерала стала падать – во многом благодаря усилиям «Рехенерасьон» и либеральной партии. В конце 1903 года в столице штата Нуэво-Леон прошла демонстрация против переизбрания Рейеса на пост губернатора штата. Войска открыли огонь и убили 15 демонстрантов. «Народный» кандидат Рейес показал народу свое истинное обличье.

Корралю был посвящен и первый эмигрантский номер «Рехенерасьон», вышедший в столице Техаса Сан-Антонио в ноябре 1904 года. Теперь газета не скрывала цели обновленной Либеральной партии, органом которой она фактически стала: «Мы будем атаковать генерала Диаса как человека, который прямо ответственен за все невзгоды мексиканского народа, и потому, что он представляет собой самую одиозную, кровавую и роковую тиранию, которая когда-либо существовала в нашей стране».¹⁰⁹ Избрание губернатора Соноры вице-президентом для эмигрантов означало, что Диас хочет сохранить созданный им режим и после своей смерти.

Используя возвышение Корраля и упадок влияния Рейеса, «съентификос» решили разобраться с непокорными политическими и экономическими лидерами северных штатов. В Соноре близкое к Корралю правительство штата подавило все политические амбиции либеральных землевладельцев, лидером которых был уже известный нам Хосе Мария Майторена. В Коауиле Диас заставил подать в отставку популярного среди местной элиты губер-

¹⁰⁸ Cockroft J. D. Precursores intelectuales de la Revolution mexicana. Mexico, 1971. P. 87.

¹⁰⁹ Albro W. S. Always a Rebel. Ricardo Flores Magon and the Mexican Revolution. Fort Worth, 1992. P. 26.

натора Мигеля Карденаса и предотвратил избрание неугодного ему кандидата Венустиано Каррансы.

Подобная политика привела к тому, что многие богатые люди севера стали финансово поддерживать группу Флореса Магона в США. Деньги давал, например, Франсиско Мадеро, богатый землевладелец и промышленник Коауилы.¹¹⁰ Мадеро получил образование во Франции и США, где увлекся спиритизмом. Среди собратьев по классу он слыл чудачком, так как предоставлял своим рабочим немало социальных благ. Но до поры до времени Диас считал клан Мадеро лояльным, потому что его основатель дон Эваристо когда-то поддержал его путч в 1876 году. К тому же Мадеро слыли недругами Рейеса. Правда, Диас и «сьентификос» с неудовольствием наблюдали за тем, как Франсиско Мадеро объединял усилия помещиков штата Коауила в борьбе против американских компаний за скудные водные ресурсы.

Что же касается надоедливых братьев Флорес Магон – Диас подослал к ним в Техас наемного убийцу. Покушения не получилось, но братьям пришлось перебраться подальше от границы – в город Сент-Луис, штат Миссури. Тем не менее «Рехенерасьон», которую тайком доставляли в Мексику, пользовалась в стране все возрастающей популярностью. Продавалось около 25 тысяч экземпляров газеты. Популярной она была и потому, что Либеральная партия, впервые в мексиканской истории, требовала не только политических свобод, но и решения наболевших социальных проблем. Диасу удалось добиться ареста Рикардо и Энрике в Сент-Луисе, но их вскоре выпустили благодаря вмешательству местных журналистов.

1 июля 1906 года образованная в Сент-Луисе в сентябре 1905 года либеральная хунта (то есть фактически правительство в изгнании) выпустила свой манифест, который по обычаю назывался «Либеральным планом».¹¹¹ Там перечислялись традиционные либеральные требования: полная национализация церковного имущества, обеспечение политических свобод, светское образование, отмена смертной казни и ликвидация института «хефес политикос». Но наряду с этим план содержал и социальные требования: восьмичасовой рабочий день и шестидневная рабочая неделя (то есть введение хотя бы одного выходного дня), закрытие магазинов на фабриках и асиендах и выдача зарплаты только наличными деньгами, запрет детского труда. Характерно, что братья Флорес Магон обратились именно к нуждам рабочих. Но и аграрному вопросу в документе, впервые в истории мексиканского либерализма, уделялось достойное внимание. Каждый землевладелец должен был обрабатывать имеющиеся у него земли, в противном случае они передавались государству. Государство, в свою очередь, предоставляло освободившуюся землю местным или иностранным колонистам. Для поддержки этой политики планировалось создать специальный кредитный банк. Что и говорить, программа радикально настроенного Рикардо Флореса Магона в аграрном вопросе была не столь уж и радикальной. Но он первым из образованного класса Мексики затронул эту тему. В целом же либеральная хунта по старой либеральной же традиции считала крестьянство политически незрелым и зараженным религиозными предрассудками. И с тактической точки зрения, к сожалению, была права.

На первый взгляд, попытка разбудить именно рабочих выглядела весьма бесперспективным делом. Рабочих в Мексике насчитывалось гораздо меньше, чем ремесленников, и они были политически разобщены. Правда, еще в 70-е годы прошлого века появилась мексиканская секция Первого интернационала, а с 1871 года начала выходить газета с характерным названием «Эль Сосиалиста». Однако с течением времени газета была прикормлена Диасом, а ее главный редактор даже стал депутатом Конгресса. Среди мексиканских рабочих пользовались огромной популярностью идеи анархизма, которые занесли в Мексику

¹¹⁰ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 115.

¹¹¹ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 249.

итальянские и испанские иммигранты.¹¹² Марксизм практически отсутствовал, так как явно был чужд сложен для неграмотного в основной своей массе пролетариата.

Но братья Флорес Магон использовали в своих целях присущую анархизму готовность к открытым прямым действиям.

В начале XX века большинство рабочих Мексики ненавидели Диаса за то, что настоящими хозяевами в стране были американцы. Рабочие видели, что все более или менее квалифицированные должности на крупных предприятиях заняты иностранцами, которые к тому же получают за одинаковый с мексиканцами труд в два раза больше.

В 1905 году министр финансов Лимантур, сам того не ведая, нанес диктатуре Порфирио Диаса сокрушительный удар, без которого, возможно, и не возникло бы предпосылок для революции. Чтобы наконец сделать Мексику полноправным членом мирового экономического сообщества, Лимантур перевел страну с серебряного на золотой стандарт. Толчком к этому послужил переход на золотой стандарт Соединенных Штатов. Ранее американцы активно закупали мексиканское серебро, но это привело к инфляции и к сокращению золотых резервов. А ведь тогда, в 1890-е годы Америка была страной-должником и выплачивала долги своему основному кредитору, Великобритании, в золоте. Вопрос о том, базироваться американскому доллару на золоте или серебре, стал одним из основных в ходе предвыборной кампании в США 1900 года. Победил республиканец Маккинли, сторонник золотого стандарта, который ввел его, как только сделался президентом.

Для Мексики это было сильнейшим ударом. Ведь и Лимантур, и сам Диас всячески подчеркивали, что за время «порфириата» Мексика стала отличным должником и поэтому может занимать за границей деньги в любое время и под разумные проценты. Лимантур проводил активную кредитную политику, беря в долг, когда надо и когда не надо. Деньги занимались во Франции, и «сэнтификос» имели с каждого кредита неплохие комиссионные. В результате этого финансово-политического хвастовства к 1905 году Мексика накопила невиданную ранее сумму внешнего долга – 250 миллионов песо. Однако стоимость мексиканского серебра постоянно снижалась, так как американцам оно уже не нужно было в прежнем объеме. Соответственно, все большую долю бюджета приходилось тратить на погашение внешней задолженности. Мексика пыталась вместе с Китаем предложить США фиксированный курс обмена серебра на золото, но американцы идею в целом проигнорировали, хотя потом предложили явно невыгодный для Мексики курс. Зависимость от США не оставляла мексиканскому правительству иного выбора, чем скрепя сердце согласиться на диктат.

25 марта 1905 года Лимантур объявил о новой валютной системе. Стоимость мексиканского песо устанавливалась на уровне 50 американских центов. Это фактически означало девальвацию мексиканской валюты в два раза и, соответственно, обесценение мексиканских зарплат. Существенно подорожал импорт, особенно товары широкого потребления и промышленное оборудование. Мексиканское серебро стало утекать за границу, где оно стоило дороже, чем на родине. Вся глупость либерально-монетаристской ортодоксии Лимантура проявилась еще и в том, что мексиканский внешний долг практически удвоился.

Зато для иностранных инвесторов наступили в прямом смысле слова золотые времена. Ведь все мексиканские активы, и прежде всего земля, разом подешевели в два раза.

К тому же Мексика стала очень зависимой от любых колебаний мировых финансовых рынков, что вскоре не замедлило сказаться на экономическом положении всех классов. А, как известно, любая революция начинается именно на почве недовольства населения ухудшением своей повседневной жизни.

¹¹² Рикардо Флорес Магон в эмиграции в США также испытал сильное идеологическое влияние тамошних анархистов.

1 июня 1906 года неожиданно для правительства вспыхнула забастовка на медных рудниках полковника Грина в Кананеа, штат Сонора.¹¹³ Неожиданно не только потому, что забастовки были в принципе запрещены, но и потому, что горняки-мексиканцы получали у Грина гораздо больше, чем мексиканские рабочие в среднем по стране.

Забастовку подготовили три члена Либеральной партии братьев Флорес Магон, которые распространяли «Рехенерасьон» среди рабочих. Горняки послали для переговоров с руководством компании делегацию, куда и вошли сторонники Флоресов Магонов. Они требовали равной оплаты с американскими коллегами, составлявшими около трети персонала предприятия и занимавшими все руководящие посты, начиная с мастеров. Американцам после упомянутого выше шага Лимантура платили золотой валютой и долларами, при том что девальвация валюты увеличила долг рабочих-мексиканцев за дома, построенные для них компанией.

Полковник Грин, сославшись на непростые для его компании времена, отказался даже разговаривать с рабочими. В ответ рудник прекратил работу. Девизом протестов стал лозунг «Восемь часов и пять песо» (столько платили в день американцам, с которыми рабочие-мексиканцы хотели сравняться в правах). Когда работники лесопильного цеха попытались выйти на улицу, их встретили брандспойтами. Затем американская охрана открыла стрельбу по абсолютно безоружным рабочим. Те стали вооружаться, захватив оружейный магазин в городе. В завязавшейся перестрелке были убиты несколько мексиканцев и два американца. Рабочие подожгли лесопилку и взорвали динамитом несколько объектов.

Грин и американский консульский агент в Соноре Гэлбрейт запаниковали. Грин немедленно позвонил губернатору штата Сонора Рафаэлю Исабалью и попросил прислать «руралес». Но те не могли прибыть достаточно скоро. Тогда Грин связался с друзьями в Аризоне, быстро собравшими для него 276 рейнджеров. Гэлбрейт послал в Вашингтон серию срочных телеграфных депеш, требуя выслать американские войска. В одной из телеграмм говорилось: «Немедленно пришлите помощь в Кананеа, Сонора. Американских граждан убивают, а собственность взрывают динамитом. Нам нужна помощь».

Исабаль разрешил вооруженным американцам перейти границу, и те для маскировки и сохранения лица губернатора штата были приведены к присяге как мексиканские добровольцы. Рейнджеры во главе с Исабалем на поезде прибыли на рудник в 10 часов утра 2 июня и стали демонстративно патрулировать улицы Кананеа. Губернатор не узрел в обстановке ничего критического, и рейнджеров в тот же день отправили обратно. Однако Исабаль уже нанес сокрушительный удар престижу Диаса. Даже рептильная мексиканская пресса не одобрила привлечение иностранцев для подавления протестов мексиканских рабочих.

Вечером 2 июня вновь возникла перестрелка между мексиканскими рабочими и американским персоналом. Добравшиеся наконец до рудника «руралес» без всякого суда расстреляли за городом тех, кого они посчитали зачинщиками беспорядков. 3 июня командующий военной зоной, куда входила Кананеа, генерал Луис Торрес ввел в городе осадное положение (его обеспечивали более 2 тысяч солдат регулярной армии и «руралес») и пригрозил призвать рабочих, которые не прекратят забастовку, в армию и отправить воевать против индейцев яки. С забастовщиками встретиться генерал наотрез отказался. Трое членов Либеральной партии, вдохновившие горняков на бунт, были осуждены на 15 лет. Надо отметить, что либеральная хунта в Сент-Луисе не приказывала начать забастовку, и сторонники Флоресов Магонов действовали в этом случае самовольно.

В ходе забастовки были убиты четверо и ранены семь американцев. С мексиканской стороны погибли, по официальным данным, 18 человек, хотя на самом деле жертв было гораздо больше (говорили о сотне с лишним убитых). Консульский агент Гэлбрейт с гордо-

¹¹³ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 97–98.

стью отправил в Вашингтон телеграфное сообщение, в котором хвалил «смелых американских парней».

Американцы немедленно использовали волнения в Кананеа в своих интересах. Уже 2 июня 1906 года посол США в Мексике Томпсон предложил Диасу содействие регулярных американских войск в подавлении беспорядков. Диас вежливо отказался, но в общественном мнении Мексики уже сложилось впечатление, что президент перестал быть хозяином в собственной стране. Именно с Кананеа началась идейная революция мексиканского общества, которая вскоре переросла в революцию настоящую.

Обсуждая с одним из своих доверенных лиц, адвокатом Рафаэлем Сайасом Энрикесом события в Кананеа, Порфирио Диас спросил: «Это что, мятеж?» Адвокат ответил ему так же, как в свое время ответили Людовику XVI: «Нет, сир, это предвестник революции».¹¹⁴ Диас поручил Энрикесу исследовать рабочий вопрос, и тот пришел к неутешительным для диктатора выводам. Конфиденциальный отчет был представлен президенту 3 августа 1906 года. В нем говорилось, что «социалистическое движение» активно распространяется по всей стране. Его поддерживают средние слои в тех штатах, где власть монополизирована узким кругом лиц. Следует ожидать присоединения к революционному движению пеонов, чье положение гораздо хуже, чем у рабочих. Преследовать оппозиционных журналистов в этих условиях означает лишь способствовать росту их популярности, так как народ любит мучеников. Адвокат справедливо предостерегал: «Это движение не ограничено рабочим классом; к ненависти к определенному кругу лиц – «сьентификос» – добавляется рабочий вопрос, а позднее добавится и вопрос аграрный». Также Энрикес предлагал Диасу отнюдь не новый в мировой истории ход – самому возглавить революционное движение, которое уже не уничтожить.

Но пока диктатор чувствовал себя вполне уверенно. 15 июля 1906 года под эгидой правительства в Мехико собрался первый в истории страны рабочий конгресс. От имени президента выступал один из умнейших представителей «сьентификос» – министр общественного образования Хусто Серра. Министр был за дискуссии, но против забастовок. Если кому-то из рабочих будут мешать работать (имелись в виду, конечно, штрейкбрехеры), то правительство бросит на их «защиту» 60 тысяч штыков.

Мексиканское правительство публично объявило волнения в Кананеа обычным трудовым конфликтом, не направленным против правительства. Диас лично одобрил действия губернатора Исабала: «К счастью, быстрое и энергичное вмешательство правительства штата Сонора и командующего военным округом положило конец этим событиям».¹¹⁵

Но в конфиденциальной беседе с американским послом 4 июня Диас высказал совсем иную, правдивую точку зрения: Кананеа – революционное выступление, направленное на свержение режима. Признал Диас и то, что за волнениями стоят братья Флорес Магон, которых он столь долго недооценивал. Президент просил американцев пресечь деятельность либеральной хунты. Однако содержание его беседы с Томпсоном стало достоянием прессы, что нанесло еще более сильный удар по престижу диктатора. Ведь получалось, что могущественный дон Порфирио бессилен пред лицом кучки бедных эмигрантов-интеллектуалов. Престиж Рикардо Флореса Магона сильно вырос, а «Рехенерасьон» благодаря Диасу приобрела новых читателей. Газету, видимо, пролистывал и сам президент. Во всяком случае, он самолично передал несколько экземпляров Томпсону, чтобы американцы убедились в подлинном характере издания. Госдепартамент, однако, тогда не нашел в газете ничего такого, что оправдывало бы ее закрытие. В США и Мексике к свободе прессы подходили по-разному.

¹¹⁴ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 99.

¹¹⁵ Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 53–54.

Мексиканские проправительственные газеты приписали организацию забастовки неким «нигилистам». «Рехенерасьон» назвала ее «благословенным восстанием». В том же 1906 году либеральная хунта начала подготовку всеобщего вооруженного восстания. Его идейной базой был упоминавшийся выше манифест от 1 июля 1906 года, появившийся именно под влиянием событий в Кананеа.

План хунты почти полностью повторял выступление самого Диаса в 1876 году. Планировалось, что несколько вооруженных отрядов эмигрантов вторгнутся из США, и это станет сигналом для восстания либеральных групп в разных районах страны. Однако, в отличие от Диаса, повстанцам не хватало денег для закупки оружия. Флорес Магон обратился к Мадеро, но тот заявил, что является принципиальным противником кровопролития. Диктатуру, утверждал Мадеро, – он не считал Диаса тираном, сваливая вину за деспотизм правительства на «сьентификос», – можно победить только через избирательный бюллетень.¹¹⁶

Диас знал о готовящейся революции и решил напугать ею американцев. По Мексике и США поползли слухи, распространяемые агентами дона Порфирио. Либеральная оппозиция в отместку за Кананеа якобы планировала на День независимости Мексики массовые убийства американцев и прочих иммигрантов.

Рикардо Флорес Магон действительно назначил всеобщее восстание именно на эту дату – 16 сентября 1906 года, но американцев во внутримексиканскую борьбу он втягивать не хотел. 12 сентября либеральная хунта направила президенту США Теодору Рузвельту письмо, в котором подчеркивала, что борется только против собственного правительства. Сам же Диас поставил в Мексике иностранцев в опасное положение, потому что с ними обращались «лучше, чем с местными жителями».

В сентябре 1906 года американцы явно ощущали рост оппозиционных настроений в Мексике. Однако минуло 16 сентября... и ничего не произошло. Либералам просто не хватило времени на подготовку. Восстание началось десять дней спустя, и дело не заладилось с самого начала. Агентам Диаса удалось проникнуть в либеральный клуб в Аризоне, который готовил нападение на приграничные города мексиканского штата Сонора, в том числе Кананеа. Характерно, что военным руководителем восставших был индеец яки: Флорес Магон хотел поднять на борьбу с диктатором это яростное племя. Однако за несколько дней до восстания американские рейнджеры по наводке мексиканской охраны арестовали всех руководителей восстания.

Но Рикардо не сдавался. Центром готовящейся революции стал Техас. В мексиканский город Хименес (штат Коауила) было заблаговременно переправлено оружие. Тамошние либералы собирались ударить по властям одновременно с вторжением отряда эмигрантов из Техаса. Катастрофически не хватало денег, и либералы вновь обратились за помощью к Франсиско Мадеро, чей клан имел в Коауиле сильные позиции. Мадеро опять осудил готовящееся вооруженное восстание, назвав преступлением попытку «окунуть страну в кровь во имя личных амбиций».

Тем не менее 26 сентября отряд из примерно 60 либералов напал из США на Хименес и захватил таможенную и муниципальную казну, в которой оказалось 100 долларов.¹¹⁷ Один из повстанцев, молодой человек по фамилии Альмарас был убит, став первой жертвой грядущей революции. Увы, далеко не последней. На следующее утро повстанцы покинули Хименес, чтобы захватить припасы на одной из близлежащих асиенд. Но там их уже ждали правительственные войска, которые рассеяли либералов, сумевших большей частью бежать назад в США.

¹¹⁶ Cumberland C. C. Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 46.

¹¹⁷ Albrow W. S. Always a Rebel. Ricardo Flores Magon and the Mexican Revolution. Fort Worth, 1992. P. 62.

Диас назвал события в Хименесе уголовщиной без всякой политической подоплеки. В США был передан список 65 участников нападения на Хименес с просьбой арестовать и осудить их за бандитизм. Однако независимый американский суд оправдал подозреваемых, признав, что все обвинения против них носят чисто политический характер.

Между тем восстание зрело и в штате Веракрус, где оппозиция была традиционно сильна. Там не забыли, как в 1879 году Диас убил без суда и следствия сторонников свергнутого президента Лердо. В самом порту Веракрус действовали сильные либеральные клубы, которые подвергались постоянным гонениям со стороны правительства. Либеральная хунта Флореса Магона ввиду неуспеха рейда на Хименес порекомендовала друзьям отложить выступление на начало 1907 года. Те отказались, надеясь, что за Веракрусом против Диаса поднимется вся страна.

В Веракрусе и его окрестностям либералам довольно легко удалось сформировать отряд в тысячу человек, большую часть которого составляли крестьяне-индейцы, изгнанные со своих земель.¹¹⁸ Повстанцы разделились на три группы, которые должны были синхронно в 11 часов вечера 30 сентября захватить три города штата. Однако из-за организационной неразберихи (в руководстве восстания совсем не было военных) вовремя выступил только один отряд. Он добился весомых успехов в боях за Акаюкан, но при штурме муниципалитета был ранен вождь всего восстания Иларио Салас, и его люди отступили из города.

Ко второму городу повстанцы даже не сумели приблизиться – на них напал отряд федеральных войск, приведенный в боевую готовность после событий в Акаюкане. В третьем городе – портовом Пуэрто-Мехико – войска также сумели создать прочную оборону и легко отбили запоздалую атаку либералов. В течение следующих нескольких дней правительственные силы добивали отдельные группы повстанцев. Почти все командиры отрядов за исключением Саласа были схвачены и приговорены к длительным срокам заключения.

Таким образом, организованные либеральной хунтой вооруженные выступления провалились из-за недостатка средств и, что еще важнее, из-за отсутствия во главе восстания фигуры национального масштаба. Флорес Магон был довольно широко известен, но только среди оппозиционно настроенной интеллигенции. В Мексике все привыкли к тому, что «серьезное» вооруженное выступление возглавляет или генерал, или бывший губернатор штата. Анархистская тактика «прямого действия» (главное начать, а там посмотрим) явно не работала.

Однако Диасу, человеку далеко неглупому, была ясна вся опасность ситуации. Ведь если бы мятежники получили средства и оружие, исход борьбы мог быть иным. Поэтому мексиканское правительство удвоило усилия, чтобы разогнать либеральную хунту и уничтожить «Рехенерасьон». Действовать на сей раз решили руками самих американцев. Главную роль сыграл полковник Грин, ненавидевший либералов за восстание на своем руднике. Он потребовал от властей США закрытия «Рехенерасьон» за клевету: в выпуске от 15 июля 1906 года газета утверждала, что Грин подкупил губернатора Соноры Исабаля и тот освободил американцев от всякой ответственности за кровопролитие в Кананеа. На этот раз Диасу сопутствовал успех: американцы закрыли «Рехенерасьон» на девять месяцев.

Несмотря на предыдущие неудачи, либералы готовились к нападению из Техаса на приграничный город штата Чиуауа Сьюдад-Хуарес, которому впоследствии было суждено сыграть ключевую роль в судьбе мексиканской революции. Согласно плану группа повстанцев перед нападением должна была взорвать динамитом казармы правительственных войск, что по замыслу Рикардо Флореса Магона привело бы к панике в рядах защитников города. Однако командующему войсками в Сьюдад-Хуаресе генералу де ла Вега удалось внедрить в ряды заговорщиков двух молодых офицеров. Те пообещали привести гарнизон на сторону

¹¹⁸ Albro W. S. Always a Rebel. Ricardo Flores Magon and the Mexican Revolution. Fort Worth, 1992. P. 64.

революции без всякого динамита. Либералы пожалели солдат и отменили план подрыва казарм. За два дня до нападения, 19 октября 1906 года по наводке мексиканского консула в Эль-Пасо, пограничном техасском городе, расположенном прямо напротив Сьюдад-Хуареса, американская полиция арестовала вождей восстания. Рикардо Флоресу Магону удалось скрыться, и мексиканские власти объявили о назначении премии в 20 тысяч песо за его поимку.

В конце октября губернатор Чиуауа Энрике Криль докладывал президенту, что штат очищен от заговорщиков. Но эта победа диктатуры оказалась пирровой.

Опять зрели волнения в штате Веракрус. Под влиянием пропаганды либеральной хунты и после событий в Кананеа текстильщики Веракруса образовали летом 1906 года профсоюз «Великий круг свободных рабочих». Из-за диасовского антирабочего законодательства профсоюз был тайным и быстро приобрел черты подпольного революционного политического клуба. Лидеры профсоюза признали руководство либеральной хунты и активно распространяли среди рабочих «Рехенерасьон». Произошедшие позднее волнения на текстильных фабриках района Рио-Бланко были очень похожи на российское «кровавое воскресенье» 1905 года. Похожи тем же презрением власти к рабочим, которые ждали именно от нее решения наболевших вопросов.

Забастовку в декабре 1906 года объявили около 7 тысяч рабочих фабрик Веракруса и Пуэблы, объединившихся во «Второй великий круг свободных рабочих».¹¹⁹ Причиной выступления был снобизм все того же ультрамонархического министра финансов Лимантура. Когда текстильные магнаты Веракруса стали жаловаться ему на резкое ухудшение своей конкурентоспособности из-за девальвации песо (подорожали импортное сырье и оборудование), Лимантур посоветовал им выжать побольше денег из рабочих. По рекомендации министра финансов предприниматели региона образовали лоббистский союз, который выработал целый регламент поведения рабочих на текстильных фабриках.

Этот документ резко ухудшал и без того варварские условия труда. В нем предусматривались, в частности, 12,5-часовой рабочий день, жесткая система штрафов и запрет принимать гостей в домах, принадлежавших предпринимателям. Самым ненавистным нововведением стали трудовые книжки, в которых отмечалась благонадежность того или иного работника. С отметкой в таком волчьем билете нельзя было устроиться на работу нигде в регионе. Рабочие направили скромную по требованиям петицию президенту республики. Тот принял на себя функции арбитра. Но пока Диас разбирался в конфликте, предприниматели объявили локаут, и 93 текстильные фабрики в 20 штатах выставили на улицу перед самым рождеством тысячи рабочих. Так забастовку решили удушить голодом. Однако ставка на традиционную разобщенность мексиканского пролетариата себя не оправдала. Рабочие других штатов начали собирать средства в фонд помощи бастующим. Протест грозил приобрести национальный характер.

Президент оказался умнее предпринимателей и согласился пойти на частичные уступки. Тем более что в штате Веракрус и так только что было подавлено первое крупное вооруженное выступление против режима за последние годы. 4 января 1907 года дон Порфирио принял соломоново решение. Некоторые требования рабочих были удовлетворены: создавался фонд для вдов и сирот, разрешались визиты гостей в дома рабочих, запрещался детский труд, увеличивалась зарплата.¹²⁰ Однако одновременно президент предлагал введение трудовых книжек, что было отвергнуто рабочими как полицейская мера. Тем не менее президент приказал всем бастующим вернуться 7 января на рабочие места. Приказа дикта-

¹¹⁹ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 100.

¹²⁰ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 100.

тора осмелилась послушаться только фабрика в Рио-Бланко, которая присоединилась к забастовке одной из последних. И здесь роль детонатора сыграла ненависть к иностранцам.

Перед фабричным магазином французские служащие стали издеваться над собравшимися рабочими и их женами, напевая по-испански: «Pan, pan, no les dan!» («Хлеба, хлеба, а мы вам его и не дадим!») И действительно, владельцы магазина издевательски отказывали рабочим в отпуске хлеба в кредит. А ведь у тех просто не было денег из-за почти месячного локаута. Завязалась горячая словесная перепалка, переросшая в драку. Магазин подожгли и разграбили. Владельцы фабрики немедленно вызвали на помощь федеральные войска и местную полицию, которые начали стрелять в собравшихся, убив несколько женщин и детей. Но толпа не рассеялась, а двинулась на муниципалитет и захватила его после недолгого штурма.

Однако у рабочих практически не было оружия, и они отошли из города в соседнюю деревню Ногалес. Там их настигли правительственные войска, открывшие по безоружным людям прицельную стрельбу. Разъяренные рабочие решили вернуться в город, чтобы забрать тела убитых и освободить арестованных товарищей. Демонстрацию встретил полковник Розалино Мартинес, который привел из Веракруса и Пуэблы дополнительные подкрепления. Началась настоящая кровавая бойня. Солдаты без разбора убивали собравшихся, не щадя женщин и детей. Расстрелы захватили и соседние городки. С приездом на место заместителя министра обороны казни недовольных только усилились. Многих рабочих сослали на каторгу. Правительство засекретило данные о жертвах расстрелов в Рио-Бланко. Как минимум там погибло около сотни человек.¹²¹ Говорят, что, узнав о расстреле рабочих, Диас воскликнул: «Слава богу, я еще не научился убивать!»

Царь Николай II расстрелял рабочих в январе 1905 года, и это стало началом первой русской революции. Диас расстрелял рабочих в январе 1907-го, и именно этот год стал началом краха режима. Кстати, в Мексике и газеты, и интересующиеся политикой граждане внимательно следили за революцией в далекой России. 26 января 1905 года российский поверенный в делах в Мексике де Волан писал в Петербург, что «события 9 января в С. – Петербурге» нашли отголосок и в Мексике».¹²²

Как мы помним, Диас начинал захват власти с территории США и открыл страну для американского капитала. Теперь Мексика неожиданно почувствовала оборотную сторону диасовской модернизации. В 1907 году США охватила финансовая паника, которая из-за перехода на золотой стандарт мексиканского песо и внешнеэкономической зависимости страны от северного соседа нанесла сильнейший удар по мексиканской экономике. Владельцы американских предприятий в Мексике, чьи акции котируются на биржах США, начали срочно выводить капиталы домой, чтобы избежать общего банкротства. Резко сократился объем заказов из Америки для мексиканской промышленности. Особенно серьезным был экономический крах на тесно связанном с США севере Мексики. Тысячи людей потеряли работу, а еще десятки тысяч впервые за много лет оказались лицом к лицу со снижением номинальной зарплаты. В некоторых районах воцарился голод, так как уже несколько лет на севере царила засуха (в барах Чиуауа чистое виски стоило дешевле, чем разбавленное водой).

Лимантур решил вывести страну из кризиса, который сам же и усугубил переходом на золотой стандарт, классическим либеральным методом: за счет снижения зарплаты государственным служащим и повышения налогов. Тем самым многие чиновники низкого ранга разом потеряли весь свой статус, которым они гордились. Даже иностранные дипломаты

¹²¹ Данные о количестве жертв в источниках разнятся от 50 до 200.

¹²² Имеется в виду «кровавое воскресенье». Цит по: Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 46.

отмечали, что среди большинства государственных служащих царит настоящая ненависть по отношению к правительству. Вдобавок к тому, что реальная зарплата рабочих и служащих упала, цены на продукты питания резко выросли. Если номинальная зарплата рабочих за период с 1900-го по 1910 год выросла в среднем на 17 %, то цены поднялись на 70 %.

Германский консул из Гвадалахары сообщал в Берлин: «Многие из здешних фабрик полностью или частично прекратили работу, стройки заброшены, и большое количество фабричных рабочих ушло...»¹²³ Рабочие были вынуждены наниматься на асиенды, и процесс индустриализации в Мексике пошел вспять.

Финансовый кризис ударил и по крупным землевладельцам севера. Почти все они для получения оборотных средств заложили свои земли в банках. Когда эти самые банки оказались на грани банкротства, Лимантур посоветовал им немедленно потребовать от землевладельцев возвращения всех долгосрочных кредитов. «Асиендадос» севера понесли громадные убытки.

Кризис усугубила монетаристская политика министра финансов Лимантура. Для него по-прежнему главным было обслуживание внешнего долга. Надо отметить, что в 1910 году французы держали 66 % мексиканских долговых облигаций, англичане – 16,5 %, а американцы – всего лишь 12 %. На погашение внешнего долга в условиях финансового кризиса уходило 25 % мексиканского бюджета. При этом в угоду кредиторам правительство продолжало считать основным приоритетом сбалансированный бюджет. Резко сокращались и без того мизерные социальные расходы. К тому же, произведя в 1908 году хваленую «мексиканизацию» железных дорог, правительство Диаса помогло их американским владельцам. Так как разговоры о грядущем выкупе акций шли несколько месяцев, американские собственники накопили изрядные долги – 117 миллионов песо (больше, чем весь мексиканский бюджет того времени). Правительство Диаса взяло эти долги на себя.

В то время, когда многие мексиканцы лишились работы и голодали, Лимантур с гордостью сообщал иностранным кредиторам, что правительство с присущей ему финансовой ответственностью не только не допускает дефицита бюджета, но даже не тратит уже утвержденные конгрессом бюджетные средства. При этом доходы государства постоянно снижались, составив в 1905 году 129 миллионов песо, в 1907 году – 114 миллионов, в 1908 году – 102. И, тем не менее, в 1908–1909 финансовом году правительство истратило только 93 миллиона песо из 104, утвержденных парламентом.

Однако неурожай конца эпохи «порфириата» сыграли с правительством дурную шутку, обнажив уродливый, однобокий характер предыдущей модернизации. Ввиду концентрации сельского хозяйства на производстве технических культур страна оказалась на грани голода, ведь своего зерна производилось мало. Пришлось срочно закупать зерно за границей, в первую очередь в Аргентине, Южной Африке и Австралии.

Диас понимал, что необходимо хотя бы начать ослаблять экономическую зависимость от США, иначе следующего кризиса страна может просто не пережить. По совету Лимантура мексиканское правительство в 1908 году выкупило у американцев контрольный пакет акций ведущих железных дорог. Правительственная пресса расхваливала «мексиканизацию», хотя основной ее причиной были мощные забастовки мексиканских железнодорожных рабочих.

«Мексиканизация» сильно разозлила США, так как помешала планам концерна Гарримана полностью взять под контроль железнодорожную сеть страны. Еще больше задело американцев предоставление всяческих привилегий концерну англичанина Пирсона, который стал главным нефтедобытчиком Мексики.¹²⁴

¹²³ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 119.

¹²⁴ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 122.

Для Диаса антиамериканские меры были последней попыткой вернуть себе былую популярность. Так, Мексика предоставила политическое убежище президенту Никарагуа Селайе, свергнутому американской морской пехотой.¹²⁵ Диас вообще, к неудовольствию США, слишком активно вмешивался во внутренние дела центрально-американских республик.¹²⁶ Американцы полагали, что это только их прерогатива.

В 1910 году в Мексике с нарочитой помпой приняли военную делегацию Японии, и в США сразу же стали подозревать Диаса в тайном военном союзе со Страной восходящего солнца.

Американцы попытались сломать Диаса, чтобы показать всему миру истинное лицо его национализма. В апреле 1907 года администрация США обратилась с официальной просьбой предоставить в аренду бухту Магдалена в Нижней Калифорнии для угольной стоянки американского флота. Мексиканский МИД ответил уклончиво: данный вопрос может быть решен только Сенатом. Но в США прекрасно представляли истинное значение мексиканского Сената, который полностью контролировали друзья президента Диаса. Поэтому в июне 1907 года американцы вновь потребовали прав аренды на пять лет. В сентябре 1907 года в Мехико прибыл госсекретарь США Рут, и Диасу пришлось согласиться с требованием северного соседа. Лицо диктатора не спасло и то, что бухта была сдана в аренду США не на пять лет, а на три года. Сенат без проволочек ратифицировал соответствующий договор, который вызвал в стране волну возмущения всех слоев населения.

Диас явно перестал полностью контролировать события и решил последовать наконец совету своих соратников и возглавить неумолимое движение к восстановлению демократии в стране. Тем более что Рикардо Флореса Магона, основного противника режима, в августе 1907 года все-таки арестовали и приговорили к трем годам тюремного заключения американские власти. А значит, можно было спокойно поиграть в демократию.

В феврале 1908 года Диас дал американскому журналисту Крильману интервью, с которого и начался обратный отсчет мексиканской революции. «Нация развилась и требует свободы», – заявил дон Порфирио. И дальше он сказал потрясенному американцу следующее: «Вне зависимости от того, что говорят мои друзья и сторонники, я подам в отставку, когда закончится срок моих президентских полномочий, и не буду больше занимать этот пост. Мне тогда исполнится уже 80 лет.¹²⁷ Я терпеливо ждал дня, когда народ мексиканской республики будет подготовлен к тому, чтобы избирать и изменять свое правительство на выборах, не опасаясь военных мятежей, без ущерба для национальной репутации и без помех для национального прогресса. Думаю, что этот день настал. Я приветствую оппозиционную партию в Мексиканской республике».

Интервью было перепечатано в марте 1908 года основной проправительственной газетой «Импарсиаль» («imparcial» – «беспристрастный») и произвело в Мексике эффект разорвавшейся бомбы. Начался период повышенной политической активности. Прежде всего обрели второе дыхание сторонники генерала Рейеса. По всей стране стали организовываться политические клубы Демократической партии, которая поддерживала кандидатуру генерала на пост вице-президента. Ведь спустя всего пару месяцев после своего нашумевшего интервью Диас дал задний ход и объявил о «согласии» опять баллотироваться в 1910 году на пост президента. «Сьентификос» создавали при помощи местных властей политические клубы, называвшиеся порфиристскими или клубами в поддержку переизбрания. Они снова пред-

¹²⁵ Селайя укрылся в мексиканской дипмиссии, и Диас направил за ним военный корабль.

¹²⁶ Например, в 1906 году гватемальские эмигранты вторглись с территории Мексики в Гватемалу. См. Buchenau J. In the Shadow of the Giant. The Making of Mexico's Central America Policy, 1876–1930. The University of Alabama Press, 1996. P. 62.

¹²⁷ Cumberland C. C. Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 47.

лагали на пост вице-президента своего ставленника Корраля, против чего, естественно, возражали рейисты.

Диаса тревожила популярность Рейеса среди молодых офицеров. Когда в Мехико возник политический клуб демократической партии, среди его учредителей обнаружили несколько офицеров. Их немедленно отправили служить в отдаленные уголки страны. Однако на железнодорожных станциях, которые они проезжали по дороге к пункту назначения, население устраивало им триумфальные встречи.

После пресловутого интервью Крильману многие местные власти были дезориентированы. Они не могли понять, насколько серьезным является обещание диктатора поощрять в Мексике деятельность оппозиции. Многие «хефес политикос» в этой новой для них обстановке решили пока не вмешиваться открыто и грубо в политические процессы. Тем более что выборы 1908 года в нескольких штатах по-прежнему проходили при полном контроле властей. Неудобных кандидатов, как и раньше, даже не допускали до стадии выдвижения своей кандидатуры.

Между тем либеральная хунта в США, даже оставшись без своего руководителя, опять запланировала на 1908 год вооруженное восстание. К тому времени Флорес Магон уже считал себя анархистом, но придерживался более понятной и традиционной для мексиканцев политической окраски, продолжая именовать себя либералом. Однако и анархистом в традиционном понимании слова назвать его было трудно. Скорее он стал радикальным социалистом, стремившимся уже к коренному переустройству всей жизни в стране. Рикардо резко критиковал взгляды Мадеро, верящего в то, что Диаса можно победить на выборах. Время показало, что он был абсолютно прав.

В июне 1908 года хунта Флореса Магона начала в Мексике вторую волну вооруженных выступлений.¹²⁸ Первое из них произошло в городе Виеска, в южной части штата Коауила недалеко от Торреона. Либералы из Виески давно имели зуб на местного «хефе политико», всячески преследовавшего тамошний либеральный клуб. Поэтому одной из целей восстания было покончить с ненавистным ставленником диасовского режима. Однако тот буквально накануне выступления уехал в Торреон, опасаясь за свою жизнь. В отличие от 1906 года, 24 июня 1908-го около 60 повстанцев легко захватили Виеску, так как полиция практически не оказала сопротивления. Отряд занял муниципалитет и отделение местного банка и разрушил идущие к городу железные дороги, чтобы помешать переброске правительственных войск. Именно такую тактику все революционеры станут использовать и в будущем. Характерно, что захват Виески под лозунгами «Долой диктатуру!» и «Да здравствует либеральная партия!» прошел практически бескровно – был убит всего один человек.

Примерно полтора дня либералы хозяйничали в Виеске, где пользовались полной поддержкой местного населения. Только когда 26 июня все же подошли войска из Торреона и Сальтильо, им пришлось покинуть город. Повстанцы направились в соседний город Матаморос, который не смогли взять из-за сильного сопротивления тамошнего гарнизона, заранее подготовившегося к обороне. Ведь вся сила плохо обученных в военном плане революционеров и тогда, и позже состояла именно во внезапности нападения. В бою у Матамороса войскам удалось пленить многих повстанцев, 15 из которых были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Лидер повстанцев был расстрелян. Мексиканское правительство оценило ущерб от мятежа в 20 тысяч песо.

Если Виеска располагалась далеко от границы, то объект следующей атаки либералов, Лас-Вакас (название – «las vacas», «коровы» – ясно показывает, чем занимались жители городка) находился рядом с Техасом, и либералы рассчитывали здесь на более серьезный

¹²⁸ Cumberland C. C. Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 49.

успех. Их надежды подкреплялись тем, что повстанцами в Лас-Вакасе командовал кадровый армейский офицер, которому хунта присвоила звание полковника.

Здесь надо заметить, что все революционные движения в Мексике присваивали командирам повстанческих отрядов воинские звания вовсе не из-за любви мексиканцев к пышным титулам и эполетам. Просто, будучи полковниками и генералами пусть и незаконных правительств в изгнании, захваченные в плен командиры революционных отрядов могли рассчитывать на то, что их осудят как политических деятелей. В противном случае режим считал бы их обычными уголовниками, что почти автоматически влекло за собой смертный приговор. Так что звания и должности, причем подтвержденные письменными мандатами, были своего рода охранной грамотой революционеров. Хотя, конечно, и это в условиях диктатуры Диаса отнюдь не гарантировало пленным жизнь.

Атака на Лас-Вакас, назначенная на утро 25 июня, была неплохо спланирована. В то время как основной отряд атаковал городок из-за границы, вспомогательной кавалерийской части предстояло заблаговременно переправиться через пограничную реку за городом и потом ударить в тыл оборонявшимся. Однако на практике все опять пошло не так, как предполагалось. Кавалеристы запоздали. Тем не менее основной отряд начал в пять часов утра с трех направлений наступление на Лас-Вакас. Упорная битва примерно 60 повстанцев с правительственными войсками была крайне ожесточенной и продолжалась более пяти часов. Только к 10 часам утра либералы отступили обратно за границу. Их руководитель объяснил такой исход нехваткой боеприпасов. Около десяти повстанцев были убиты и столько же ранены. Правительственные войска понесли сходные потери.

Главным мероприятием либералов в серии революционных выступлений 1908 года должна была стать атака на крупный приграничный город Сьюдад-Хуарес. Однако, как и два года назад, агентам правительства удалось проникнуть в ряды заговорщиков. Полиция американского города Эль-Пасо заблаговременно арестовала участников готовящегося нападения. В этих условиях рейд небольшой кучки уцелевших революционеров на маленький городок Паломас в штате Чиуауа ночью 30 июня больше всего походил на акт отчаяния. В ходе перестрелки с каждой стороны было убито по одному человеку.



Франсиско Мадеро

Таким образом, революция 1908 года не удалась либералам по тем же причинам, что и двумя годами ранее. Власти сумели изобразить эти стычки акциями безответственных нигилистов, не имеющих никаких корней в народе. Снова повстанцам не доставало лидера общенационального масштаба, под знамена которого могли бы встать десятки тысяч мексиканцев из самых разных социальных слоев.

Между тем такой лидер появился вскоре после нашумевшего интервью Диаса американскому журналисту. Мы уже не раз встречались с этим человеком на страницах настоящей книги. Теперь настало время познакомиться с ним поближе.¹²⁹

¹²⁹ Krauze E. Francisco Madero. *Místico de la libertad*. Mexico, 1997. P. 1.

Франсиско Мадеро родился 30 октября 1873 года в одной из самых богатых креольских семей штата Коауила. Родоначальник клана Мадеро дон Эваристо, дедушка Франсиско, не любил рисковать и политическим играм предпочитал бизнес. Тем не менее он был губернатором родного штата в период президентства Мануэля Гонсалеса. После прихода к власти Диаса дон Эваристо полностью ушел из политики, хотя поддерживал тесные связи со многими людьми из окружения диктатора, прежде всего с всесильным Лимантуром.

Франсиско получил самое элитное образование, благо капиталы его семьи позволяли это сделать. После школы иезуитов в Салтильо настал черед католической школы в американском Балтиморе, а в 1887 году Франсиско со своим младшим братом Густаво отплыл во Францию, которая была для мексиканской аристократии землей обетованной. Там Мадеро, как мы уже упоминали, увлекся модным тогда спиритизмом, который в сочетании с его преклонением перед французскими политическими институтами пробудил у него тягу к политической деятельности. Мадеро приятно поразила во Франции свобода выборов и отсутствие оторвавшейся от народа потомственной денежной аристократии. Впрочем, он считал, что даже Аргентина с Уругваем в этом отношении серьезно превосходят его родину.

Пять лет Мадеро изучал коммерцию и экономику в Версале, готовясь принять на себя управление необъятными родительскими капиталами. Вернувшись в 1892 году на родину, Франсиско сразу же отправился в Калифорнию, чтобы изучить в Университете Беркли основные нововведения американского сельского хозяйства.

Но когда Франсиско получил представление о своих будущих асиендах и промышленных предприятиях, он пришел к выводу, что улучшать надо не только агротехнику, но и условия труда сельскохозяйственных рабочих. Родственники не одобряли этой блажи, однако до поры до времени мирились с ней, считая, что наследник скоро переберется и станет нормальным помещиком.

Как классический либерал и прогрессист западного толка Мадеро считал, что только всеобщее образование населения сможет сделать Мексику процветающей страной. Он уделял особое внимание устройству школ в сельской местности и некоторые из них финансировал. Сначала Франсиско надеялся заинтересовать своими проектами власть имущих. Он даже написал губернатору Чиуауа Энрике Крилю, видному представителю «сьентификос», письмо, где горячо доказывал преимущества всеобщего образования. Однако Криль, как и другие «сьентификос», столь же горячо был убежден, что основной массе мексиканского населения образование только навредит. Уделом крестьян и рабочих должен оставаться монотонный физический труд, и образования для этого им не требуется. Ну а все квалифицированные должности с успехом занимают иностранцы.

В некоторых исследованиях Мадеро рисуют чудаковатым идеалистом-спиритистом вроде чеховских героев. Однако такие оценки весьма далеки от истины. Спиритизм для него был не только средством общения с духами умерших великих людей (явление, в то время чрезвычайно модное в интеллигентской среде всего мира). Мадеро извлек из своего увлечения боевую идеологию, которую прямо противопоставлял католичеству. Не бог предопределяет человеческую жизнь. Страдания человечества являются вовсе не результатом некоего первородного греха, а следствием несовершенства человеческого общества. Мадеро писал: «Вот великое дело, которое проповедует спиритизм и к которому мы предлагаем присоединиться: освобождение человечества путем образования и науки».¹³⁰ Интересно, что конечной целью реформ человеческого общества Мадеро видел освобождение человечества от оков материализма. Под материализмом он понимал стремление к наживе как мерило всех ценностей мира. С этой точки зрения правление Диаса и особенно клики «сьентификос» казались воплощением грубого материализма в его самой неприкрытой форме.

¹³⁰ Cumberland C. C. Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 34.

Отец тщетно пытался отговорить сына от занятий бесполезными для предпринимательства социальными вопросами. Ведь он учил сына, чтобы тот со временем взял на себя управление разросшейся экономической империей клана Мадеро. Но сын был другого мнения: «Богатство ничего для меня не значит... так как я посвятил свою жизнь высокой и благородной цели, для меня нет иного спокойствия, чем спокойствие совести, и я могу достигнуть его, только исполнив свой долг».

От таких воззрений был лишь шаг до вступления в активную политическую борьбу. И «разбудили» Мадеро либералы 1900 года. Инженер Ариага, учредитель первого оппозиционного конгресса либеральных сил в Сан-Луис-Потоси, где произнес свою знаменитую речь Рикардо Флорес Магон, был личным другом Франсиско. Мадеро искренне возмущен разгром властями клуба Ариаги. Потряс его и расстрел демонстрации против Рейеса в 1903 году. Теперь, писал он, ему стало «абсолютно ясно, что центральное правительство полно решимости сокрушить железным кулаком и даже утопить в крови любое демократическое движение». Как уже упоминалось, Мадеро стал финансово поддерживать издававшуюся в США «Рехенерасьон».

И все же у Мадеро тогда еще сохранялись иллюзии в отношении Диаса. Возможно, размышлял молодой помещик, Диас не терпит конкуренции на общенациональном уровне, но вполне допускает соревнование политических сил, пусть и в довольно узких рамках, на уровне штатов и муниципалитетов. Вскоре сама действительность убедила Франсиско Мадеро в обратном. Первоначально политических амбиций у него не было: он считал себя выше этого. Но с неукротимой энергией, присущей любому искренне убежденному в своей правоте человеку, он бросился с головой в местную предвыборную кампанию в Коауиле, убедив баллотироваться друга семьи. Оппозиционное движение представило скромную программу, основой которой было, в полном соответствии с мыслями Мадеро, запрещение перевыборов действующей власти на второй срок подряд и активное содействие развитию образования. Оппозиционерам казалось, что кампания развивается весьма успешно и их программа находит сочувствие у избирателей. Однако в самый последний момент власти штата вмешались в предвыборную гонку и обеспечили победу своих кандидатов.

Но Мадеро не собирался сдаваться. В 1905 году предстояли выборы губернатора штата Коауила.¹³¹ Этот штат, как и весь север, считался вотчиной Рейеса, которого Мадеро ненавидел после расстрела мирной демонстрации в апреле 1903 года. Поэтому борьба против кандидата властей была для него делом чести. Правда, оставалось неясным, кого же выдвинут власти. Поначалу подозрения, естественно, падали на действующего губернатора Мигеля Карденаса. Его основной соперник Фрумен시오 Фуэнтес именовал себя независимым, хотя на практике он был составной частью диасовской игры в псевдовыборы. Друг вице-президента Корраля, Фуэнтес надеялся, что тот убедит Диаса не поддерживать на выборах Карденаса. Однако Мадеро рассудил, что поражение действующего губернатора в любом случае будет важной победой оппозиции, и организовал для поддержки Фуэнтеса клуб имени Бенито Хуареса. Как основной финансист оппозиции он был избран президентом клуба.

¹³¹ Krauze E. Francisco Madero. *Mistico de la libertad*. Mexico, 1997. P. 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.